

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Бараков
В. Г. Бондаренко
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
В. В. Касьянов
Ю. В. Козлов
В. И. Лихоносов
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
З. Прилепин
Н. Г. Пугачёва
Л. А. Сычёва
А. В. Татарinov
Е. В. Хомутов
С. А. Шаргунов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Юрий Михайлович Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Н. И. Крижановский

РЕДАКТОР ОТДЕЛА

В. А. Бельтюкова

ДИЗАЙН

И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР

М. В. Юрченко

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал
№ 4 (93) 2021 г.

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

УЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского
края, ООО «Газетно-информационный комплекс
«Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный
комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением
автора публикации.

Заказ № 988

Тираж номера 950 экз.

Свободная цена.

Подписано в печать 23.08.2021 г. Формат 84x106/16.

Дата выхода 10.09.2021

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано АО «Издательство «Советская Кубань»,
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Журнал зарегистрирован в Управлении Федераль-
ной службы по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых коммуникаций
по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250
от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТУРГИЯ

МАРТА ЛАРИНА СПАСИБО, ЧТО ПОМНИТЕ <i>(разговор А.Г. Достоевской с потомками из XXI века)</i>	6
--	---

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ «ПОКА Я ЖИВ, ЛЮБИТЬ НЕ ПЕРЕСТАНУ...»	18
СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ «В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ БЛАГОСЛОВИ!..»	22
ЛЮДМИЛА ХОРЕВА «СТИХОМ СЧИТАЮ ПУЛЬС...»	26

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ (1877 год)	34
--	----

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

ИГОРЬ СИРИЦА АВТОМОБИЛИ И АВТОМОБИЛИСТЫ ЕКАТЕРИНОДАРА-КРАСНОДАРА <i>(Первая четверть XX века)</i>	54
---	----

СОБЫТИЕ

ВАЛЕРИЯ БЕЛЬТЮКОВА СЕЛЕЗНЁВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ КУБГУ	70
---	----

В МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

ЯНА МИШУРОВА МОЛОДЁЖНЫЙ ВОПРОС В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	78
ИРИНА КАЛУС ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»	84
ВИКТОР БАРАКОВ ДВА ИДЕАЛА <i>(Библейские сюжеты в произведениях Ф.М. Достоевского)</i>	90
АНДРЕЙ БЕЗРУКОВ АПОСТОЛ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	94
ЮРИЙ ПАВЛОВ «ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ» ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЮДМИЛЫ САРАСКИНОЙ	100
АЛИНА ТАРАН ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СПЕКТАКЛЯХ МХТ им. А.П. ЧЕХОВА	110

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСАНДР ГАЛКИН ВЕНОК НА МОГИЛУ ВИКТОРУ ЛИХОНОСОВУ... ..	116
ЛЮДМИЛА ХОРЕВА ПРОСТОДУШНАЯ ИГРА. ПАМЯТИ ВИКТОРА ЛИХОНОСОВА	124
ЮРИЙ КОЗЛОВ РУССКАЯ ИДЕЯ В ПОНИМАНИИ ЮРИЯ СЕЛЕЗНЁВА	130
ИРИНА УШАКОВА МИХАИЛ ЛОБАНОВ И ЕГО УЧЕБНИК «ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ РУССКОЕ СЛОВО...»	134
СОФЬЯ ГИНЕЕВА ТОТ ЯД, ЧТО ОТРАВЛЯЕТ ДУШУ	140

ДРАМАТУРГИЯ

МАРТА ЛАРИНА

Родилась в 1956 году в Калмыкии, в городе Элисте. Победитель нескольких драматургических конкурсов. Публиковалась в журнале «Современная драматургия», в альманахе «Автора — на сцену», в электронном журнале «Литература». Поставлены спектакли по пяти пьесам. Живёт в Москве.

СПАСИБО, ЧТО ПОМНИТЕ

(РАЗГОВОР А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ С ПОТОМКАМИ ИЗ XXI ВЕКА)

Монопъеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

А.Г., Анна Григорьевна Достоевская, вдова Фёдора Михайловича Достоевского.
ГОЛОС РАСПОРЯДИТЕЛЯ ИЗ-ЗА КУЛИС, голос распорядителя встречи Анны Григорьевны с почитателями Ф.М. Достоевского из будущего.
ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.
ВТОРОЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.
ТРЕТИЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.
ПЕРВЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.
ВТОРОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.
(Голоса звучат в записи.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На сцене стоят маленький столик и стул. На столе графин с водой, стакан и вазочка с записками от зрителей. На заднике в полумраке висят репродукции рисунков и черновиков Ф.М. Достоевского.

В кулисах слышится возня, периодически виден бок платья А.Г.

Слышится ГОЛОС РАСПОРЯДИТЕЛЯ.

ГОЛОС РАСПОРЯДИТЕЛЯ *(приглушённо).* Анна Григорьевна, дорогая, ну, какое фойе?! На сцену, на сцену! Ну, прошу вас! Зрители давно уже ждут... Удобно, удобно, у них в XXI веке это так заведено — они купили билеты! Да идите уже, голубушка, общайтесь!

Снова слышится неразборчивый шёпот, и, наконец, на сцену выходит А.Г. с портфелем в руке, смущённо кланяется зрителям, поправляет накинутую на плечи шаль, идёт к столу, ставит портфель на пол.

Слышатся аплодисменты.

А.Г. Добрый вечер, господа! Прошу простить

моё смущение и растерянность перед вами, но мне никогда ещё не приходилось выходить на сцену — все встречи с почитателями таланта моего супруга Фёдора Михайловича Достоевского проходили обычно либо в фойе, либо в залах клубов, либо в гостиных литераторов... Будьте снисходительны...

Я понимаю, что в этом зале нет случайных людей — сюда пришли те, кто знает не только произведения Фёдора Михайловича, но и его биографию, и тем не менее, прежде, чем отвечать на ваши вопросы, я всё же расскажу немного о себе...

А.Г. прячет руки за спину, глубоко вздыхает.

Я, Анна Григорьевна Достоевская, в девичестве Сниткина, вдова военного инженера Достоевского, а точнее — полевого инженера-прапорщика, впоследствии ставшего великим писателем, родилась в Петербурге в небогатой семье. Мой отец был всего лишь мелким чиновником, но он очень любил литературу и знал её. И человеком был жизнерадостным и светлым. Вот от своего отца я и услышала о писателе Достоевском. Отец просто боготворил Фёдора Михайловича. Неточкой в семье меня называли именно из-за героини

рассказа «Неточка Незванова». С этого рассказа и началось моё знакомство с произведениями Достоевского...

В гимназии, которую я окончила с серебряной медалью, также все поголовно обожали произведения Фёдора Михайловича, и на Педагогических курсах тоже... Курсы, увы, мне закончить не удалось. Из-за болезни отца пришлось бросить. Но я твёрдо решила приобрести какую-нибудь профессию, а потому пошла учиться стенографии. Вот так нежданно-негаданно я и вышла на дорогу, которая привела меня к Фёдору. *(Опомнившись, тут же добавляет.)* Михайловичу.

СЦЕНА ВТОРАЯ

А.Г. снимает шаль, кладёт её на стул.

А.Г. Понимая, что я иду стенографировать текст известного писателя, я ужасно переживала: вот увидит он девчонку вместо солидного стенографиста — и тут же мне откажет. Поэтому сразу решила, что нужно найти хоть какой-нибудь способ стать представительнее, и придумала купить себе портфель. *(Берёт портфель, озорно прохаживается по сцене.)* На самом деле представительнее, правда? *(Смеётся.)* Вот так бодро, с интересом в глазах и трепетом в сердце я и явилась к Достоевскому. Кстати, он почему-то виделся мне совсем не таким, каким оказался на самом деле... Мне думалось, что он непременно должен быть огромным и чуть ли не со светящимся нимбом над головой. *(Смеётся.)* А вышел почти пожилой человек среднего роста. Самый обыкновенный... И в то же время необыкновенный, потому что повёл он себя необычно — слишком откровенно сразу же без всяких предисловий доложил мне о его почти катастрофическом положении, о том, что если он не напишет за двадцать шесть дней роман, то на десять последующих лет потеряет права на все свои литературные произведения. Да, таков был грабительский контракт расчётливого издателя Стелловского с писателем Достоевским, обвешанным долгами. И потом тут же рассказал ещё и о своей неизлечимой тяжёлой болезни, о паду-

чей, чем окончательно пробудил во мне странные, ранее неведомые, почти материнские чувства, и я ощутила буквально потребность защитить этого человека, помочь ему, вырвать его из лап мучителя... И прижать к сердцу. Да, именно это я и почувствовала. И вечером того же дня мы приступили к работе. *(Вынимает из портфеля стопку бумаг, портфель возвращает под столик.)*

Вы уже, конечно, все знаете, как это у нас происходило: Фёдор Михайлович, заглядывая в свои черновики, диктовал мне, я стенографировала, дома расшифровывала текст, а утром приносила чистовик. Он перечитывал, вносил поправки и диктовал новую часть, которую набрасывал прошедшей ночью. И всё повторялось сначала. И так по кругу двадцать шесть дней. Мы почти не спали эти дни, почти не ели, но зато много пили чая. А пить чай, если по-достоевски, это не просто ритуал, это целая философия... *(Улыбается своим воспоминаниям.)*

Меня очень удивляло и забавляло в нашей работе то, что Достоевский не просто диктовал, а диктовал разными голосами, то есть как актёр практически играл каждого своего героя. И черновик никогда не держал ровно перед своими глазами, а вертел его в разные стороны. Я не спрашивала, почему он так делает и что это значит, робела, но мне ужасно хотелось заглянуть в его бумаги. И вот однажды, диктуя, он запутался в листах и, нервничая, рассыпал их по полу. Я тут же бросилась ему помогать, но как только подняла несколько листов и заглянула в них, так сразу же и замерла заворожённо: среди каруселью закрученных строчек на меня смотрели лица героев нашего романа. И я сразу узнала, кто есть кто. Портреты были удивительно точными. Потряс меня и почерк писателя: то есть невозможность определить, что это за почерк, так как все куски были написаны будто разными людьми. Это было головокружительно. Наверное, многие из вас видели его черновики, я достаточное количество передала в музеи, но в тот момент я была первая, кто их увидела. *(А.Г. берёт листы, показывает их зрителям.)*

Картины на заднике освещаются — это черновики с рисунками писателя.

Да, они меня заворожили. Я рассматривала их и не могла оторваться, но в то же время мелькнула мысль: как он во всём этом разбирается — здесь же сам чёрт ногу сломит. А диктует так, словно глава написана ровненько и гладенько. Его тексты были не только на отдельных листках, как правило, сложенных вдвое, но и в записных тетрадах, и в книжках, и на отдельных клочках бумаги. И даже на конвертах писем, что ему приходили. Короче, если на чём-то можно было писать, на том он и писал.

Потом уж я насмотрелась на черновики вдоволь, появились даже особо любимые листы, где преимущественно были каллиграфия и готика, то есть безумно красивым правильным почерком написанные отдельные слова и удивительные рисунки всевозможных арок, башенок и стрельчатых окон готических зданий. Особенно много подобного было в рукописях «Бесов».

На заднике показываются упоминаемые черновики.

А.Г. возвращает рукописи на стол, садится.

Самые любимые из них я, конечно, пока никому не отдала, но оставила распоряжение encasdemamortaud'unemaladiegrave... То есть на случай моей смерти или тяжелой болезни... Я завещала передать черновики внукам Федору и Андрею, а права на сочинения — сыну Федору. *(Поднимает руку, призывая зрителей к вниманию.)* Вы слышали, что я сказала? Сыну Фёдору... Внуку Фёдору... Вот так Фёдор Достоевский живёт уже в третьем поколении. И будет жить вечно в своих потомках. Я счастлива.

Словно опомнившись, А.Г. вскакивает со стула.

Итак, мы поработали на славу, роман «Игрок» был написан в срок! Мы успели!

Раздаются аплодисменты и ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.

ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА *(доброжелательный).* Анна Григорьевна, ваш восторг понятен, но всё же механически записывать текст и творить

— это же разные вещи... Поэтому можно ли говорить, что вы принимали участие в написании романа?

А.Г. Конечно, я всего лишь стенографировала. Всего лишь. Но я старалась изо всех сил. Тот месяц я почти не отдыхала, забывала поесть, ни с кем не общалась — мне круглосуточно было некогда, так я хотела помочь любимому писателю. Но и не только это. Я поддерживала его, вдохновляла, ободряла и одобряла — для любого писателя это ведь очень важно! К тому же, он ещё обсуждал со мной своих героев, спрашивал моё мнение о них, интересовался, как со стороны звучат диалоги? Не режет ли слух? А диалоги ведь именно должны звучать — это как музыка! *(Зябко поёживаясь, А.Г. идёт к столу, накидывает на плечи шаль, укутывается, садится.)* Да, тогда я всего лишь помогла начисто записать роман, придуманный писателем. Великим писателем! Мы оба успели сделать каждый своё дело. С первого же дня у нас получилось работать слаженно. Я бы даже сказала, гармонично. И вот таким образом мы работали над остальными произведениями Фёдора Михайловича. А «Игрок» был нашей первой общей радостью. Безудержной радостью до слёз... Но в тот счастливый момент, признаюсь, я плакала не только от радости — моё сердце плакало от тщательно скрываемого смятения: роман закончен, а дальше — у каждого из нас своя дорога.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

А.Г., сбросив с себя шаль, радостно достаёт из портфеля белый воздушный палантин.

А.Г. Но он сделал мне предложение. Он сделал мне предложение! Я даже мечтать о таком не могла, поэтому не сразу и осознала случившееся. А когда осознала...

А.Г. накидывает на голову палантин, словно фату.

Меня потом многие упрекали, что это был расчёт. Ну, скажите мне, в чём расчёт? Он был беден, и на его плечах была ещё семья брата,

увешанная долгами... *(Сокрушённо разводит руками.)* Какой уж тут расчёт... Я полюбила Фёдора Михайловича. Да, это была не та обычная любовь, что мы все себе представляем, а любовь как бы головная. Идейная. Это было обожание, преклонение. И в то же время, наверное, жалость к человеку, не выдавшему в своей жизни ни радости, ни тем более счастья. В слове «жалость» нет ничего оскорбительного, напротив... На Руси ведь раньше так и говорили: не «люблю», а «жалею»... Вот и Сонечка Мармеладова, одна из любимых героинь Фёдора... *(спешно добавляет)* Михайловича... тоже ведь через жалость полюбила Раскольникова. И любовь-жалость ничуть не слабее любви-страсти. Напротив, крепче такой любви ничего нет.

А.Г. взмахивает палантином, задевает вазочку на столе, поправляет её, заглядывает в неё.

О, что это? *(Разворачивает одну из записок.)* Да это же ваши вопросы... А мне не сказали... *(Молча пробегает глазами текст.)* Подумать только, первая попавшаяся записка — и именно о «Преступлении и наказании». Какая интересная случайность... *(Зачитывает.)*

«Почему Достоевский, так высоко ценивший красоту и нравственность, в романе «Преступление и наказание» положительной героиней вывел... пúтану, которую легко может обидеть и унизить любой негодяй»... Пúтану... Пúтану... Кто это? А... Это, кажется, из индуистской мифологии: демоница, пытавшаяся умертвить Кришну. Да, да, вспоминаю... Но почему-то имя написали с маленькой буквы... *(Читает.)* Так... «Положительной героиней вывел пúтану, которую легко может обидеть и унизить любой негодяй. И которая сама добровольно идёт на эти унижения, потому что считает себя недостойной. И потому, видимо, она так недостойно навязывает себя человеку, который к ней равнодушен, и даже идёт за ним на каторгу...» Положительной героиней вывел Пúтану? Это где он такую героиню вывел? Когда?

Из кулис слышится шёпот. А.Г. прислушивается, отвечает в кулисы.

Не демоница имеется в виду? *(Растерянно.)* А про что же здесь тогда... Пúтана, Пúтана... Или это... Кажется, я что-то такое слышала... Ну, конечно! Господи, вспомнила! Это же какой-то необычный вулкан! По-моему, где-то в Андах... *(Удивлённо замирает.)* Так, а при чём здесь вулкан? *(Растерянно оглядывается, идёт к кулисам.)*

Слышится сдавленный шёпот, А.Г. возвращается.

Надо же, оказывается «пúтана»... Я и не знала... Я это слово в такой интерпретации вообще в первый раз слышу... *(Заглядывает в записку.)* «...положительной героиней вывел пúтану. Наверное, Достоевский был сам влюблён в такую на каторге, иначе почему?» *(А.Г. вздыхает.)*

Ну что ж... Пожалуй, сразу и ответу. Ответу так, как сама это понимаю... Видите ли, писатель — это натура неоднозначная, мыслящая не так, как мы, обыкновенные люди, а зигзагами от огненных молниевых вспышек до промерзания в лёд, с проклятием святых и оправданием грешных. Иначе как же ему показать своих героев во всей их полноте так, чтобы вы поняли этот образ, прочувствовали его? Чтобы крепко задумались о добре и зле и что есть правда, а что кривда. И в чём предательство... И в чём суть бытия... Ведь писателю в каждом своём произведении нужно на все эти вопросы отвечать. И отвечать словами своих героев. В этом и есть предназначение писателя. Для этого он и выдумывает свои истории... И именно выдумывает — писателю вовсе не обязательно испытывать всё самому, ему достаточно всего лишь представить любую ситуацию. Если, например, он пишет про ураган, то в этот момент в его мозгу бушуют миллионы таких ураганов — а ему только нужно выбрать самый подходящий к данной ситуации. И все герои, все (!) говорят словами автора — это автор так думает, предполагает, рассуждает, сомневается, утверждает — анализирует, ставит себя на место придуманного героя...

Мне вот так же часто задают вопросы про бедную растленную Ставрогиним девочку из «Бесов», часто бросают мне в лицо, что, мол, не испытывший этого об этом так не напишет... *(Вглядывается в зрительный зал.)* Сплетня эта пошла от нашего бывшего якобы друга, Страхова. Он частенько приходил при жизни Феди к нам обедать. Дифирамбы пел — так восхищался талантом, которым его самого Бог не одарил. Помню, потом он говорил, что Достоевский описал мысли и действия Раскольникова настолько ярко, что, читая, создаётся ощущение, словно это ты сам идёшь и убиваешь старуху... Ну или уж во всяком случае присутствуешь при этом... Из-за скудости воображения этот Страхов и решил, что так написать, не испытав, нельзя... Хотя, уверена, что он, и испытав, так не написал бы.

Вот теперь и вы с вопросом о несчастной Соне... Не было у Достоевского никакой любимой Сони — он сам эта Соня и есть. Потому что мироощущение, убеждения, поступки Сони отражают жизненную позицию самого Фёдора Михайловича. Падшая женщина, а чиста и невинна. Он на каторге был, а ведь преступником не был. И настольной книгой его была Библия, подаренная на каторге женой декабриста Фонвизина, а не какой-нибудь популярный роман. Фёдор знал её чуть ли не наизусть, постоянно обращался к ней, анализировал библейские сюжеты, образно переносил их в свои произведения. Даже любил гадать по ней, когда долго находился в раздумье и не мог принять решения... И в свои последние минуты... он... просил меня открыть наугад и прочесть... *(Вздыхает, задумывается.)*

Я никогда не хотела и не хочу делать из своего супруга идола, обожествлять его, но и порочить не позволяю.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА *(с удивлённой заинтересованностью).* Минутку, минутку! Простите, но как вяжутся эти ваши слова с тем, что вы позволили всем узнать то, о чём ваш муж просил никому не рассказывать?! Вы же сами подготовили письма к изданию. Забыли, что он писал вам: «Аня, дай мне слово, что никогда никому не бу-

дешь показывать этих писем. Не хочу я, чтоб такая мерзость положения моего пошла по языкам». Это когда он в Гамбурге проигрался в пух и прах... Вспомнили? *(Недоумевающе.)* Это же подстава чистой воды, разве нет?

А.Г. (непонимающе). Подстава? *(Растерянно поворачивается к кулисам.)*

ВТОРОЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА *(растроенно).* Да! И ещё какая! И меня потрясло ещё то, что вы ведь намеренно отправляли Достоевского играть! Чтобы он проигрался и бросился к вашим ногам, страдая и проклиная себя! Зачем? *(Обиженно.)* Чтобы у вас появилась возможность продемонстрировать своё вселенское терпение и безграничную любовь? Вам хотелось доминировать?

А.Г. (взволнованно). Во все времена все люди, как правило, хотяют одного и того же: покоя, тепла, сытости, здоровья... И этим они похожи. И лишь гении в какие-то мгновения могут становиться нелогичными, сумасшедшими... В какие-то мгновения, в каких-то ситуациях, при каких-то условиях, в какой-то обстановке... Фёдор был чудесным мужем — любящим, заботливым, он тоже был из крови и плоти, но в какие-то определённые моменты это всё отходило на второй план и вперёд выступал противоречивый творец-безумец. Я заметила, что именно рулетка будит в нём фантазию и творческие порывы... И, к сожалению, особенно проигрыши. К сожалению, потому что нам всегда не хватало денег. Но именно в такие скверные времена он создавал великие произведения. А за это надо платить... Он вот как-то жаловался мне, что, если бы не спешка в выполнении обязательств перед издателями, то он бы сотворил шедевры. Я улыбалась, потому что он их и так сотворил. И именно при таких обстоятельствах. И неизвестно ещё, что бы он написал в тепле и благополучии. Будить в нём творческие импульсы я считала своим долгом, потому и поступала так.

И Федя меня ценил и всё больше и больше привязывался. А ведь в самом начале нашей семейной жизни возникла ситуация, которая могла привести к разрыву. Федины родственники — это

вдова его брата и пасынок Павел... Они, почуяв во мне конкурента, решили во что бы то ни стало от меня избавиться. Ох, что тут началось...

ТРЕТИЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. А что, простите, началось? Я читала ваши грустные воспоминания. Анна Григорьевна, а вы знаете, как, к примеру, родственники Чайковского встретили Антонину Ивановну Милукову? Они объявили её сумасшедшей и обманом засадили в дом призрения. Вот это действительно ужасно. К тому же, Чайковский не защитил свою жену, а отдал на растерзание братьям. А что такого родственники Достоевского сделали вам?

А.Г. В доме призрения? Я ничего об этом не знаю. Так она теперь в доме призрения... Значит, она всё-таки больна? Значит, братья Чайковского были правы? Очень жаль её. Про некрасивый разрыв Антонины и Петра Ильича я слышала, конечно...

ВТОРОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА (озадаченно). Создаётся впечатление, что у жён известных людей вашего времени по каким-то причинам элементарно съезжала крыша. Вот кроме вас только... Потому что и Софья Андреевна Толстая тоже тронулась... Льву Николаевичу даже пришлось бежать от неё. Как и Чайковскому от своей... Что происходило с женщинами в XIX веке?

А.Г. (удивлённо-задумчиво). Вы сказали «съезжала крыша»? Съезжала крыша... *(Показывает на себе.)* Так? Хорошее сравнение... Только вот если говорить о Толстых, то «крыша съехала» как раз у самого Толстого. Как он мог так поступать? Окружил себя чужими людьми и позволил им клеветать на свою жену, любящую и преданную, с которой прожил почти полвека! Она родила ему тринадцать детей! Сама их воспитывала... Пятерых потом схоронили... Сама вела хозяйство, опекала Льва во всём, начисто переписывала его работы, создавала условия для творчества, а он?! Он впустил к себе в дом этого Черткова и составил на него тайное завещание! В ущерб своей семье! Чертков, конечно, издал юбилейное собрание сочинений, писем и дневников Толстого, но

гонорары-то достались не Софье Андреевне... В нашем кругу его называли тёмной лошадкой, ведь это он спровоцировал семейную драму Толстых и уход Льва Николаевича из семьи...

Но я удивлена: почему вам пришло в голову сравнивать нас? Во-первых, я не Антонина Ивановна, а, во-вторых, Достоевский — не Чайковский. Ну как можно... *(Негодует.)* Да и не было такого, чтобы у всех всё было одинаково — у всех всё по-разному... И, конечно, многое зависело от самих мужчин. А мужчины тоже разные. Взять, например, многоуважаемого поэта Некрасова с его очень оригинальной личной жизнью... Соблазнить жену своего друга Ивана Панаева, тоже писателя, и открыто остаться с ней жить в её же доме при живом муже! Как это вам?.. Хотя и сам Панаев... Тоже хорош: так и жил с ними до своей смерти. Шестнадцать лет... *(Обхватывает голову.)* Господи, о чём это я? Заговорила совсем... *(Вспоминает.)* Так, вы спросили, как обижали меня родственники Фёдора... Самым обычным примитивным способом. Как все родственники мужей в подобном случае. Они хотели разрушить наш брак и избавиться от меня. Они решили, что если у нас образовалась семья, то Достоевский бросит их содержать и начнёт обустраивать своё гнездо, а на что же им тогда жить? К тому же, остались совершенно невообразимые долги от брата Михаила, которые мой бескорыстный супруг самоотверженно взялся выплачивать... Вот они и испугались, что наш брак положит конец их материальному благополучию... Я мешала им. И поэтому родственники пожелали, чтобы Фёдор отказался от меня. Стали наговаривать на меня, клеветать... Сравнить меня с его бывшей женой... Конечно, это сравнение всегда было не в мою пользу. Делать недвусмысленные намёки на то, что мне якобы намного приятнее находиться в обществе молодого пасынка Достоевского, чем с ним самим. Что меня совершенно не волнует творчество супруга, что я совершенно не ценю его — разве это не подлость? Федя, конечно, не сразу понял, к чему они клонят — его мысли были тогда совсем о другом: он обдумывал свой новый роман

«Идиот»... Но в какой-то миг мой супруг даже стал прислушиваться к высказываниям родственников. Это и понятно: у них было многолетнее совместное прошлое, а это всегда козырь, ведь это общие нежные воспоминания, бередящие душу, общее горькое чувство утраты, тоска по молодым годам, а отсюда и определённое доверие друг к другу... Конечно, я этого стерпеть уже не могла и предложила Фёдору сменить обстановку, уехать... И лучше всего за границу. Да, я предпочла убежать от этих коварных людей, но убежать вместе с любимым и ради любимого. Хотя бы ненадолго. *(А.Г. идёт к столу.)*

Я пообещала маме, что вернусь месяца через три, а вернулись мы через четыре года.

За кулисами слышатся возня и сдавленный неразборчивый шёпот.

А.Г. оглядывается, потом поворачивается к зрителям и, прижав руку к груди, извиняется, идёт к кулисам.

Слышится ГОЛОС РАСПОРЯДИТЕЛЯ.

ГОЛОС РАСПОРЯДИТЕЛЯ (шёпот). Анна Григорьевна, голубушка, времени у нас не так много — переходите конкретно к вопросам. Вот ещё записки передали. Не хотелось бы, чтобы зрители ушли неслышанными. И поменьше уже о себе... Про вас уже давно все всё знают. Давайте про Фёдора Михайловича.

А.Г. (в кулисы приглушённо с лёгкой иронией). Что вы говорите? А про Фёдора Михайловича не знают? Мой супруг был бы очень удивлён этому. *(Смеётся.)* Простите, простите, это я пошутила. *(А.Г. возвращается к зрителям.)*

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

А.Г. просматривает записки, сортирует их, складывая по разные стороны от вазочки.

«Анна Григорьевна, везде и всюду пишут о вашем бесценном вкладе не только в жизнь писателя, но и в его творчество. Вы можете утверждать,

что судьба Достоевского сложилась бы печально, если бы вы не вышли за него замуж и не приняли с таким рвением его опекать?»

Я со всей уверенностью и без всякой ложной скромности могу ответить: да. Не столько, может быть, печально, сколько — не так успешно. И вовсе не потому, что я одна такая на свете, и не потому, что Федя никогда бы больше не встретил достойной женщины... Нет, я не одна такая, и он вполне мог бы встретить... Но главное в нашем союзе то, что мы те самые половинки одного целого, которое создал сам Бог.

Вот, к слову, ещё тема, которой интересуются во многих записках. *(Читает.)* «Вы везде и всюду говорите о вашем удивительном союзе и в то же самое время откровенно признались, что вас пугала и доводила до отчаянья болезнь Достоевского. О каком тогда счастье можно говорить?» *(Удивляется.)*

В мире нет ничего идеального и однозначного — всё пятьдесят на пятьдесят. Изумительный цветок кого-то завораживает, а кого-то раздражает. Каждый выбирает по себе. И, конечно, за счастье нужно платить. Вот болезнь Достоевского и была той платой. *(Читает очередную записку.)*

«Вы на всех встречах постоянно вместо «Фёдор Михайлович» твердите «Федя», «Федя». Для чего? Так вы хотите подчеркнуть свою причастность к гению, ваши особые отношения, интимность?»

Зачем же мне подчёркивать то, что было для нас с мужем, как, впрочем, и для других супругов, естественным? Господа, Фёдор Михайлович Достоевский был моим мужем 14 лет. За эти годы я привыкла его так называть. Вот и всё. *(Читает следующую записку.)*

«Вы, когда представляетесь, всегда подчёркиваете, что являетесь вдовой военного инженера, а потом уже добавляете про писателя. Почему вы это делаете, ведь Фёдор Михайлович сам считал свою учёбу в училище ошибкой. Помните, в конце жизни он говорил: "Меня с братом свезли в Петербург в Инженерное училище и испортили нашу будущность. Это была ошибка". Для чего

тогда вам постоянно надо всем напоминать, что он учился на инженера?»

Достоевский не только учился на инженера, он стал инженером. И прекрасно окончил училище. Но тогда он ещё не до конца осознал своё место в этой жизни. Как, впрочем, и другие молодые люди, учившиеся вместе с ним, и которые тоже впоследствии стали знаменитыми. И тоже не инженерами. Например, художник Константин Трутовский, которого вы знаете как иллюстратора Пушкина, Гоголя и Шевченко. Он, кстати, автор первого портрета Достоевского, ещё юноши на тот момент. Писатель Дмитрий Григорович... Тоже вполне успешный... Кстати, и естествоиспытатель Иван Сеченов также учился вместе с ними. К тому же, там им преподавали не только технические науки, а и словесность, историю, французский язык, аналитику... И фехтование, и танцы, и даже пение. Вот вам и техническое училище! В жизни ничто не происходит просто так — в жизни всё происходит к чему-то. И уж точно, что ничего не бывает лишним.

Достоевский в те годы очень много читал и даже организовал в училище литературный кружок. И ещё он был редактором литографированной газеты. Училищной, конечно. *(Вспоминает.)* Кстати, а русскую литературу в училище им преподавал профессор Плаксин. По рассказам мужа, это был удивительный человек. Критик, театровед, автор педагогического романа «Женское воспитание». Правда, он не признавал Гоголя, но очень много уделял внимания Пушкину, Лермонтову, Кольцову и давал в своих хрестоматиях хороший подбор образцов народной поэзии. Так что всё не зря. *(Читает следующую записку.)*

«Назовите, пожалуйста, своего любимого героя из великого пятикнижия Достоевского. Если, конечно, такой есть». *(Усмехается.)*

Есть. Сам Достоевский. *(Задумывается.)* Меня вот ещё что постоянно удивляет: все читатели говорят в основном только о пятикнижии, словно это и есть всё творчество Фёдора Михайловича... Да, «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» — это

великие романы, но ведь Фёдор Михайлович кроме них написал ещё много прекрасных произведений! А что вы читали кроме пятикнижия? У него ведь есть, например, совершенно изумительные рассказы. Весёлые, остроумные и поучительные. А знаете ли вы, что свой первый литературный гонорар Достоевский получил за перевод «Евгении Гранде» Бальзака. И уже только после этого появились его «Бедные люди». *(Читает следующую записку.)*

«Анна Григорьевна, вам выпало жить в сложные времена: крестьянские волнения, забастовки рабочих, несколько покушений на императора Александра II и в итоге убийство его. Убийство Плеве и Великого князя Сергея Александровича. А Кровавое воскресенье... Как думаете, если бы Фёдор Михайлович был жив, написал бы он обо всех этих исторических событиях с историческими личностями? Или продолжал бы зондировать тёмные уголки сознания маленького человека?»

Во-первых, если говорить о временах, то, мне кажется, простых времён просто не бывает. Во-вторых, и в мои времена происходит столько похвальных событий — одно только открытие железной дороги Петербург — Москва в 1851 году чего стоит! А отмена крепостного права! А создание Государственного банка. А Земская реформа... Жизнь бурлит. В-третьих, произведения Достоевского стоустые, то есть сто уст, — многоголосные. Да, в центре каждого большого романа Достоевского стоит какая-нибудь одна личность, но личность эта необыкновенная, значительная, загадочная, а все остальные герои занимаются... как бы... разгадкой тайны этого человека. И писатель дает высказаться с полной откровенностью всем своим героям — людям с самыми разными убеждениями, с самым различным жизненным опытом, но все они находятся в поисках справедливости.

А что касается того, какими бы были новые романы Фёдора Михайловича, со всей уверенностью могу сказать только одно — они были бы великими. *(Смотрит на часы.)*

Дорогие мои друзья! Невозможно на одной

встрече рассказать обо всей непростой, но насыщенной жизни писателя. Но с вами всегда будут его книги. И музей — «Музей памяти Фёдора Михайловича Достоевского» при Московском историческом музее. И ещё есть место, куда вы всегда можете приехать и поклониться самому Достоевскому — это Некрополь Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры...

Когда мне принесли приглашение на эту нашу с вами встречу, я собирала чемоданы для дальней поездки и в то же самое время думала о том, что вот уже скоро исполнится сто лет со дня рождения моего любимого мужа. Как бы мне хотелось присутствовать при отмечании этой даты...

На днях я уезжаю на Кавказ — врачи мне советуют немного подлечиться, а потом, может быть, поеду ещё и в Ялту. Но к юбилею Феди надеюсь уже вернуться.

Ах, как хотелось бы видеть, как будут отмечать и его столетие. *(Улыбается.)* Да и двухсотлетие. Естественно, что уже без меня, но *(обращается к залу)* это ведь будет? Я верю, я знаю, Фёдора Михайловича Достоевского никогда не забудут. Покуда будет жить Русь. Русь, великая для русского народа и страшная для вечно спасаемой ею Европы.

Спасибо, что помните! Спасибо, что будете помнить!

А.Г. кланяется, уходит.

На заднике освещаются портреты Ф.М. Достоевского и А.Г. Достоевской.

ГОЛОС РАСПОРЯДИТЕЛЯ. Идя за гробом Фёдора Михайловича, Анна Григорьевна дала себе клятву жить для своих детей и всю оставшуюся жизнь посвятить, сколько будет сил, прославлению памяти незабвенного мужа и распространению его благородных идей. Она сдержала клятву.

Анна Григорьевна пережила Достоевского на тридцать семь лет. Все эти годы она посвятила его памяти: только полные собрания сочинений гениального мужа при ее жизни издавались семь раз, и в большом количестве выходили отдельные книги. В конце XIX века она, спустя многие годы, принялась за расшифровку стенографических записей 1867 года, которые, как и их письма с супругом и «Воспоминания», были опубликованы уже после смерти Достоевской, поскольку она сама считала их издание нескромным. В память о Фёдоре Михайловиче его вдова организовала в Старой Руссе — там, где у супругов была дача, — школу для бедных крестьянских детей.

Анна Григорьевна умерла в Ялте 9 (22) июня 1918 года, не дожив до столетия своего мужа три года. Через пятьдесят лет её внук, Андрей Фёдорович Достоевский, выполнил её последнее желание — перенес её прах из Ялты в Александро-Невскую лавру. На могиле Достоевского с правой стороны надгробия можно увидеть теперь скромную надпись:

«Анна Григорьевна Достоевская.

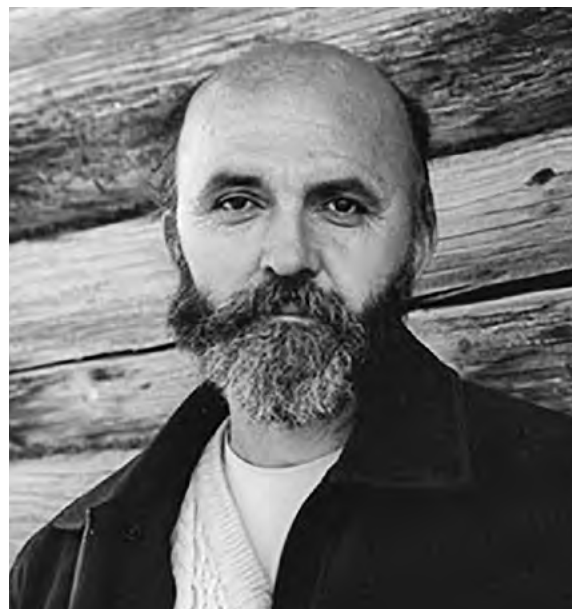
1846—1918». ■

ПОЭЗИЯ

*Под вечер стану у окошка,
Стою, слежу, как таснет день,
У ног моих мурлычет кошка,
Прочитать её мне просто лень.*

*Навряд ли в этом толка мною –
Смотреть, ведя секундам счёт,
Как мимо заповедей Бога
Куда-то жизнь моя течёт?..*

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

Родился в 1960 году в станице Кореновской Краснодарского края. Поэт, член Союза писателей России. Лауреат Международного конкурса газеты «Литературная Россия», Большой литературной премии России, Бунинской премии. Классик русской литературы. По мнению Ю. Павлова, Н. Зиновьев — самый выдающийся поэт современной России. Живёт в Кореновске.

ПОКА Я ЖИВ, ЛЮБИТЬ НЕ ПЕРЕСТАНУ...

* * *

*Все на своих местах:
Бог где-то в небесах,
А должен быть в сердцах...
В душе тоска и страх,
Простой народ в загоне,
Воры везде в законе,
Глава страны в Кремле,
А мёртвые в земле...*

* * *

*Сон приснился нелеп:
Будто влез я на крышу,
Вижу речку и степь,
А России не вижу.*

*Было так на душе
И темно, и обидно...
Я проснулся уже,
Но России не видно...*

* * *

*Каждый миг неповторим,
Но он стоит всё дороже.
Что творится в мире, Боже?
Что мы, Господи, творим?*

*Страх и глупость наши вехи,
Поменять бы их, но мы
Запустили сквозь прорехи
В души слишком много тьмы...*

СТРАШНОЕ

*Нас учили народу служить,
Верить в Бога совсем не учили.
Вот не стало народа. Как жить?
А учителя все опочили.*

*И тогда остаётся одно:
Опустить на самое дно,
Где Прогресс торжествует безбожно,
И пасть ниже уже невозможно.*

ДАВНЯЯ ОСЕНЬ

*Стояла осень тихая, как свет,
Мы с мамой в саду сгребали листья,
И было мне той осенью семь лет,
Я с миром всем мог счастьем поделиться.*

*Дни были удивительно длинные:
Уроки, стадион, библиотека...
До гибели моей родной страны
В ту осень оставалась четверть века...*

ДЕТСТВО

*Для того ты в душе и осталось,
Чтоб согреть наступившую старость.
Ты с улыбкой стоишь у порога,
И пускай ты не можешь войти,
Но с тобою присутствие Бога
Разливается в гулкой груди.
Воскресают забытые грёзы,*

И мечты, как и прежде, влекут.
И бегут благодатные слёзы,
По щекам стариковским текут...

УТРОМ

Снилось детство мне, треск мотоцикла...
Снова snились отец мне и мать...
Только в сны ещё ложь не проникла,
Потому так и хочется спать...

УТРО

Лучи занавески прогрызли
И льются на пол горячо.
Куда унесут меня мысли
Сегодня, не знаю ещё.

Хотелось бы в светлые дали,
Хотелось бы в детство, где я,
Крутя беззаботно педали,
На велике еду в поля.

Цикады, как крупные брызги,
Летят из-под быстрых колёс,
Во рту моём сладость ириски,
В глазах моих радуга слёз...

* * *

Я, как и все, со дня рожденья
Встречался с разными людьми,
И все достойны снисхожденья
И пониманья, и любви.

А те, кто думает иначе, –
Я понимаю их вполне –
Они несчастливы, и значит,
В любви нуждаются вдвойне.

ЖЕНЕ

Ни роз, ни астр, ни васильков –
Я подарю тебе букет
Рассветных лёгких облаков
Из незабвенного мной дня,
Когда ты мне сказала: «Нет,
Я не смогу любить другого...»

В СТЕПИ

Стою у края пашни, мучась,
Гляжу на ломти чернозёма,
Мне плоти будущая участь
Явилась зримо и весомо.

Хотя надежда есть на душу –
На что надеяться мне больше?
Но я и тут изрядно трушу:
Вдруг её участь ещё горше?..

* * *

Я ни к чему не призываю.
Отнюдь, я просто называю
Своими именами вещи,
А получается зловеще...
И я, наверно, виноват,
Что мир наш так похож на ад...

* * *

Пока я жив, не разлюбить мне этот
Пологий низкий берег с жёлтой ивой
И кулика, бродящего с рассвета
По отмели с «улыбкою счастливой»...

Пока я жив, любить не перестану,
А это счастье, собственно, и есть...

СОЗЕРЦАНИЕ

Под вечер стану у окошка,
Стою, слежу, как гаснет день,
У ног моих мурлычет кошка,
Прогнать её мне просто лень.

Навряд ли в этом толка много –
Смотреть, ведя секундам счёт,
Как мимо заповедей Бога
Куда-то жизнь моя течёт?..

* * *

Чем оправдаюсь перед Богом,
Когда настанет мой черёд?
«Прости, я грешен», – это много.
Скажу: «Я – русский». Он поймёт.

У КАРТИНЫ ПИРОСМАНИ

Первозданно цвет и свет
Раскрывают суть явлений.
Смерти не было и нет,
Есть лишь смена поколений.

Лес похожий на гребёнку
Дружит с лугом росным.
В мире нет причин ребёнку
Притворяться взрослым. ■

«Свадьба в Кахетии». Нико Пиромани. 1916 г.

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

Родился 28 августа 1954 года
в городе Челябинске.
Публиковался в центральных
и краевых газетах, журналах
и интернет-изданиях.
Автор сборника стихов
«Грешное с праведным».
Живёт в Анапе.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ БЛАГОСЛОВИ!..

* * *

*Когда созреет яблоко раздора,
То мало не покажется нам всем,
Политиком ты был иль просто вором,
Иль даже если не был ты никем.*

*И в дни, когда опять крепчает ветер,
Становится вдруг жутко на душе –
Вот-вот сорвёт то яблоко он с ветви,
А яблоко румянится уже...*

* * *

*Ложь кругом и подделка –
Взгляд ни бросишь куда.
Дверь с табличкою «Welcome»,
А за нею беда.*

*И с улыбкой медовой:
«Просим вас!» – говорят.
А за ласковым словом –
Приглашение в ад.*

*Смотришь вдаль затаённо,
Да куда убежишь?..
Если ген скорпиона
Ждёт нас в золоте ржи...*

* * *

*Тридцать лет нас по пустыне водят,
Чтоб советский выветрился дух,
Чтобы мы забыли о свободе,
Не произносили слово вслух.*

*Чтоб за годы вырасти успело
Поколенье жалкое рабов.
А с таким потом, что хочешь, делай,
Раб есть раб, он всё стерпеть готов.*

*Потому и водят нас... Но рано
Радуется «новый Моисей»,
Каркающий чернокрылым враном
Над погибшей Родиной моей.*

*Это злое карканье – не пенье.
Внукам мы споём о той стране,
И Святой Георгий на коне
Поведёт нас смело в наступленье –
Родины увидим воскресенье,
Хоть потом... Но дело не в цене!..*

С НАТУРЫ

*Наркоман танцует под орехом,
Что же он такое покурил?..
«Я к вам с Солнца, – говорит, – приехал,
Прилетел, а может быть, приплыл...»*

*Рядом в сумке музыка играет,
А его припадок в танце бьёт.
Он доволен своим жалким «раем»,
Получая вот такой «приход».*

*Музыка, звучащая негромко,
Ты куда сейчас его несёшь?
Завтра утром он получит ломку,
Ты его из ада не спасёшь...*

Будет он в поту брести к «закладке»,
А «приход» получит, и опять
Будет он под музыку в припадке
Биться и плясать, плясать, плясать...

СЕРДЦЕ

*Zaštotenemasrce da ti dam
Dragan Kj Jic' Keba**

Когда-то ритмично, уверенно билось,
Не ведая, что значит боль.
Но годы летели, в нём столько вместилось:
Где счастье цвело и любовь,

Прошлись ураганом и грозы, и горе,
И сердце забилося вразнос...
Да мало ли в жизни подобных историй,
Да мало ли пролито слёз?..

Хоть сердце болит, ему чужды мечтанья
О том, чтобы стать молодым.
В изношенном сердце одно лишь желанье:
Чтоб рядышком биться с твоим...

* Почему тебя нет,
чтоб сердце тебе отдать (сербс.)

ДУША

Смерть подведёт свою черту,
И в небо взмоют птичьи стаи,
Средь них покой я обрету
И в белом облаке растаю...

Но это будет всё потом, –
Вон чьи-то души пролетели! –
Ну, а пока земной мой дом
В таком привычном бренном теле.

И, значит, остаётся – жить!
Мороз жестокий или слякоть, –
Надеясь, верить и любить,
Страдать, и маяться, и плакать...

БЕЛЫЙ СОН

Тебя со мною рядом нет,
Но ты мне снилась.
Послал мне розовый рассвет
Такую милость.

В подробностях не вспомню сон,
Скажу без фальши,
Но был во сне я том влюблён,
Как юный мальчик.

И снег во сне летел в лицо,
И цвет вишнёвый...
В волшебном сне возможно всё.
Всё было ново.

И сон был светел, сон был чист,
Необычайный...
И путь наш был, как белый лист,
Окутан тайной...

* * *

Под шум библейского дождя
И в ожидании потопы
Засни, попробуй, как дитя,
И беззаботным быть попробуй.

Не получается? Вот-вот...
Вновь просыпаешься от шума.
Дождь за окном всё льёт и льёт,
И дом-корабль в ночи плывёт,
Подвал стал корабельным трюмом.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

*Не беспокойся обо мне.
Я здоров, пишу стихи
и играю в шахматы.*

Николай Гумилёв

(записка из тюрьмы жене, август, 1921 год)

Пишу стихи, играю в шахматы.
Не беспокойся обо мне.
Мне дарит вольный мир распахнутый
Заката отблеск на стене.

Звездами август небо чёркает,
Вон и моя летит, скользя...
Судьба в руке, с усмешкой горькою,
Сжимает чёрного ферзя.

А я всю жизнь играю белыми...
Но разве в этом виноват?
За это, видно, – что поделаешь? –
Судьбою мне объявлен мат.

Но я плыву против течения...
Мне сердце говорит: «Плыви!»
Прости, Господь, все прегрешения,
В последний путь благослови!.. ■

И трюм тот полнится водой,
А мы плывём против течения...
Чем ночь одарит нас? Бедой?
Прибьёт ли к берегу спасенья?..

* * *

Смерти ждал, но она не пришла.
Боль же, та уходит не хотела.
А душа, как и прежде, была
Лишь заложницей бrenного тела.

За окном осыпалась листва.
Золотой ли, багряной строкою
Осень вновь подписала права
На туманы и дым над рекою.

А в седых облаках журавли
Прокричали, зовя за собою,
Но найдёшь ли за краем земли
Состоянье любви и покоя?..

* * *

Боясь отчёта перед Богом
За криво прожитую жизнь,
Он утешал себя: «Итого
Никто не знает. Не журишь!

А может, Бога вовсе нету,
И, значит, все грехи твои
Не стоят ломаной монеты...
Желанья утешай свои...»

В душе игла сомнений всё же
Нет-нет, да и кольнёт опять:
«Хоть верующий, хоть безбожник, –
За всё придётся отвечать...»

ЛЮДМИЛА ХОРЕВА

Родилась в 1953 году в станице Придорожной Краснодарского края. В 1975 году окончила филологический факультет Кубанского госуниверситета, кандидат наук, доцент кафедры публицистики и журналистского мастерства. Публиковалась в «Родной Кубани» и других СМИ. Живёт в Краснодаре.

УБЕГАЛА ОСЕНЬ ОТ АВГУСТА...

ЦВЕТОК В СТАКАНЕ

*Как мало надо для покоя:
Стихов страница,
Вечер тих,
Тепло каминное живое,
Цветок в стакане...
Этот миг
Во мне замрёт –
И вновь продлится
В любом порядке:
Вечер тих,
Цветок в стакане
И страница
Стихов,
Своих или чужих...*

СЛОВА

*Мы не слывём с тобой речистыми –
Ни ты, ни я.
Светла, как ключ, словами чистыми
Душа моя.*

*Их ясных струй легка глаголица
И так чиста,
Что перелить слова мне хочется
В твои уста...*

*Молчаньем-золотом пресытитесь
Размолвки ров.
Но в прах и пух оно рассыплется
От первых слов.*

*В потоке нежности потянется
К руке – рука.
И чувств уляжется сумятица,
И жизнь – легка.*

* * *

*Я мучить тебя не умею.
И после обид и тревог
Прижать тороплюсь к себе я
Родной виноватый висок.*

*Я мучить тебя не умею –
И лишь на тебя погляжу,
Я клеточкой каждой своею
Тебе уже принадлежу.*

* * *

*Я стала по тебе скучать.
Трамвай разлукою грохочет,
Меня умчать подальше хочет –
Ему бы только разлучать!
Ему бы только вновь смешать
Меня с усталой толпою,
Пожатье поручня с рукою
Ему бы дольше задержать.
Не знать попутчикам в толпе,
Как мне тебя увидеть надо,
Коснуться просто взглядом взгляда –
Не только думать о тебе,
Не только вспоминать слова,
Что были сказаны когда-то –
Сейчас мне снова слышать надо
Из уст твоих, что я права,
А кто-то – нет, что ты со мной
Хотел советоваться снова,
Что ты устал, а выходного –
Увы, какой тут выходной!
Нельзя в трамвае закричать.
Без губ твоих сама немею.
Терплю, как только я умею.
И буду по тебе скучать.*

* * *

На старте замер телефон.
Напряжены томленья струны,
И цепенеет чуткий дом,
Как перед выстрелом трибуны.

Звонок – фальстарт, и ясно мне:
Участник снят с соревнований,
И не раздастся в тишине
Признаний гром и ликований.

Надежда, что ещё жила,
Умрёт без звука и без стона...
Темнеет в сумраке стола
Могильный холмик телефона.

* * *

Нам место встречи
Изменить нельзя.
Нам день назначен
Всё один и тот же.
Мы не близки
И даже не друзья –
Знакомые.
Но всё же, всё же, всё же...

Из года в год –
Прощаться раз в году.
К руке уста –
Изысканность в манере.
Последний взгляд,
В который я иду
За три секунды
До открытой двери.

Тепло к запястью,
Нежность у руки –
Всего лишь лучик

Солнечный на коже.
И мы
Недосягаемо близки.
Мы далеки.
И всё же, всё же, всё же...

* * *

Здесь ясных далей глубина
И звёзд немая чистота.
Здесь тишина как тишина
И пустота как пустота.

Я здесь одна. Молчу в тиши.
Гляжу в бессмысленный экран.
В каких заулочках души
Таит надежду наш роман?

* * *

Я – строчка в твоём дневнике,
Травинка в любом цветнике,
Иголка в зелёной тайге,
Пушинка в майской пурге.
Я есть, я живая – кричу,
Расту я, колюсь, щекочу.
Я только боюсь пустоты –
Я есть у тебя. А ты?
Ты есть у меня? Опять
Боюсь я тебя потерять.
Твой свет и тепло, как сон.
Куда ускользает он?

ВИРТУАЛЬНОМУ ДРУГУ

Как трудно губы оторвать
От сладкой неги поцелуя...
Вкусив, теряю. И опять
Сентиментальностью грешу я.

Но жизнь в реале – не для нас,
И телефонная – банальна.
А влажность губ, зарницы глаз,
Весна – всё это виртуально.

И удлиняются часы,
И километры множат файлы.
И не положишь на весы
Эмоций слайды или смайлы...

* * *

Я тебя потеряла, чтоб так и прожить,
Но хочу прикоснуться опять.
Может, чтоб разлюбить или вновь закружить,
Может, мудрое что-то понять.
Челноком наши мысли сквозь годы снуют,
Пробираются нитями дней.
А полжизни назад в твой домашний уют
Долетал моих рифм суховей.
Суховей – он всегда суховей. И тогда
Был бесплодным порывов накал:
Ты меня не услышал и мне никогда
Даже другом хорошим не стал.
Но так близко прошел ты по осени той!
Море тихо лежало у ног.
Встретить осень пришлось – проводить ни одной
Ты со мною ни разу не смог...
Чудный сад у меня и родное плечо,
И ближайший мой путь обозрим.
Но привычно считать долго ль буду еще
Я тебя многоточьем своим?

РАДИО-РЕТРО

Редактору эфира

Волнами радио-ретро
К любимым несёт островам.
Мелодий попутного ветра
Желаю себе и вам.

Эфир ваш совсем не модник,
Но в зеркало песен смотрюсь –
И не выключаю приёмник,
И выдохнуть словно боюсь.

Боюсь оторваться до срока.
А к вёснам пропетым моим
Меня возвращает дорога
Из прожитых песен и зим.

КРАСНОДАР, 2 МАРТА

Пришла весна – одно название.
Деревья голы, а зима
Всё не торопит расставанье,
Желает царствовать сама.
Вчерашней снежной пышной ризы
Растёлся след – почти сошёл.
Летит с небесного карниза
Микроскопический снежок.
А мне бы синь, а мне б погоду
И настоящую весну.
И над оттаявшей природой –
Большую, тёплую луну.

ЛЕТО

Я по лету иду нехоженому,
Затеняю от солнца глаза
И на ласку его осторожную
Выбираю с утра два часа.
Краснодарское лето как лето –
Духотища и грозы вразнос,
Лето прошлое или это –
Что нехоженого нашлось?
Жжётся солнце в зените и греет
Раскалённые небеса,
Но в июле в поэму дозреют
Забродившие словеса.

Забродившие не в апреле,
А зимою ещё, когда
Так невысказанно кипели
О несбывшемся холода.
Суло тысячи слов настоится –
И родится стихов вино!..

...Кому плакать, кому влюбиться,
Кому душу пролить суждено...

АВГУСТ

Усталой синевой облит,
Как в час затмения,
Сухой и выцветший зенит
Пригнул деревья.
И будто августовский зной –
По всей планете.
Шумит послушною листвою
Жестяно ветер,
От тротуаров к облакам
Плеснётся пылью,
Отхлынет снова к сорнякам
И чернобылью.

Привычки пыльной календарь
Листает чувства.
Бесцветно всё,
И пуст алтарь,
И небо пусто.

Пока привычкой тягочусь –
Не умираю,
Смирено вслед за ней тащусь –
И отвергаю.
И льну
К своей мечте в мольбе
О бодрой сини,
Прохладных ливнях,
О тебе
В смятенной силе.

* * *

Рук желанных твоих так приятна прохлада...
Их шершавая нежность меня пьянит.
Снова сводит с ума свет любимого взгляда
И морщинки у глаз у лучистых твоих.
И нет жажды светлей, чем к тебе торо-
питься,
А касание рук поцелуй стережет.
Круг за кругом над нами зоркая птица –
Сбережённая нами, нас бережёт.

ДОЧЕНЬКЕ

Отняла от себя – отдала
И любимому, и влюблённому.
Только чуткие колокола
Растревожатся в сердце звонами.

Отдавала – глаза в глаза,
Руку в руку вложила крепкую.
Но скрепляются полюса
Лишь слезинкой дрожащей – стрелкою.

Отдавала – забрать пришлось.
Материнскому сердцу неможется.
Кротко дрогнет земная ось...
Не пригрезится – притревожится...

ПРИДОРОЖНАЯ СТАНИЧКА

Бег сдержала электричка.
Переезда дальний звон.
Придорожная станичка
Притулилась вдоль окон.
Ты почти мне незнакома,
Мимолётная моя.
А когда-то из роддома

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Убегала осень от августа.
По тропинкам шуришала листьями,
За туманным рассветом пряталась,
Оставляла костры неяркие –
Как мосты сжигала прощальные –
И печалилась хризантемами,
Умыкнув их из летних красот.

В октябре оглянулась с надеждою:
Не догонит ли лето южное –
И застыла на месте, ахнула:
Город купы взметнул зелёные,
Солнце с летней орбиты съехало,
Но всю по-июльски старается –
Горожанки опять в сарафанчиках
На тенистых аллеях сидят!..

Вот такую она запомнится:
Средиземным морем омытая,
Атлантическим ветром согретая –
Краснодарская осень. Последняя
За последних две тысячи лет. ■

С мамой ждали здесь меня.
И совсем мне незнакомый,
Далеко уж не юнец,
Здесь живёт мой незаконный,
Незадачливый отец...
Поезд – мимо, рельсы – мимо
Мчат меня, вдали видны.
Рельсы словно пуповина
От родимой стороны.
Уезжаю, улетаю,
Но к тебе тяну свой взор,
Сердцем дочери ласкаю
Придорожный твой простор.

ГРАД КАЗАЧИЙ

Краснодарских улиц перепутья
Уведут к неведомым мирам.
Вот направо – всё в узорных прутьях –
Распахнул свои ворота храм.

И заветный камень сердце манит:
Здесь когда-то, двести лет назад,
Строил крепость на реке Кубани
Предок мой, украинский казак.

Любо сердцу видеть на табличке
Старых улиц имена. Звучней,
И родней названья, и привычней
Были у казачьих куреней.

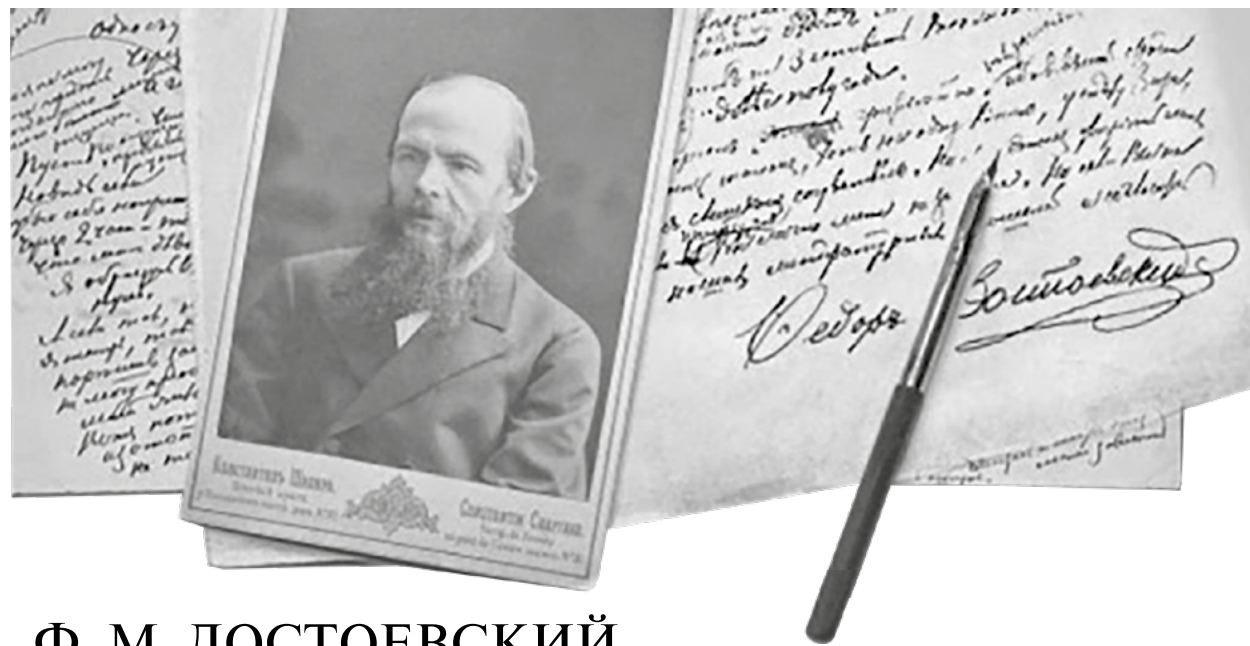
Море улиц выплеснет порою
Песенный кубанский говорок,
Позовёт к кринице под горою
И в садок вишнёвый за порог.

Не шумит дубами мне Дубинка,
И не вьётся речкой Карасун,
Но, однажды полюбив их пылко,
Это чувство бережно несусь.

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ (1877 год)

ФОМА ДАНИЛОВ,
ЗАМУЧЕННЫЙ РУССКИЙ ГЕРОЙ

В прошлом году, весною, было перепечатано во всех газетах известие, явившееся в «Русском инвалиде», о мученической смерти унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фомы Данилова, захваченного в плен кипчаками и варварски умерщвленного ими после многочисленных и утонченнейших истязаний, 21 ноября 1875 года, в Маргелане, за то, что не хотел перейти к ним в службу и в магометанство. Сам хан обещал ему помилование, награду и честь, если согласится отречься от Христа. Данилов отвечал, что изменить он кресту не может и, как царский подданный, хотя и в плену, должен исполнить к царю и к христианству свою обязанность. Мучители, замучив его до смерти, удивились силе его духа и называли его батырем, то есть по-русски богатырем. Тогда

это известие, хотя и сообщенное всеми газетами, прошло как-то без особенного разговора в обществе, да и газеты, сообщив его в виде обыкновенного газетного entrefilet¹, не сочли нужным особенно распространиться о нем. Одним словом, с Фомой Даниловым «было тихо», как говорят на бирже. Потом, как известно, наступило славянское движение, явились Черняев, сербы, Киреев, пожертвования, добровольцы, и об Фоме замученном позабыли совсем (то есть в газетах), и вот недавно только получились к прежнему известию дополнительные подробности. Сообщают опять, что самарский губернатор навел справки о семействе Данилова, происходившего из крестьян села Кирсановки Самарской губернии Бугурусланского уезда, и оказалось, что у него остались в живых жена Евфросинья 27 лет и дочь Улита шести лет, находившиеся в бедственном положении. Им помогли по благородному почину самарского гу-

¹ Сообщения (франц.).

бурнатора, обратившегося к некоторым людям с просьбою помочь вдове и дочери замученного русского героя и к самарскому губернскому земскому собранию с предложением, не пожелает ли оно поместить дочь Данилова стипендиаткой в одно из учебных заведений. Затем собрали 1320 рублей и из них шестьсот отложили дочери до совершеннолетия, а остальную сумму выдали самой вдове на руки, а дочь Данилова приняли в учебное заведение. Кроме того, начальник Главного штаба уведомил губернатора о всемилостивейше назначенной вдове Данилова пожизненной пенсии из государственного казначейства по сто двадцати рублей в год. Затем — затем дело, вероятно, опять будет забыто ввиду текущих тревог, политических опасений, огромных вопросов, ждущих разрешения, крахов и проч. и проч.

О, я вовсе не хочу сказать, что наше общество отнеслось к этому поразительному поступку равнодушно, как к не стоящему внимания. Факт лишь тот, что немного говорили или, лучше, почти никто не говорил об этом особенно. Впрочем, может быть, и говорили где-нибудь про себя, у купцов, у духовных, например, но не в обществе, не в интеллигенции нашей. В народе, конечно, эта великая смерть не забудется: этот герой принял муки за Христа и есть великий русский; народ это оценит и не забудет, да и никогда он таких дел не забывает. И вот я как будто уже слышу некоторые столь известные мне голоса: «Сила-то, конечно, сила, и мы признаем это, но ведь всё же — темная, проявившаяся слишком уж, так сказать, в допотопных, оказавшихся формах, а потому — что же нам особенно-то говорить? Не нашего это мира; другое бы дело сила, проявившаяся интеллигентно, сознательно. Есть, дескать, и другие страдальцы и другие силы, есть и идеи безмерно высшие — идея общечеловечности, например...»

Несмотря на эти разумные и интеллигентные голоса, мне всё же кажется позволительным и вполне извинительным сказать нечто особенное и об Данилове; мало того, я даже думаю, что

и самая интеллигенция наша вовсе бы себя не столь унизила, если б отнеслась к этому факту повнимательнее. Меня, например, прежде всего удивляет, что не обнаружилось никакого удивления; именно удивления. Я не про народ говорю: там удивления и не надо, в нем удивления и не будет; поступок Фомы ему не может казаться необыкновенным, уже по одной великой вере народа в себя и в душу свою. Он отзовется на этот подвиг лишь великим чувством и великим умилением. Но случись подобный факт в Европе, то есть подобный факт проявления великого духа, у англичан, у французов, у немцев, и они наверно прокричали бы о нем на весь мир. Нет, послушайте, господа, знаете ли, как мне представляется этот темный безвестный Туркестанского батальона солдат? Да ведь это, так сказать, — эмблема России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ ее, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъема и проявления великой мысли и великого чувства. Послушайте, ведь вы всё же не эти циники, вы всего только люди интеллигентно-европействующие, то есть в сущности предобрее: ведь не отрицаете же и вы, что летом народ наш проявил местами чрезвычайную силу духа: люди покидали свои дома и детей и шли умирать за веру, за угнетенных, бог знает куда и бог знает с какими средствами, точь-в-точь как первые крестоносцы девять столетий тому назад в Европе, — те самые крестоносцы, которых появление вновь Грановский, например, считал бы чуть ли не смешным и обидным «в наш век положительных задач, прогресса» и проч. и проч. Пусть это летнее движение наше, по-вашему, было слепое и даже как бы неразумное, так сказать «крестносное», но ведь твердое же и великодушное, в этом нельзя не сознаться, если чуть-чуть пошире посмотреть. Просыпалась великая идея, вознесшая, может быть, сотни тысяч и миллионов душ разом над косностью, цинизмом, развратом и безобразием, в которых купались до того эти

души. Ведь вы знаете, народ наш считают до сих пор хоть и добродушным и даже очень умственно способным, но всё же темной стихийной массой, без сознания, преданной поголовно порокам и предрассудкам, и почти сплошь безобразником. Но, видите ли, я осмелюсь высказать одну даже, так сказать, аксиому, а именно: чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, некоторую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествовавших и преходящих, от рабства, от векового гнета, от загроbelости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он все-таки уцелеет, неповрежденный, в сердце этого народа.

Фома Данилов с виду, может, был одним из самых обыкновенных и неприметных экземпляров народа русского, неприметных, как сам народ русский. (О, он для многих еще совсем неприметен!) Может быть, в свое время не прочь был погулять, выпить, может быть, даже не очень молился, хотя, конечно, Бога всегда помнил. И вот вдруг велят ему переменить веру, а не то — мученическая смерть. При этом надо вспомнить, что такое бывают эти муки, эти азиатские муки! Пред ним сам хан, который обещает ему свою милость, и Данилов отлично понимает, что отказ его непременно раздражит хана, раздражит и самолюбие кипчаков тем, «что смеет, дескать, христианская собака так презирать ислам». Но несмотря на всё, что его ожидает, этот неприметный русский человек принимает жесточайшие муки и умирает, удивив истязателей. Знаете что, господа, ведь из нас никто бы этого не сделал. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но ведь тут дело произошло в совер-

шенной безвестности, в глухом углу; никто-то не смотрел на него; да и сам Фома не мог думать и наверно не предполагал, что его подвиг огласится по всей земле Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже и первых веков христианских, отчасти всё же были утешены и облегчены, принимая свои муки, тем убеждением, что смерть их послужит примером для робких и колеблющихся и ещё больших привлечет к Христу. Для Фомы даже и этого великого утешения быть не могло: кто узнает, он был один среди мучителей. Был он еще молод, там где-то у него молодая жена и дочь, никогда-то он их теперь не увидит, но пусть: «Где бы я ни был, против совести моей не поступлю и мучения приму», — подлинно уж правда для правды, а не для красоты! И никакой кривды, никакого софизма с совестью: «Приму-де ислам для виду, соблазна не сделаю, никто ведь не увидит, потом отмолюсь, жизнь велика, в церковь пожертвую, добрых дел наделаю». Ничего этого не было, честность изумительная, первоначальная, стихийная. Нет, господа, вряд ли мы так поступили бы!

Но то мы, а для народа нашего, повторю, подвиг Данилова, может быть, даже и не удивителен. В том-то и дело, что тут именно — как бы портрет, как бы всецелое изображение народа русского, тем-то всё это и дорого для меня, и для вас, разумеется. Именно народ наш любит точно так же правду для правды, а не для красоты. И пусть он груб, и безобразен, и грешен, и неприметен, но приди его срок и начнись дело всеобщей всенародной правды, и вас изумит та степень свободы духа, которую проявит он перед гнетом материализма, страстей, денежной и имущественной похоти и даже перед страхом самой жесточайшей мученической смерти. И всё это он сделает и проявит просто, твердо, не требуя ни наград, ни похвал, собою не красуясь: «Во что верую, то и исповедую». Тут даже самые ожесточенные спорщики насчет «ретроградства» идеалов народных не могут иметь никакого слова, ибо дело вовсе уже не в том: ретрограден идеал или нет? А лишь в способности

проявления величайшей воли ради подвига великодушия. (Эту смешную идейку о «ретроградстве» идеалов я ввел здесь ради полного беспристрастия).

Знаете, господа, надо ставить дело прямо: я прямо полагаю, что нам вовсе и нечему учить такой народ. Это софизм, разумеется, но он иногда приходит на ум. О, конечно, мы образованнее его, но чему мы, однако, научим его — вот беда! Я, разумеется, не про ремесла говорю, не про технику, не про математические знания, — этому и немцы заезжие по найму научат, если мы не научим, нет, а мы-то чему? Мы ведь русские, братья этому народу, а стало быть, обязаны просветить его. Нравственное-то, высшее-то что ему передадим, что разъясним и чем осветим эти «темные» души? Просвещение народа — это, господа, наше право и наша обязанность, право это в высшем христианском смысле: кто знает доброе, кто знает истинное слово жизни, тот должен, обязан сообщить его незнающему, блуждающему во тьме брату своему, так по Евангелию. Ну и что же мы сообщим блуждающему, чего бы он сам не знал лучше нашего? Прежде всего, конечно, что учение полезно и что надо учиться, так ли? Но народ еще прежде нашего сказал, что «ученье — свет, неученье — тьма». Уничтожению предрассудков, например, низвержению идолов? Но ведь в нас самих такая бездна предрассудков, а идолов мы столько себе наставили, что народ прямо скажет нам: «Врачу — исцелися сам». (А идолов наших он отлично умеет уже разглядывать!) Что же, самоуважению, собственному достоинству? Но народ наш, весь, в целом своем, гораздо более нашего уважает себя, гораздо глубже нашего чтит и понимает свое достоинство. В самом деле, мы самолюбивы ужасно, но ведь мы совсем не уважаем себя, и собственного достоинства в нас вовсе нет никакого и даже ни в чем. Ну нам ли, например, научить народ уважению к чужим убеждениям? Народ наш доказал еще с Петра Великого — уважение к чужим убеждениям, а мы и между собою не прощаем друг другу ни малей-

шего отклонения в убеждениях наших и чуть-чуть несогласных с нами считаем уже прямо за подлецов, забывая, что, кто так легко склонен терять уважение к другим, тот прежде всего не уважает себя. Ну нам ли учить народ вере в себя самого и в свои силы? У народа есть Фомы Даниловы и их тысячи, а мы совсем и не верим в русские силы, да и неверие это считаем за высшее просвещение и чуть не за доблесть. Ну чему же, наконец, мы научить можем? Мы гнушаемся, до злобы почти, всем тем, что любит и чтит народ наш и к чему рвется его сердце. Ну какие же мы народолюбцы? Возразят, что тем больше, стало быть, любим народ, коли гнушаемся его невежеством, желая ему лучшего. О нет, господа, совсем нет: если б мы вправду и на деле любили народ, а не в статейках и книжках, то мы бы поближе подошли к нему и озаботились бы изучить то, что теперь совсем наобум, по европейским шаблонам, желаем в нем истребить: тогда, может, и сами научились бы столь многому, чего и представить теперь даже не можем.

Есть у нас, впрочем, одно утешение, одна великая наша гордость перед народом нашим, а потому-то мы так и презираем его: это то, что он национален и стоит на том изо всей силы, а мы — общечеловеческих убеждений, да и цель свою поставили в общечеловечности, а стало быть, безмерно над ним возвысились. Ну вот в этом и весь раздор наш, весь и разрыв с народом, и я прямо провозглашаю: уладь мы этот пункт, найди мы точку примирения, и разом кончилась бы вся наша рознь с народом. А ведь этот пункт есть, ведь его найти чрезвычайно легко. Решительно повторяю, что самые даже радикальные несогласия наши в сущности один лишь мираж.

Но что же это за пункт примирения?

ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ МЕЧТА ВНЕ НАУКИ

И прежде всего выставляю самое спорное и самое щекотливое положение и с него начинаю:

«Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в

нем-то, и только в нём одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе во-едино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной».

Я утверждаю, что так было со всеми великими нациями мира, древнейшими и новейшими, что только эта лишь вера и возвышала их до возможности, каждую, иметь, в свои сроки, огромное мировое влияние на судьбы человечества. Так, бесспорно, было с древним Римом, так потом было с Римом в католическое время его существования. Когда католическую идею его унаследовала Франция, то то же самое случилось и с Францией, и, в продолжение почти двух веков, Франция, вплоть до самого недавнего погрома и уныния своего, всё время и бесспорно — считали себя во главе мира, по крайней мере нравственно, а временами и политически, предводительницей хода его и указательницей его будущего. Но о том же мечтала всегда и Германия, выставившая против мировой католической идеи и ее авторитета знаменем своим протестантизм и бесконечную свободу совести и исследования. Повторяю, то же бывает и со всеми великими нациями, более или менее, в зените развития их. Мне скажут, что всё это неверно, что это ошибка, и укажут, например, на собственное сознание этих же самых народов, на сознание их ученых и мыслителей, писавших именно о совокупном значении европейских наций, участвовавших купно в создании и завершении европейской цивилизации, и я, разумеется, отрицать такого сознания не буду. Но не говоря уже о той, что такие окончательные выводы сознания и вообще составляют как бы уже конец живой жизни народов, укажу хотя бы лишь на то, что самые-то эти мыслители и сознатели, как бы там ни писали о мировой гармонии наций, всё же, в то же самое время, и чаще всего, непосредственным, живым и искренним чувством продолжали веровать, точь-в-точь как и массы народа их, что в этом хоре наций, составляющих мировую гармонию и выработанную уже

сообща цивилизацию, — они (то есть французы, например) и есть голова всего единения, самые передовые, те самые, которым предназначено вести, а те только следуют за ними. Что они, положим, если и позаимствуют у тех народов что-нибудь, то всё же немножко; но зато те народы, напротив, возьмут у них всё, всё главнейшее, и только их духом и их идеей жить могут, да и не могут иначе сделать, как сопричаститься их духу в конце концов и слиться с ним рано или поздно. Вот и в теперешней Франции, уже унылой и раздробленной духовно, есть и теперь еще одна из таких идей, представляющая новый, но, по-нашему, совершенно естественный фазис ее же прежней мировой католической идеи и развитие ее, и чуть не половина французов верит и теперь, что в ней-то и кроется спасение не только их, но и мира, — это именно их французский социализм. Идея эта, то есть ихний социализм, конечно ложная и отчаянная, но не в качестве ее теперь дело, а в том, что она теперь существует, живет живой жизнью и что в исповедующих ее нет сомнения и уныния, как в остальной огромной части Франции. С другой стороны, взгляните на каждого почти англичанина, высшего или низшего типа, лорда или работника, ученого или необразованного, и вы убедитесь, что каждый англичанин прежде всего старается быть англичанином, сохраниться в виде англичанина во всех фазисах своей жизни, частной и общественной, политической и общечеловеческой, и даже любить человечество старается не иначе, как в виде англичанина. Мне скажут, что если б даже и так, если б и было всё это как я утверждаю, то все-таки такое самообольщение и сомнение было бы даже унижительно для тех великих народов, умалило бы значение их эгоизмом, нелепым шовинизмом, и не то что-бы придало им жизненной силы, а, напротив, повредило бы и растлило бы их жизнь в самом начале. Скажут, что подобные безумные и гордые идеи достойны не подражания, а, напротив, искоренения светом разума, уничтожающего предрассудки. Положим, что с одной стороны

это очень правда; но всё же тут надо непременно посмотреть и с другой стороны, и тогда выйдет не только не унижительно, а даже совсем напротив. Что в том, что не живший ещё юноша мечтает про себя со временем стать героем? Поверьте, что такие, пожалуй, гордые и заносчивые мечты могут быть гораздо живительнее и полезнее этому юноше, чем иное благоразумие того отрока, который уже в шестнадцать лет верит премудрому правилу, что «счастье лучше богатейства». Поверьте, что жизнь этого юноши даже после прожитых уже бедствий и неудач, в целом, будет всё-таки краше, чем успокоенная жизнь мудрого товарища детства его, хотя бы тому всю жизнь суждено было сидеть на бархате. Такая вера в себя не безнравственна и вовсе не пошлое самохвальство. Так точно и в народах: пусть есть народы благоразумные, честные и умеренные, спокойные, без всяких порывов, торговцы и кораблестроители, живущие богато и с чрезвычайною опрятностью; ну и бог с ними, всё же далеко они не пойдут; это непременно выйдет середина, которая ничем не сослужит человечеству: этой энергии в них нет, великого сомнения этого в них нет, трех этих шевелящихся китов под ними нет, на которых стоят все великие народы. Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено им самой природой, при создании их, уделить в наследство грядущему человечеству. Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь. Древний легендарный рыцарь верил, что пред ним падут все препятствия, все призраки и чудовища и что он победит всё и всех и всего достигнет, если только верно сохраняет свой обет «справедливости, целомудрия

и нищеты». Вы скажете, что всё это легенды и песни, которым может верить один Дон-Кихот, и что совсем не таковы законы действительной жизни нации. Ну, так я вас, господа, нарочно поймаю и уличу, что и вы такие же Дон-Кихоты, что у вас самих есть такая же идея, которой вы верите и через которую хотите обновить человечество!

В самом деле, чему вы верите? Вы верите (да и я с вами) в общечеловечность, то есть в то, что падут когда-нибудь перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и что тогда только народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии. Что ж, господа, что может быть выше и святее этой веры вашей? И главное ведь то, что веры этой вы нигде в мире более не найдете, ни у какого, например, народа в Европе, где личности наций чрезвычайно резко очерчены, где если есть эта вера, то не иначе как на степени какого-нибудь еще умозрительного только сознания, положим, пылкого и пламенного, но всё же не более как кабинетного. А у вас, господа, то есть не то что у вас, а у нас, у нас всех, русских, — эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая; все у нас этому верят и сознательно и просто, и в интеллигентном мире и живым чутьем в простом народе, которому и религия его повелевает этому самому верить. Да, господа, вы думали, что вы только одни «общечеловеки» из всей интеллигенции русской, а остальные только славянофилы да националисты? Так вот нет же: славянофилы-то и националисты верят точь-в-точь тому же самому, как и вы, да еще крепче вашего!

Возьму только одних славянофилов: ведь что провозглашали они устами своих передовых деятелей, основателей и представителей своего учения? Они прямо, в ясных и точных выводах, заявляли, что Россия, вкупе со славянством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что это

слово именно будет заветом общечеловеческого единения, и уже не в духе личного эгоизма, которым люди и нации искусственно и неестественно единятся теперь в своей цивилизации, из борьбы за существование, положительной наукой определяя свободному духу нравственные границы, в то же время роя друг другу ямы, произнося друг на друга ложь, хулу и клевету. Идеалом славянофилов было единение в духе истинной широкой любви, без лжи и материализма и на основании личного великодушного примера, который предназначено дать собою русскому народу во главе свободного всеславянского единения Европе. Вы скажете мне, что вы вовсе не тому верите, что всё это кабинетные умозрения. Но дело тут вовсе не в вопросе: как кто верует, а в том, что все у нас, несмотря на всю разногласицу, всё же сходятся и сводятся к этой одной окончательной общей мысли общечеловеческого единения. Это факт, не подлежащий сомнению и сам в себе удивительный, потому что, на степени такой живой и главнейшей потребности, этого чувства нет еще нигде ни в одном народе. Но если так, то вот и у нас, стало быть, у нас всех, есть твердая и определенная национальная идея; именно национальная. Следовательно, если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными. Всё спасение наше лишь в том, чтоб не спорить заранее о том, как осуществится эта идея и в какой форме, в вашей или в нашей, а в том, чтоб из кабинета всем вместе перейти прямо к делу.

Но вот тут-то и пункт.

МЫ В ЕВРОПЕ ЛИШЬ СТРЮЦКИЕ

Ведь вы как переходили к делу? Вы ведь давно начали, очень давно, но что, однако, вы сделали для общечеловечности, то есть для торжества вашей идеи? Вы начали с бесцельного

скитальчества по Европе при алчном желании переродиться в европейцев, хотя бы по виду только. Целое восемнадцатое столетие мы только и делали, что пока лишь вид перенимали. Мы нагоняли на себя европейские вкусы, мы даже ели всякую пакость, стараясь не морщиться: «Вот, дескать, какой я англичанин, ничего без кайенского перцу есть не могу». Вы думаете, я издеваюсь? Ничуть. Я слишком понимаю, что иначе и нельзя было начать. Ещё до Петра, при московских ещё царях и патриархах, один тогдашний молодой московский франт, из передовых, надел французский костюм и к боку прицепил европейскую шпагу. Мы именно должны были начать с презрения к своему и к своим, и если пробыли целые два века на этой точке, не двигаясь ни взад ни вперед, то, вероятно, таков уж был наш срок от природы. Правда, мы и двигались: презрение к своему и к своим всё более и более возрастало, особенно когда мы посерьезнее начали понимать Европу. В Европе нас, впрочем, никогда не смущали резкие разединения национальностей и резко определившиеся типы народных характеров. Мы с того и начали, что прямо «сняли все противоположности» и получили общечеловеческий тип «европейца» — то есть с самого начала подметили общее, всех их связующее, — это очень характерно. Затем, с течением времени поумнев еще более, мы прямо ухватились за цивилизацию и тотчас же уверовали, слепо и преданно, что в ней-то и заключается то «всеобщее», которому предназначено соединить человечество воедино. Даже европейцы удивлялись, глядя на нас, на чужих и пришельцев, этой восторженной вере нашей, тем более что сами они, увы, стали уж и тогда помаленьку терять эту веру в себя. Мы с восторгом встретили пришествие Руссо и Вольтера, мы с путешествующим Карамзиным умиленно радовались созванию «Национальных Штатов» в 89 году, и если мы и приходили потом в отчаяние, в конце первой четверти уже нынешнего века, вместе с передовыми европейцами над их погибшими мечтами и разбитыми идеалами, то

веры нашей всё-таки не потеряли и даже самих европейцев утешали. Даже самые «белые» из русских у себя в отечестве становились в Европе тотчас же «красными» — чрезвычайно характерная тоже черта. Затем, в половине текущего столетия, некоторые из нас удостоились приобрести к французскому социализму и приняли его, без малейших колебаний, за конечное разрешение всечеловеческого единения, то есть за достижение всей увлекавшей нас доселе мечты нашей. Таким образом, за достижение цели мы приняли то, что составляло верх эгоизма, верх бесчеловечия, верх экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей, но это нас не смущало нисколько. Напротив, видя грустное недоумение иных глубоких европейских мыслителей, мы с совершенною, развязностью немедленно обозвали их подлецами и тупицами. Мы вполне поверили, да и теперь ещё верим, что положительная наука вполне способна определить нравственные границы между личностями единиц и наций (как будто наука, — если б и могла это она сделать, — может открыть эти тайны раньше завершения опыта, то есть раньше завершения всех судеб человека на земле). Наши помещики продавали своих крепостных крестьян и ехали в Париж издавать социальные журналы, а наши Рудины умирали на баррикадах. Тем временем мы до того уже оторвались от своей земли русской, что уже утратили всякое понятие о том, до какой степени такое учение рознится с душой народа русского. Впрочем, русский народный характер мы не только считали ни во что, но и не признавали в народе никакого характера. Мы забыли и думать о нем и с полным деспотическим спокойствием были убеждены (не ставя и вопроса), что народ наш тотчас примет всё, что мы ему укажем, то есть в сущности прикажем. На этот счет у нас всегда ходило несколько смешнейших анекдотов о народе. Наши общечеловеки

пребыли к своему народу вполне помещиками, и даже после крестьянской реформы.

И чего же мы достигли? Результатов странных: главное, все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не спасала их от этого высокомерного снисхождения даже и самая эмиграция из России, то есть уже политическая эмиграция и полнейшее от России отречение. Не хотели европейцы нас почтить за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае: Grattez, дескать, le russe et vous trouverez le tartare¹, и так и доселе. Мы у них в пословицу вошли. И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы виляли пред ними, мы подобострастно исповедовали им наши «европейские» взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учливой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это всё у них «не так поняли». Они именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами (les tartares), никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что мы хотим быть не русскими, а общечеловеками. Правда, в последнее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного; поняли, что нас много, восемьдесят миллионов, что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут; что мы говорим на всех языках, а что они говорят лишь на одних своих, — ну и многое еще они стали смекать и подозревать. Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками!

А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда испо-

¹ Покребите русского, и вы увидите татарина (франц.).

ведовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама. Как же быть?

Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее! развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвергивались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма. Мы и говорить буде с ними умнее теперешнего, потому что в народе нашем и в духе его отыщем новые слова, которые уж непременно станут европейцам понятнее. Да и сами мы поймем тогда, что многое из того, что мы презирали в народе нашем, есть не тьма, а именно свет, не глупость, а именно ум, а поняв это, мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там ещё не слыхали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, — единение любви, гарантированное уже делом, живым примером, потребностью

на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов...

А впрочем, неужели и впрямь я хотел кого убедить. Это была шутка. Но — слаб человек: авось прочтет кто-нибудь из подростков, из юного поколения...

СМЕРТЬ НЕКРАСОВА. О ТОМ, ЧТО СКАЗАНО БЫЛО НА ЕГО МОГИЛЕ

Умер Некрасов. Я видел его в последний раз за месяц до его смерти. Он казался тогда почти уже трупом, так что странно было даже видеть, что такой труп говорит, шевелит губами. Но он не только говорил, но и сохранял всю ясность ума. Кажется, он всё еще не верил в возможность близкой смерти. За неделю до смерти с ним был паралич правой стороны тела, и вот 28 утром я узнал, что Некрасов умер накануне, 27-го, в 8 часов вечера. В тот же день я пошел к нему. Страшно изможденное страданием и истощенное лицо его как-то особенно поражало. Уходя, я слышал, как псалтирщик четко и протяжно прочел над покойным: «Несть человек, иже не согрешит». Воротясь домой, я не мог уже сесть за работу; взял все три тома Некрасова и стал читать с первой страницы. Я просидел всю ночь до шести часов утра, и все эти тридцать лет как будто я прожил снова. Эти первые четыре стихотворения, которыми начинается первый том его стихов, появились в «Петербургском сборнике», в котором явилась и моя первая повесть. Затем, по мере чтения (а я читал сподряд), передо мной пронеслась как бы вся моя жизнь. Я узнал и припомнил и те из стихов его, которые первыми прочел в Сибири, когда, выйдя из моего четырехлетнего заключения в остроге, добился наконец до права взять в руки книгу. Припомнил и впечатление тогдашнее. Короче, в эту ночь я перечел чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет занимал места в моей жизни! Как поэт, конечно. Лично мы сходились мало и ред-

ко и лишь однажды вполне с беззаветным, горячим чувством, именно в самом начале нашего знакомства, в сорок пятом году в эпоху «Бедных людей». Но я уже рассказывал об этом. Тогда было между нами несколько мгновений, в которые, раз навсегда, обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то никогда не заживавшая рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь. Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери — и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то, уж конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю и на иные темные неудержимые влечения его духа, преследовавшие его всю жизнь. А темные порывы духа сказывались уже и тогда. Потом, помню, мы как-то разошлись, и довольно скоро; близость наша друг с другом продолжалась не более нескольких месяцев. Помогли и недоразумения, и внешние обстоятельства, и добрые люди. Затем, много лет спустя, когда я уже воротился из Сибири, мы хоть и не сходились часто, но, несмотря даже на разницу в убеждениях, уже тогда начинавшуюся, встречаясь, говорили иногда друг другу даже странные вещи — точно как будто в самом деле что-то продолжалось в нашей жизни, начатое еще

в юности, еще в сорок пятом году, и как бы не хотело и не могло прерваться, хотя бы мы и по годам не встречались друг с другом. Так однажды в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он указал мне на одно стихотворение, «Несчастные», и внушительно сказал: «Я тут об вас думал, когда писал это» (то есть об моей жизни в Сибири), «это об вас написано». И наконец, тоже в последнее время, мы стали опять иногда видеть друг друга, когда я печатал в его журнале мой роман «Подросток»...

На похороны Некрасова собралось несколько тысяч его почитателей. Много было учащейся молодежи. Процессия выноса началась в 9 часов утра, а разошлись с кладбища уже в сумерки. Много говорилось на его гробе речей, из литераторов говорили мало. Между прочим, прочтены были чьи-то прекрасные стихи. Находясь под глубоким впечатлением, я протеснился к его раскрытой ещё могиле, заброшенной цветами и венками, и слабым моим голосом произнес вслед за прочими несколько слов. Я именно начал с того, что это было раненое сердце, раз на всю жизнь, и незакрывавшаяся рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет нашу русскую женщину, нашего ребенка в русской семье, нашего простолюдина в горькой, так часто, доле его. Высказал тоже мое убеждение, что в поэзии нашей Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим «новым словом». В самом деле (устраняя всякий вопрос о художественной силе его поэзии и о размерах ее), — Некрасов, действительно, был в высшей степени своеобразен и, действительно, приходил с «новым словом». Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым. В этом смысле он, в ряду поэтов (то есть приходивших с «новым словом»), должен прямо стоять вслед

за Пушкиным и Лермонтовым. Когда я вслух выразил эту мысль, то произошел один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некрасов был выше Пушкина и Лермонтова и что те были всего только «байронисты». Несколько голосов подхватили и крикнули: «Да, выше!» Я, впрочем, о высоте и о сравнительных размерах трех поэтов и не думал высказываться. Но вот что вышло потом: в «Биржевых ведомостях» г-н Скабичевский, в послании своем к молодежи по поводу значения Некрасова, рассказывая, что будто бы когда кто-то (то есть я), на могиле Некрасова, «вздумал сравнивать имя его с именами Пушкина и Лермонтова, вы все (то есть вся учащаяся молодежь) в один голос, хором прокричали: „Он был выше, выше их“». Смею уверить г-на Скабичевского, что ему не так передали и что мне твердо помнится (надеюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнул всего один голос: «Выше, выше их», и тут же прибавил, что Пушкин и Лермонтов были «байронисты», — прибавка, которая гораздо свойственнее и естественнее одному голосу и мнению, чем всем, в один и тот же момент, то есть тысячному хору, — так что факт этот свидетельствует, конечно, скорее в пользу моего показания о том, как было это дело. И затем уже, сейчас после первого голоса, крикнуло ещё несколько голосов, но всего только несколько, тысячного же хора я не слышал, повторяю это и надеюсь, что в этом не ошибаюсь.

Я потому так на этом настаиваю, что мне всё же было бы чувствительно видеть, что вся наша молодежь впадает в такую ошибку. Благодарность к великим отшедшим именам должна быть присуща молодому сердцу. Без сомнения, иронический крик о байронистах и возгласы: «Выше, выше», — произошли вовсе не от желания затеять над раскрытой могилой дорогого покойника литературный спор, что было бы неуместно, а что тут просто был горячий порыв заявить как можно сильнее всё накопившееся в сердце чувство умиления, благодарности и восторга к великому и столь сильно волновавшему

нас поэту, и который, хотя и в гробе, но всё еще к нам так близок (ну, а те-то великие прежние старики уже так далеко!). Но весь этот эпизод, тогда же, на месте, зажег во мне намерение объяснить мою мысль яснее в будущем № «Дневника» и выразить подробнее, как смотрю я на такое замечательное и чрезвычайное явление в нашей жизни и в нашей поэзии, каким был Некрасов, и в чем именно заключается, по-моему, суть и смысл этого явления.

ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ И НЕКРАСОВ

И во-первых, словом «байронист» браниться нельзя. Байронизм хоть был и моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества. Байронизм появился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния. После испуганных восторгов новой веры в новые идеалы, провозглашенной в конце прошлого столетия во Франции, в передовой тогда нации европейского человечества наступил исход, столь не похожий на то, чего ожидали, столь обманувший веру людей, что никогда, может быть, не было в истории Западной Европы столь грустной минуты. И не от одних только внешних (политических) причин пали вновь воздвигнутые на миг кумиры, но и от внутренней несостоятельности их, что ясно увидели все прозорливые сердца и передовые умы. Новый исход еще не обозначался, новый клапан не открывался, и всё задышалось под страшно понизившимся и сузившимся над человечеством прежним его горизонтом. Старые кумиры лежали разбитые. И вот в эту-то минуту и явился великий и могучий гений, страстный поэт. В его звуках зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своем назначении и в обманувших его идеалах. Это была новая и неслыханная еще тогда муза мести и печали, проклятия и отчаяния. Дух байронизма вдруг пронесся как бы по всему человечеству, всё оно откликнулось

ему. Это именно было как бы отворенный клапан; по крайней мере, среди всеобщих и глухих стонов, даже большею частью бессознательных, это именно был тот могучий крик, в котором соединились и согласились все крики и стоны человечества. Как было не откликнуться на него и у нас, да еще такому великому, гениальному и руководящему уму, как Пушкин? Всякий сильный ум и всякое великодушное сердце не могли и у нас тогда миновать байронизма. Да и не по одному лишь сочувствию к Европе и к европейскому человечеству издали, а потому, что и у нас, и в России, как раз к тому времени, обозначилось слишком много новых, неразрешенных и мучительных тоже вопросов, и слишком много старых разочарований... Но величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу, нашел великий и вождельный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был — народность, преклонение перед правдой народа русского. «Пушкин был явление великое, чрезвычайное». Пушкин был «не только русский человек, но и первым, русским человеком». Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многообразные духовные стороны европейского человечества и почти перерождаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал о всечеловечности и всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и всё возрождающего в нем начала. Не скажу и о том даже, что Пушкин первый у нас, в тоске своей и в пророческом предвидении своем, воскликнул:

*Увижу ли народ освобожденный
И рабство, навшее по манию царя!*

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина к народу русскому. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какую еще никто не выказывал до него. «Не люби ты меня, а полюби ты мое» — вот что вам скажет всегда народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему.

Полюбить, то есть пожалеть народ за его нужды, бедность, страдания, может и всякий барин, особенно из гуманных и европейски просвещенных. Но народу надо, чтоб его не за одни страдания его любили, а чтоб полюбили и его самого. Что же значит полюбить его самого? «А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту» — вот что это значит и вот как вам ответит народ, а иначе, он никогда вас за своего не признает, сколько бы вы там об нем ни печалились. Фальшь тоже всегда разглядит, какими бы жалкими словами вы ни соблазняли его. Пушкин именно так полюбил народ, как народ того требует, и он не угадывал, как надо любить народ, не приготавливался, не учился: он сам вдруг оказался народом. Он преклонился перед правдой народной, он признал народную правду как свою правду. Несмотря на все пороки народа и многие смердящие привычки его, он сумел различить великую, суть его духа тогда, когда никто почти так не смотрел на народ, и принял эту суть народную в свою душу как свой идеал. И это тогда, когда самые наиболее гуманные и европейски развитые любители народа русского сожалели откровенно, что народ наш столь низок, что никак не может подняться до парижской уличной толпы. В сущности, эти любители всегда презирали народ. Они верили, главное, что он раб. Рабством же извиняли падение его, но раба не могли ведь любить, раб все-таки был отвратителен. Пушкин первый объявил, что русский человек не раб и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. Было рабство, но не было рабов (в целом, конечно, в общем, не в частных исключениях) — вот тезис Пушкина. Он даже по виду, по походке русского мужика заключал, что это не раб и не может быть

рабом (хотя и состоит в рабстве), — черта, свидетельствующая в Пушкине о глубокой непосредственной любви к народу. Он признал и высокое чувство собственного достоинства в народе нашем (опять-таки в целом, мимо всегдашних и неотразимых исключений), он предвидел то спокойное достоинство, с которым народ наш примет и освобождение свое от крепостного состояния, — чего не понимали, например, замечательнейшие образованные русские европейцы уже гораздо позднее Пушкина и ожидали совсем другого от народа нашего. О, они любили народ искренно и горячо; но по-своему, то есть по-европейски. Они кричали о зверином состоянии народа, о зверином положении его в крепостном рабстве, но и верили всем сердцем своим, что народ наш действительно зверь. И вдруг этот народ очутился свободным с таким мужественным достоинством, без малейшего позыва на оскорбление бывших владетелей своих: «Ты сам по себе, а я сам по себе, если хочешь, иди ко мне, за твое хорошее всегда тебе от меня честь». Да, для многих наш крестьянин по освобождении своем явился странным недоумением. Многие даже решили, что это в нем от неразвитости и тупости, остатков прежнего рабства. И это теперь, что же было во времена Пушкина? Не я ли слышал сам, в юности моей, от людей передовых и «компетентных», что образ пушкинского Савельича в «Капитанской дочке», раба помещиков Гриневых, упавшего в ноги Пугачеву и просившего его пощадить барчонка, а «для примера и страха ради повесить уж лучше его, старика», — что этот образ не только есть образ раба, но и апофеоз русского рабства!

Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением. Пушкин любил всё, что любил этот народ, чтит всё, что тот чтит. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплощавшийся сердцем своим

в простолюдина, в суть его, почти в образ его. Умаление Пушкина как поэта, более исторически, более архаически преданного народу, чем на деле, — ошибочно и не имеет даже смысла. В этих исторических и архаических мотивах звучит такая любовь и такая оценка народа, которая принадлежит народу вековечно, всегда, и теперь и в будущем, а не в одном только каком-нибудь давнопрошедшем историческом народе. Народ наш любит свою историю главное за то, что в ней встречает незыблемую ту же самую святыню, в которую сохранил он веру и теперь, несмотря на все страдания и мытарства свои. Начиная с величавой, огромной фигуры летописца в «Борисе Годунове», до изображения спутников Пугачева, — всё это у Пушкина — народ в его глубочайших проявлениях, и всё это понятно народу, как собственная суть его. Да это ли одно? Русский дух разлит в творениях Пушкина, русская жилка бьется везде. В великих, неподражаемых, несравненных песнях будто бы западных славян, но которые суть явно порождение русского великого духа, вылилось всё воззрение русского на братьев славян, вылилось всё сердце русское, объявилось всё мировоззрение народа, сохраняющееся и доселе в его песнях, былинах, преданиях, сказаниях, высказалось всё, что любит и чтит народ, выразились его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы. А такие прелестные шутки Пушкина, как, например, болтовня двух пьяных мужиков, или Сказание о медведе, у которого убили медведицу, — это уже что-то любовное, что-то милое и умиленное в его созерцании народа. Если б Пушкин прожил дольше, то оставил бы нам такие художественные сокровища для понимания народного, которые, влиянием своим, наверно бы сократили времена и сроки перехода всей интеллигенции нашей, столь возвышающейся и до сих пор над народом в гордости своего европеизма, — к народной правде, к народной силе и к сознанию народного назначения. Вот это-то поклонение

перед правдой народа вижу я отчасти (увы, может быть, один я из всех его почитателей) — и в Некрасове, в сильнейших произведениях его. Мне дорого, очень дорого, что он «печальник народного горя» и что он так много и страстно говорил о горе народном, но ещё дороже для меня в нем то, что в великие, мучительные и восторженные моменты своей жизни он, несмотря на все противоположные влияния и даже на собственные убеждения свои, преклонялся перед народной правдой всем существом своим, о чем и засвидетельствовал в своих лучших созданиях. Вот в этом-то смысле я и поставил его как пришедшего после Пушкина и Лермонтова с тем же самым отчасти новым словом, как и те (потому что «слово» Пушкина до сих пор еще для нас новое слово. Да и не только новое, а ещё и неузнанное, неразобранное, за самый старый хлам считающееся).

Прежде чем перейду к Некрасову, скажу два слова и о Лермонтове, чтоб оправдать то, почему я тоже поставил и его как уверовавшего в правду народную. Лермонтов, конечно, был байронист, но по великой своеобразной поэтической силе своей и байронист-то особенный — какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый, вечно неверующий даже в собственное свое вдохновение, в свой собственный байронизм. Но если б он перестал возиться с большою личностью русского интеллигентного человека, мучимого своим европеизмом, то наверно бы кончил тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой, и на то есть большие и точные указания. Но смерть опять и тут помешала. В самом деле, во всех стихах своих он мрачен, капризен, хочет говорить правду, но чаще лжет и сам знает об этом и мучается тем, что лжет, но чуть лишь он коснется народа, тут он светел и ясен. Он любит русского солдата, казака, он чтит народ. И вот он раз пишет бессмертную песню о том, как молодой купец Калашников, убив за бесчестье свое государева опричника Кирибеевича и призванный царем Иваном пред грозные его очи, отвечает

ему, что убил он государева слугу Кирибеевича «вольной волею, а не нехотя». Помните ли вы, господа, «раба Шибанова»? Раб Шибанов был раб князя Курбского, русского эмигранта 16-го столетия, писавшего всё к тому же царю Ивану свои оппозиционные и почти ругательные письма из-за границы, где он безопасно приютился. Написав одно письмо, он призвал раба своего Шибанова и велел ему письмо снести в Москву и отдать царю лично. Так и сделал раб Шибанов. На Кремлевской площади он остановил выходившего из собора царя, окруженного своими приспешниками, и подал ему послание своего господина, князя Курбского. Царь поднял жезл свой с острым наконечником, с размаху вонзил его в ногу Шибанова, оперся на жезл и стал читать послание. Шибанов с проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: «Устыдися раба твоего Шибанова». Это значило, что он сам устыдился раба Шибанова. Этот образ русского «раба», должно быть, поразил душу Лермонтова. Его Калашников говорит царю без укора, без попрека за Кирибеевича, говорит он, зная про верную казнь, его ожидающую, говорит царю «всю правду истинную», что убил его любимца «вольной волею, а не нехотя». Повторяю, остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного «печальника горя народного». Но это имя досталось Некрасову...

Опять-таки, я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю аршином, кто выше, кто ниже, потому что тут не может быть ни сравнения, ни даже вопроса о нем. Пушкин, по общирности и глубине своего русского гения, до сих пор есть как солнце над всем нашим русским интеллигентным мировоззрением. Он великий и непонятый еще предвозвеститель. Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним, малая планета, но вышедшая из этого же великого солнца. И мимо всех мерок: кто выше, кто ниже за Некрасовым остается бессмертие,

вполне им заслуженное, и я уже сказал почему — за преклонение его перед народной правдой, что происходило в нем не из подражания какого-нибудь, не вполне по сознанию даже, а потребностью, неудержимой силой. И это тем замечательнее в Некрасове, что он всю жизнь свою был под влиянием людей, хотя и любивших народ, хотя и печалившихся о нем, может быть, весьма искренно, но никогда не признававших в народе правды и всегда ставивших европейское просвещение свое несравненно выше истины духа народного. Не вникнув в русскую душу и не зная, чего ждет и просит она, им часто случалось желать нашему народу, со всею любовью к нему, того, что прямо могло бы послужить к его бедствию. Не они ли в русском народном движении, за последние два года, не признали почти вовсе той высоты подъема духа народного, которую он, может быть, в первый раз еще высказывает в такой полноте и силе и тем свидетельствует о своем здоровом, могучем и неколебимом доселе живом единении в одной и той же великой мысли и почти предугадывает сам будущее предназначение свое. И мало того, что не признают правды движения народного, но и считают его почти ретроградством, чем-то свидетельствующим о непроходимой бессознательности, о заматеревшей веками неразвитости народа русского. Некрасов же, несмотря на замечательный, чрезвычайно сильный ум свой, был лишен, однако, серьезного образования, по крайней мере, образование его было небольшое. Из известных влияний он не выходил всю жизнь, да и не имел сил выйти. Но у него была своя, своеобразная сила в душе, не оставлявшая его никогда, — это истинная, страстная, а главное, непосредственная любовь к народу. Он болел о страданиях его всей душой, но видел в нем не один лишь униженный рабством образ, звериное подобие, но смог силой любви своей постичь почти бессознательно и красоту народную, и силу его, и ум его, и страдальческую кропотливость его и даже частию уверовать и в будущее предназначение его. О, сознательно Некрасов

мог во многом ошибаться. Он мог воскликнуть в недавно напечатанном в первый раз экспромте его, с тревожным укором созерцая освобожденный уже от крепостного состояния народ:

...Но счастлив ли народ?

Великое чутье его сердца подсказало ему скорбь народную, но если б его спросили, «чего же пожелать народу и как это сделать?», то он, может быть, дал бы и весьма ошибочный, даже пагубный ответ. И, уж конечно, его нельзя винить: политического смысла у нас еще до редкости мало, а Некрасов, повторяю, был всю жизнь под чужими влияниями. Но сердцем своим, но великим поэтическим вдохновением своим он неудержимо примыкал, в иных великих стихотворениях своих, к самой сути народной. В этом смысле это был народный поэт. Всякий, выходящий из народа, при самом малом даже образовании, поймет уже много у Некрасова. Но лишь при образовании. Вопрос о том, поймет ли Некрасова теперь прямо весь народ русский, — без сомнения, вопрос явно немыслимый. Что поймет «простой народ» в шедеврах его: «Рыцарь на час», «Тишина», «Русские женщины»? Даже в великом «Власе» его, который может быть понятен народу (но не вдохновит несколько народ, ибо всё это поэзия, давно уже вышедшая из непосредственной жизни), народ отличит два-три фальшивые штриха наверно. Что разберет народ в одной из самых могучих и самых зовущих поэм его «На Волге»? Это настоящий дух и тон Байрона. Нет, Некрасов пока еще — лишь поэт русской интеллигенции, с любовью и со страстью говоривший о народе и страданиях его той же русской интеллигенции. Не говорю в будущем, — в будущем народ отметит Некрасова. Он поймет тогда, что был когда-то такой добрый русский барин, который плакал скорбными слезами о его народном горе и ничего лучше и придумать не мог, как, убегая от своего богатства и от грешных соблазнов барской жизни своей, приходить в очень тяжкие минуты свои к нему, к народу, и в неудержимой любви к нему очищать свое измученное сердце, — ибо любовь

к народу у Некрасова была лишь исходом его собственной скорби по себе самом...

Но прежде чем разъясню, как понимаю я эту «собственную скорбь» дорогого нам усопшего поэта по себе самом, — не могу не обратить внимание на одно характерное и любопытное обстоятельство, обозначившееся почти во всей нашей газетной прессе сейчас, после смерти Некрасова, почти во всех статьях, говоривших о нем.

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН. ОБЩИЕ ТОЛКИ О НЕКРАСОВЕ КАК О ЧЕЛОВЕКЕ

Все газеты, чуть только заговаривали о Некрасове, по поводу смерти и похорон его, чуть только начинали определять его значение, как тотчас же и прибавляли, все без изъятия, некоторые соображения о какой-то «практичности» Некрасова, о каких-то недостатках его, пороках даже о какой-то двойственности в том образе, который он нам оставил о себе. Иные газеты лишь намекали на эту тему чуть-чуть, в каких-нибудь двух строках, но важно то, что все-таки намекали, видимо по какой-то даже необходимости, которой избежать не могли. В других же изданиях, говоривших о Некрасове обширнее, выходило и еще страннее. В самом деле: не формулируя обвинений в подробности и как бы избегая того, от глубокой и искренней почтительности к покойному, они все-таки пустились... оправдывать его, так что выходило еще непонятнее. «Да в чем же вы оправдываете? — срывался невольно вопрос; — если знаете что, то прятаться нечего, а мы хотим знать, нуждается ли еще он в оправданиях ваших?» Вот какой зажегся вопрос. Но формулировать не хотели, а с оправданиями и с оговорками спешили, как будто желая поскорее предупредить кого-то, и, главное, опять-таки, — как будто и не могли никак избежать этого, хотя бы, может быть, и хотели того. Вообще чрезвычайно любопытный случай, но если вникнуть в него, то и вы, и всякий, кто бы вы ни были, несомненно придете к

заключению, чуть лишь размыслите, что случай этот совершенно нормальный, что, заговорив о Некрасове как о поэте, действительно никак нельзя миновать говорить о нем как и о лице, потому что в Некрасове поэт и гражданин — до того связаны, до того оба необъяснимы один без другого и до того взятые вместе объясняют друг друга, что, заговорив о нем как о поэте, вы даже невольно переходите к гражданину и чувствуете, что как бы принуждены и должны это сделать и избежать не можете.

Но что же мы можем сказать и что именно мы видим? Произносится слово «практичность», то есть умение обделывать свои дела, но и только, а затем спешат с оправданиями: «Он-де страдал, он с детства был заеден средой», он вытерпел еще юношей в Петербурге, бесприютным, брошенным, много горя, а следственно, и сделался «практичным» (то есть как будто и не мог уж не сделаться). Другие идут даже дальше и намекают, что без этой-то ведь «практичности» Некрасов, пожалуй, и не совершил бы столь явно полезных дел на общую пользу, например, совладал с изданием журнала и проч., и проч. Что же, для хороших целей оправдывать, стало быть, дурные средства? И это говоря о Некрасове-то, человеке, который потрясал сердца, вызывал восторг и умиление к доброму и прекрасному стихами своими. Конечно, всё это говорится, чтоб извинить, но, мне кажется, Некрасов не нуждается в таком извинении. В извинениях на подобную тему всегда заключается как бы нечто принизительное, и как бы затемняется и умаляется образ извиняемого чуть не до пошлых размеров. В самом деле, чуть я начну извинять «двойственность и практичность» лица, то тем как бы и настаиваю, что эта двойственность даже естественна при известных обстоятельствах, чуть не необходима. А если так, то совершенно приходится примириться с образом человека, который сегодня бьется о плиты родного храма, кается, кричит: «Я упал, я упал». И это в бессмертной красоте стихах, которые он в ту же ночь запишет, а назавтра, чуть прой-

дет ночь и обсохнут слезы, и опять примется за «практичность», потому-де, что она, мимо всего другого,— и необходима. Да что же тогда будут означать эти стоны и крики, облекшиеся в стихи? Искусство для искусства не более, и даже в самом пошлом его значении, потому что он эти стихи сам похваливает, сам на них любит, ими совершенно доволен, их печатает, на них рассчитывает: придадут, дескать, блеск изданию, взволнуют молодые сердца. Нет, если всё это оправдывать, да не разъяснив, то мы рискуем впасть в большую ошибку и порождаем недоумение, и на вопрос: «Кого вы хороните?» — мы, провожавшие гроб его, принуждены бы были ответить, что хороним «самого яркого представителя искусства для искусства, какой только может быть». Ну, а было ли это так? Нет, воистину это не было так, а хоронили мы воистину «печальника народного горя» и вечного страдальца о себе самом, вечного, неустанного, который никогда не мог успокоить себя, и сам с отвращением и самобичеванием отвергал дешевое примирение.

Нужно выяснить дело, выяснить искренно и беспристрастно, и что выяснится, то принять как оно есть, несмотря ни на какое лицо и ни на какие дальнейшие соображения. Тут надо именно выяснить всю суть по возможности, чтобы как можно точнее добыть из выяснений фигуру покойного, лицо его; так наши сердца требуют, для того чтоб не оставалось у нас о нем ни малейшего такого недоумения, которое невольно чернит память, оставляет нередко и на высоком образе недостойную тень.

Сам я знал «практическую жизнь» покойника мало, а потому приступить к анекдотической части этого дела не могу, но если б и мог, то не хочу, потому что прямо окунуть в то, что сам признаю сплетнею. Ибо я твердо уверен (и прежде был уверен), что из всего, что рассказывали про покойного, по крайней мере половина, а может быть и все три четверти, — чистая ложь. Ложь, вздор и сплетни. У такого характерного и замечательного человека, как Некрасов, — не

могло не быть врагов. А то, что действительно было, что в самом деле случалось, — то не могло тоже не быть подчас преувеличено. Но приняв это, все-таки увидим, что нечто все-таки остается. Что же такое? Нечто мрачное, темное и мучительное бесспорно, потому что — что же означают тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признания, что «он упал», эта страстная исповедь перед тенью матери? Тут самобичевание, тут казнь? Опять-таки в анекдотическую сторону дела вдаваться не буду, но думаю, что суть той мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта как бы предсказана им же самим, ещё на заре дней его, в одном из самых первоначальных его стихотворений, набросанных, кажется, ещё до знакомства с Белинским (и потом уж позднее обделанных и получивших ту форму, в которой явились они в печати). Вот эти стихи:

*Огни зажигались вечерние,
Был ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.
В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.
Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион.*

Миллион — вот демон Некрасова! Что ж, он любил так золото, роскошь, наслаждения и, чтобы иметь их, пускался в «практичности»? Нет, скорее это был другого характера демон; это был самый мрачный и унижительный бес. Это был демон гордости, жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы. Я думаю, этот демон присосался ещё к сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лет, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей

искать не хотела, войти в соглашение с этой чуждой толпою людей не желала. Не то, чтобы неверие в людей закралось в сердце его так рано, но скорее скептическое и слишком раннее (а стало быть, и ошибочное) чувство к ним. Пусть они не злы, пусть они не так страшны, как об них говорят (наверно думалось ему), но они, все, всё-таки слабая и робкая дрянь, а потому и без злости погубят, чуть лишь дойдет до их интереса. Вот тогда-то и начались, может быть, мечтания Некрасова, может быть, и сложились тогда же на улице стихи: «В кармане моем миллион».

Это была жажда мрачного, угрюмого, отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого. Я думаю, что я не ошибаюсь, я припоминаю кое-что из самого первого моего знакомства с ним. По крайней мере мне так казалось всю потом жизнь. Но этот демон всё же был низкий демон. Такого ли самообеспечения могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная так отзываться на всё святое и не покидавшая веры в него. Разве таким самообеспечением ограждают себя столь одаренные души? Такие люди пускаются в путь босы и с пустыми руками, и на сердце их ясно и светло. Самообеспечение их не в золоте. Золото — грубость,

насилие, деспотизм! Золото может казаться обеспечением именно той слабой и робкой толпе, которую Некрасов сам презирал. Неужели картины насилия и потом жажда сластолюбия и разврата могли ужиться в таком сердце, в сердце человека, который сам бы мог воззвать к иному. «Брось всё, возьми посох свой и иди за мной».

Уведи меня в стан погибающих

За великое дело любви.

Но демон осилил, и человек остался на месте и никуда не пошел.

За то и заплатил страданием, страданием всей жизни своей. В самом деле, мы знаем лишь стихи, но что мы знаем о внутренней борьбе его с своим демоном, борьбе несомненно мучительной и всю жизнь продолжавшейся? Я и не говорю уже о добрых делах Некрасова: он об них не публиковал, но они несомненно были, люди уже начинают свидетельствовать об гуманности, нежности этой «практичной» души. Г-н Суворин уже публиковал нечто, я уверен, что обнаружится много и еще добрых свидетельств, не может быть иначе. «О, скажут мне, вы тоже ведь оправдываете, да еще дешевле нашего». Нет, я не оправдываю, я только разъясняю и добился того, что могу поставить вопрос, — вопрос окончательный и всеразрешающий. ■

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

ИГОРЬ СИРИЦА

Родился в 1961 году в Краснода-
ре. Кандидат юридических наук.
Автор публикаций
по историко-правовым аспектам
деятельности правоохранитель-
ных органов и спецслужб
Кубанской области.
Живёт в Краснодаре.

АВТОМОБИЛИ И АВТОМОБИЛИСТЫ ЕКАТЕРИНОДАРА-КРАСНОДАРА (Первая четверть XX века)

Первый в Российской империи автомобиль появился в 1891 году на улицах Одессы — это был «самодвижущийся экипаж» германской компании «Бенц», за три года до того начавшей выпуск автомобилей для продажи. В Южной Пальмире автомобиль принадлежал многолетнему редактору газеты «Одесский листок» Василию Васильевичу Навроцкому, и когда тот ехал по Дерибасовской, то впереди него бежал человек с флажком, который размахивал им и предупредительно кричал: «Осторожно, едет автомобиль!» В Петербурге познакомились с автомобилем в 1895 году, в Москве только через четыре года — в 1899-м. А первый в России автобус для перевозки пассажиров начал курсировать по улицам Архангельска (!) с 19 июля 1907 года.

Ввоз автомобилей из-за границы в Россию начался на стыке XIX — XX веков, а в 1908 году в Риге на Русско-Балтийском заводе началась сборка автомобилей отечественного производства. Стоимость автомобилей была настолько высока, что их могли приобрести исключительно государственные учреждения, крупнейшие торговые фирмы и ну очень богатые люди. Если верить доктору медицины Степану Мефодьевичу Машенко, в Екатеринодаре автомобиль появился в 1900-х годах: «Первым автомобилистом в Екатеринодаре был владелец маслобойного завода армянин Аведов». Вот только С.М. Машенко не уточнил, кто именно из братьев Аведовых: Иван Авакович или Степан Авакович — являлся автомобильным пионером, ибо они оба были владельцами завода. Как бы то ни было, но модное увлечение автомобилями передалось их ближайшим родственникам и, увы, привело к трагическому событию. В начале октября 1910 года контора братьев Аведовых получила телеграмму из Москвы о трагической смерти Аведика Степановича Аведова (племянника и сына), «убившегося при

езде на автомобиле». Он являлся членом предприятия братьев Аведовых и студентом юридического факультета Московского университета. Екатеринодарская пресса извещала: «Умер 23-летний, молодой и деятельный человек. Наследство покойного перейдет к трем зятям и двум малолетним сестрам».

По некоторым данным, в числе первых владельцев авто в Екатеринодаре, не позднее весны 1905 года, были также Иван Иванович Галанин — владелец маслобойного завода и глава Торгового дома «И.И. Галанин с братьями», инженер-гидротехник Вильгельм Георгиевич Минут — специалист по водоснабжению, бравший подряды на бурение артезианских скважин в Екатеринодаре, а также Григорий Степанович Сахав — владелец модного магазина обуви и шляп.

Одновременно на улицах Екатеринодара появился прообраз современного такси. 20 мая 1905 года Городская Дума удовлетворила ходатайство предпринимателя М.И. Задунайского, господина Балтынского и купца Ивана Борисовича Мелик-Давидьянца об открытии ими по городским улицам движения пассажирских авто в качестве такси. Поскольку всё увеличивавшееся число автомобилей нельзя было не заметить, 20 мая 1905 года на заседании Екатеринодарской Думы был принят проект правил автомобильного движения по городу (Петербургская Дума, например, приняла их еще в 1901 году). Но начальник Кубанской области Дмитрий Александрович Одинцов проект не утвердил. Заменивший его на этом посту Николай Иванович Михайлов оставил его без внимания, и только сменивший обоих в 1908 году Михаил Павлович Бабыч после многочисленных бюрократических проволочек утвердил правила, которые вступили в силу в августе 1909 года. Случился парадокс: автомобили в Екатеринодаре энергично эксплуатировались, а

правил их движения по улицам города не было! «С некоторых пор по городским улицам открылось движение на автомобилях, — информировала еще в середине июля 1905 года местная пресса, — не имеющее почти никакого успеха у публики. Объясняется это отчасти тем обстоятельством, что движение происходит неправильно и носит какой-то случайный характер, а также и потому, что о движении автомобилей далеко не осведомлена публика». К слову, водителей автомобилей в то время называли «машинистами» или «шофферами», а сами автомобили — «автоматическими экипажами».

С лета 1906 года начало осуществляться автомобильное пассажирское движение из Екатеринодара в станицу Славянскую от гостиницы «Тао» у Нового базара, на углу Бурсаковской и Карасунской улиц, № 60/79. Маршрут просуществовал несколько лет, хотя иногда из-за плохой погоды рейсы приостанавливались (например, неожиданная оттепель в январе 1908 года).

Дабы не упустить возможности пополнить городскую кассу, 3 мая 1908 года Городская Дума установила правила для взимания сбора с автомобилей в Екатеринодаре. Сбору подлежали все «содержащиеся для езды в пределах города» автомобили, за исключением принадлежащих иностранным дипломатическим представителям, а также казенным учреждениям и предназначенных для «казенных надобностей». Сбор, с включением платы за снабжение автомобилей номерными знаками, составлял 3 рубля в год с каждой лошадиной силы автомобиля. Он вносился владельцами автомобилей за год вперед, к 1 апреля каждого года, после чего плательщику выдавался из Городской Управы номерной знак. Он также выдавался для автомобилей, освобожденных от сбора, с взысканием только стоимости этих знаков. Номерные знаки могли передаваться вместе с автомобилями в случае их отчуждения (продажа, дарение и т.п.). Лица, приобретающие автомобиль, уплачивали сбор за первый год полностью или в половинном размере, исходя из того, приобретен ли автомобиль в первом или во втором полугодии. В случае неисполнения взноса, выплачивалась пеня в доход города в размере 50 процентов от суммы,

остающейся в недоимке. Уплатившие сбор в одном городе, освобождались при переезде в другие города от платежа в них такого же сбора, впредь до истечения срока, на который он уплачен. Городская Управа объявляла «во всеобщее сведение» о размере сбора, об установленном Городской Думой сроке и о месте взноса сбора не позднее, чем за месяц до наступления срока. Размер пени за неисполнение взноса сбора, порядок оповещения автомобилистов, подлежащих обложению, а также контроль за правильностью поступлений сбора устанавливался Городской Думой.

Учитывая неважное, мягко говоря, состояние мощеных, да и незамоощеных улиц, только самоотверженный автомобилист мог решиться на поездку по Екатеринодару. По этой причине один из первых автовладельцев И.И. Галанин летом 1908 года заявил Городской Управе об отказе уплачивать сбор за автомобиль, пока не будут приведены в порядок мостовые, хотя бы в центре города. Суть отказа заключалась в том, что его автомобиль, проезжая по улице и попав в выбоину, получил значительные повреждения, потребовавшие ремонта, который влетел главе Торгового дома в копеечку.

В соответствии с правилами автомобильного движения по городу, утвержденными начальником Кубанской области и вступившими в силу в августе 1909 года, езда и управление автомобилями, а также перевозка на них грузов в пределах Екатеринодара допускались только после получения собственником автомобиля и шофером соответствующего разрешения Городской Управы. Все автомобили разделялись на несколько категорий: для собственного употребления; для извозного промысла (такси); для перевозки пассажиров; для перевозки грузов. В связи с этим езда на автомобилях допускалась: для собственной надобности и для легкового товаро-пассажирского извоза по всем улицам и дорогам, расположенным в черте Екатеринодара; для перевозки грузов постоянными регулярными рейсами и для автомобилей-омнибусов по маршрутам, указанным и утвержденным в каждом отдельном случае. Вес автомобиля не должен был превышать 250 пудов. Для эксплуатации автомобиля сверх указанно-

го веса требовалось особое разрешение Управы, которая руководствовалась безопасностью движения вообще и дорожного покрытия в частности.

При подаче заявления в Городскую Управу владельцами автомобилей указывались следующие сведения: 1) для какого движения автомобиль предназначается — пассажирского, частного или общественного, извозного или грузового; 2) размеры и вес автомобиля, «принадлежностей» к нему, наибольшее давление на ось; система двигателя; вид топлива, употребляемого для получения движущей силы и способ его потребления; описание приборов для остановки автомобиля и подачи звуковых сигналов; кем, где и когда он изготовлен; двигатель и тормоз; фабричный номер; результаты испытаний и освидетельствований составных частей экипажа, если они производились; 3) маршруты движения общественных и грузовых автомобилей, и место их стоянки; 4) лицо, которому доверено управление автомобилем, причем в случае замены этого лица другим, каждый раз запрашивалось на это новое разрешение Управы. К заявлению прилагались точные чертежи или фотографические снимки автомобиля, а также две фотокарточки лица, которому предполагалось доверить управление автомобилем.

После подачи заявления автомобиль в назначенное Городской Управой время подвергался осмотру и испытанию со стороны особой комиссии в составе городских техников и компетентных лиц по выбору и назначению Управы. При этом лицо, управляющее автомобилем, экзаменовалось в отношении своей компетентности, подготовленности и опытности. К управлению автомобилем допускались лица не моложе 20 лет, которые по освидетельствованию входящим в состав комиссии врачом или по представлению надлежащего медицинского свидетельства признавались «свободными от органических недостатков, мешающих управлять автомобилем (близорукости, глухоты и т.п.)».

В случае положительного результата осмотра автомобиля и испытания «машиниста» (шофера), Управа выдавала разрешение на право пользования автомобилем в виде особой книжки (то есть техпаспорта) с напечатанными в ней правилами с указа-

нием предельного допускаемого давления на ось и маршрутами движения автомобиля, а также два номера для каждого автомобиля. «Машинист» получал особый билет на право управления автомобилем (то есть водительское удостоверение), причем к этому билету «пришнуровывалась» и «припечатывалась» печатью Городской Управы одна из его фотокарточек. «Нумерные жестянки» (то есть номера) прикреплялись на видных снаружи местах автомобиля — одна сзади, а другая сбоку (!), а разрешение обязательно должно было находиться в автомобиле во все время езды, также как и «машинист» обязан был иметь при себе билет, выданный Городской Управой.

При плохой и небрежной езде, а также при несоблюдении правил и законных требований Управы разрешение на право пользования автомобилем и билет на право управления им могли в любое время изыматься Городской Управой, а лица, виновные в нарушении правил, привлекались к ответственности.

Выданное разрешение было действительным только для автомобиля, которому выдавалось. В случае его утраты, а также при переделке автомобиля с изменением его формы, системы или механизма требовалось новое разрешение, которое испрашивалось вновь в установленном порядке. Равным образом при утрате билета на право управления автомобилем его вновь можно было получить в установленном порядке. В случае перехода автомобиля к другому владельцу, тот испрашивал в Управе особое разрешение на право пользования им.

Автомобили должны были иметь такое техническое устройство, чтобы всякая возможность взрыва на них исключалась, и во время движения они не пугали бы лошадей выпускаемыми парами, дымом, шумом или другими способами. Тормоза на автомобиле (не менее двух, действующих самостоятельно) должны были иметь возможность остановки на полном ходу, а передача движения устраиваться таким образом, чтобы в случае «нарушения зацепления» автомобиль «не мог понести». В автомобиле надлежало иметь техническое приспособление, которое лишило бы возможности посторонних лиц «пускать

в ход машину», в случае отсутствия лица ею управлявшего.

Для предупредительных сигналов на автомобиле предусматривались рожок или труба с пневматической грушей, но отнюдь не приборы, подобные свистку. Независимо от этого автомобиль, если он двигался бесшумно, снабжался колокольчиком или бубенчиком (!), которые своим звоном давали бы знать о его приближении. С наступлением сумерек автомобиль должен был освещаться яркими фонарями, помещенными спереди по одному с каждой стороны, с отчетливым изображением на них «номерами жестянки».

Скорость движения автомобилей не должна была превышать в городе 12 верст, а в окрестностях — 20 верст в час. На перекрестках, при переездах, на поворотах и спусках, при пересечении людных мест, при проезде через рогатки или шлагбаумы и вообще во всех местах и случаях, где имелись препятствия или когда был повод опасаться несчастия, скорость хода значительно уменьшалась. Автомобили двигались по правой стороне улиц, и обгонять другие автомобили и экипажи извозчиков можно было только слева, но со скоростью, не превышающей 12 верст в час. При встрече с лошадьми, «обнаруживающими испуг», автомобиль требовалось остановить. Воспрещалось ездить по тротуарам, по пешеходным полосам или тропам, а также по городским паркам, садам, церковным и торговым площадям. Кроме того, езда на автомобилях могла временно прекращаться по некоторым улицам по распоряжению Городской Управы или полиции. Все автомобили осматривались техниками Управы не реже одного раза в год с отметкой об этом в книжках.

На улицах Екатеринодара надзор за выполнением правил дорожного движения осуществляли городские. При проезде транспорта с порохом и другими взрывчатыми веществами по улице городской двигался впереди него до следующего поста, требуя от проезжающих более тихой езды и устраняя все случаи, могущие повлечь за собою воспламенение и взрыв провозимой клади. Кроме того, городские следили, чтобы крестным ходам, похоронным процессиям, партиям тюремных арестантов, пожарным

командам и проходящим частям войск все проезжающие автомобили уступали дорогу.

Естественно, установленные правила не являлись панацеей от всех бед — дорожно-транспортные происшествия были, есть и будут, но сведение их к минимуму — суть обязанностей участников дорожного движения. Вот наиболее характерные примеры дорожно-транспортных происшествий, имевших место в Екатеринодаре в ту пору, и зарегистрированных в полицейских сводках. По понятным причинам их было на порядок меньше, нежели происшествий с участием извозчиков, велосипедистов и трамваев, но они все же случались.

В полдень 19 сентября 1908 года по Красной улице мчался автомобиль, принадлежавший купцу Ивану Борисовичу Мелик-Давидьянцу, под управлением «шоффера» Якова Гутмана. Возле колбасного магазина Цирульникова автомобиль сбил крестьянина Якова Зверева, сломав ему ногу. Потерпевший был отправлен в больницу, а хозяина автомобиля и водителя привлекли к ответственности «за неосторожную езду». Как здесь не вспомнить отечественных классиков Ильфа и Петрова: «В нашей обширной стране обыкновенный автомобиль, предназначенный, по мысли пешеходов, для мирной перевозки людей и грузов, принял грозные очертания братоубийственного снаряда».

29 сентября 1910 года в 9 часов утра на углу Красной и Ростовской улиц проезжавшим на большой скорости «мотоциклетом» № 4 с пассажиром-гимназистом был изувечен старик. При падении старик сильно ушиб голову. С трудом его привели в чувство и отправили в городскую больницу, благо, что она находилась неподалеку от места происшествия. Вероятно, это одно из первых ДТП, совершенное появившимися в Екатеринодаре еще достаточно редкими «мотоциклетами».

25 июля 1911 года около 7 часов вечера на проезжавшего по Красной на велосипеде И.А. Авдеевского наехал автомобиль. Велосипед был «смят», а велосипедисту причинены ушибы и ссадины. Кому принадлежал автомобиль, полиции установить не удалось, ибо после наезда он поехал дальше, как сказали бы сейчас — скрылся с места происшествия.

28 февраля 1912 года в 5 с половиной часов вечера на углу Красной и Гоголевской автомобиль, принадлежавший купцу Георгию Харлампиевичу Азвестопуло, под управлением «шоффера» Ивана Полиенко, сбил Альвину Гофман, последствием чего стало её «изувечение». И купец, и водитель были привлечены полицией к ответственности «за непомерно быструю езду на автомобиле».

26 июня 1912 года около часа ночи по Ростовской улице, в направлении городской скотобойни, мчался «полным ходом» автомобиль под № 9, с тремя дамами и столькими же кавалерами. Компания была изрядно навеселе и поглощена оживленной беседой. А впереди них, в том же направлении, но к сливному баку для нечистот не спеша двигалась вереница повозок городского ассенизационного обоза. Ночь была безлунная, поэтому немудрено, что автомобиль, не успев затормозить, врезался в ехавшую в хвосте каравана колымагу и выбил дно бочки, из которой на него бурным потоком хлынуло ее содержимое, обливав с головы до ног всю честную компанию. От удара на мостовую был выброшен рабочий обоза Антон Петров, получивший «значительные ушибы». Автомобиль же отделался разбитыми стеклами на фонарях. Коллеги Петрова остановились и, возмущенные происшествием, окружили автомобиль и стали допытываться у враз помрачневшей компании ФИО и место жительства его владельца. Однако кавалеры стали огрызаться и достали (все трое!) револьверы, как веский аргумент отказа отвечать, после чего скрылись в ночи на израненном и испачканном фекалиями авто. На место ДТП прибыла полиция, зафиксировала случившееся и выслушала рабочих обоза, а наутро пристав 2-й части М.М. Саникидзе попросил Городскую Управу, «в возможно непродолжительном времени», сообщить ему анкетные данные и местожительство владельца автомобиля № 9, «для выяснения личностей седоков и привлечения их к уголовной ответственности». Из городского «извозного стола» оперативно сообщили, что указанный автомобиль зарегистрирован на мещанина Шулима Самсоновича Гутмана, проживающего на Кирпичной, № 113, который занимается «отдачей на прокат

своего автомобиля». Вскоре заведующий городским ассенизационным обозом доложил в Управу, что от аварии обоз понес убытки на сумму 43 рубля 80 копеек, а рабочий Антон Петров, по заключению врачей городской больницы, «лишен работать в течение одной недели». А потом полиция взялась за «золотую молодежь»...

31 марта 1913 года в 4 часа дня Иван Иванович Галанин, владелец маслобойного завода и глава Торгового дома «И.И. Галанин с братьями», о котором уже упоминалось, проезжал на автомобиле по дороге, ведущей в станицу Новотитаровскую. Между городской скотобойней и «Братским колодцем», отвлекшись, он наехал на крестьянина Харьковской губернии Осипа Кадацкого (38 лет), который пешком шел на Сады в северо-восточной части города, где проживал в собственном доме. В результате, как отмечалось в полицейском протоколе, И.И. Галанин «так сильно причинил ушибы Кадацкому, что по доставлению в больницу тот умер».

27 июня 1915 года около 6 часов вечера покупатели и торговцы Дубинского базара стали свидетелями необычного случая. На проезжавшем по Ставропольской улице мимо базара автомобиле сорвалось «колесо руля», которым сильно ушибло одного из пассажиров. По иронии судьбы, примерно в этом месте, спустя век, в ночь на 1 августа 2018 года футболист ФК «Краснодар» Федор Смолов, ехавший на большой скорости, не справился с управлением и разбил свой автомобиль BMW, стоимостью девять миллионов рублей. Поговаривали, что он был не вполне трезв. Проклятое место, не иначе.

21 февраля 1916 года в 1 час дня на углу Николаевского проспекта и Штабной улицы автомобиль Г.С. Сахав наехал на казачку Гладкову и причинил ей легкие ушибы. Как выяснилось, автомобилем управлял личный «шоффер» купца Алексей Герасименко. Он и ранее, и позднее неоднократно нарушал правила дорожного движения, в связи с чем в середине мая того же года городской инженер Майгур обратился в Городскую Управу с просьбой «не допускать для езды по городу шоффера Алексея Герасименко, служащего у г. Сахав, впредь до представления от врача удостоверения о здоровье его

зрения». Кроме того, инженер Майгур предложил потребовать подобные «удостоверения» и от других «шофферов автомобилей для езды по городу». В случае не представления водителями авто подобных «удостоверений», а также «особых свидетельств об окончании школы шофферов», городской инженер предлагал не допускать их к «езде по городу».

18 сентября 1917 года мчавшийся по Кузнечной улице военный автомобиль сбил мальчика Сергея Попова, 12 лет, который скончался на месте.

Хотя Городская Управа и выдавала номерной знак для крепления на автомобиле, многие владельцы игнорировали требования городских властей и передвигались по Екатеринодару без номеров. Естественно, полиция реагировала на подобные нарушения, правда, когда могла установить принадлежность автомобиля. Этот факт не оставила без внимания и местная пресса: «Несмотря на то, что управой в каждом случае выдается номер для прикрепления его к автомобилю на видном месте, требования городской управы многими владельцами не выполняется и автомобили продолжают раскатывать по городу без номеров».

Полицмейстер Екатеринодара систематически отслеживал ситуацию на улицах города. С появлением автомобилей, вдобавок к уже имеющимся извозчикам, трамваям и велосипедистам, уровень дорожно-транспортных происшествий значительно увеличился. В марте 1910 года он издал приказ: «Несмотря на неоднократные распоряжения о строжайшем наблюдении со стороны полиции за движением на улицах, которое надо регулировать, чтобы публике не угрожала смерть во время следования по улицам и переходам, за последнее время вновь стали повторяться несчастные случаи от чрезвычайно быстрой езды. Подтверждаю вновь требование о недопущении быстрой езды автомобилей, вагонов трамвая и конных упряжек. В случае столкновений или иных несчастных случаев, будет наложено взыскание на тех чинов полиции, в районе которых они произойдут». Службы ГАИ, ГИБДД, ДПС и подобных им в ту пору не было — за всё и про всё приходилось отдуваться городовым.

В том же 1910 году в Екатеринодаре появились

первые, как сказали бы сейчас, стритрейсеры — уличные гонщики. Местный репортер Г. Богданов посвятил им очерк «Тоже спортсмены», в котором осветил абсолютно новое для города явление: «Ежедневно в послеобеденное время на Красную улицу выезжают на своих машинах автомобилисты. Они горделиво окидывают глазами пешеходов, а последние не без зависти взирают на них. Катят автомобили не то чтобы тихо, но и не шибко. Проходит час, другой, третий и спускается вечерняя пора, когда уже нельзя разглядеть лиц, сидящих в автомобилях и номера их машин. Картина быстро меняется. Мирные автомобилисты превращаются в грозных рыцарей, а гуляющая публика — в стадо испуганных овец. В клубах пыли и бензинового дыма трудно уловить происходящее. Слышны лишь звуки рожков, окрики перепуганных кучеров и голоса протестующей публики. Но рыцарям нет дела до производимого ими переполоха. Они с быстротой молнии мчатся по улице, все больше и больше усиливая ход автомобилей. Они стараются обогнать друг друга. Правда, здесь их никакие призы не ожидают, но им, надо думать, важны не призы, а сознание того, что побит рекорд быстроты, что слава завоевана. Какое дело автомобилистам до того, что в результате их гонок окажутся перепуганными дети, задавленными люди? Они устраивают гонки».

Не правда ли, очень актуальные мысли? Но напомним: время действия — октябрь 1910 года, место действия — Екатеринодар, более века с лишком тому назад...

Спустя два года ситуация не изменилась: «В данное время в городе процветает автомобильный спорт, как самый новый и модный. Эти чудовища на резиновых шинах с рычанием носятся по городу самым полным ходом. В каждом автомобиле сидит, по крайней мере, сотня чертей, которые стучат, пыхтят, кашляют, чихают. Всякий благоразумный гражданин, прежде чем выйти на Красную улицу, прощается с женой и детьми, и пишет духовное завещание. Не очень давно один автомобиль наскочил на фруктовый киоск и стер его с лица земли». Несмотря на довольно шуточный тон газетного репортера, он поднимал довольно серьезную проблему, с кото-

рой столкнулись пешеходы: сводка дорожно-транспортных происшествий в Екатеринодаре и их жертв уже стала походить на фронтовую сводку...

Подобная ситуация складывалась во многих российских городах. Одна из столичных газет написала в 1913 году о шоферах, не выполнявших правила дорожного движения: «Это ведь те же хулиганы, только избравшие более спокойную и благую часть: хулиганить не на своих двоих, а сидя в удобном экипаже, да еще получая за свое хулиганство солидное ежемесячное вознаграждение. Наложение на безобразящих шофферов штрафов, хотя бы и значительных, совершенно не достигает цели, ибо штрафные деньги за них уплачивают их хозяева, не желающие лишать себя, даже и на короткое время, услуг автомобиля. Порка — единственное средство обуздать эти отребья человечества, от которых мирным людям за последнее время не стало ни прохода, ни проезда».

В 1907 — 1911 годах американская автомобильная компания «Форд» прочно закрепилась на рынке Российской империи, ее дилером в Екатеринодаре являлся Георгий Александрович Ерохин, богатый купец. В его представительстве на Ростовской улице, № 111, предлагались различные «фордовские» модели (22 лошадиные силы, 4 цилиндра): «Дубль-фаэтон» стоимостью 2675 рублей, «Ландоле» — 3475 рублей, двухместная модель — 2475 рублей. В 1912 году у Г.А. Ерохина можно было приобрести модели текущего года: «Дубль-фаэтон» уже за 2875 рублей, «шахт-торпедо» за 4020 рублей, а также английский «Непир», германский «Дюркопп» и грузовики от двух до четырех тонн.

Автомобили можно было также купить и в Торговом доме «Импорт» на Соборной улице (дом Калери), который открылся 15 июня 1910 года и где предлагались «грузовые, пассажирские и тяговые автомобили» из Германии, Англии, Франции, Бельгии, Австрии и Америки. В 1912 году на Ростовской, № 156 (угол с Ярмарочной) был открыт склад (отделение) рижского «Русско-Балтийского вагонного завода», где предлагались, помимо сельскохозяйственных машин и двигателей внутреннего сгорания, первые отечественные автомобили «Руссо-Балт».

Кроме того, автомобили продавались и «частниками». Вот примеры подобных объявлений. «Продается по случаю 3-местный, 8-сильный автомобиль. Дмитриевская улица, № 88». «Продается автомобиль, 22 сил, на полном ходу. Ярмарочная улица, № 63. Матвиенко». «Автомобиль "Колибри", четырехцилиндровый, трехместный (третье — складное), модель 1911 года, каросери "Торпедо", ввиду окончания сезона спешно продается за 1900 рублей, вместо 2400 рублей. Автомобиль месяц назад получен из заграницы. Ростовская, № 111. Николай Ерохин».

Предлагали свои услуги и водители: «Ищу место шофера-механика. Согласен в отъезд. Кузнечная улица, № 15. Шофферу». Или вот: «Шоффер Его Превосходительства камергера С.М. Прудченко свободен и желает получить место. Обращаться: Николаевский проспект, магазин "Детский Рай"». Или еще: «Шоффер ищет место, могу в отъезд. 1½ года практики, имею свидетельство. Обращаться — Гоголевская, № 19. И. Савельев». Наконец, работодатели искали водителей: «Требуется опытный шоффер. Обращаться в контору Русско-английского общества — Котляревская улица, № 15». Или искали автомобили: «Требуются два открытых автомобиля. Предложения, с указанием фирмы, числа мест и мощности адресовать в Контору правления Общества Кавказских химических заводов — Екатеринодар, Базарная улица, № 44». Бензин можно было приобрести в любом аптечном магазине (!) Екатеринодара или заправиться на керосиновом складе А.Н. Николаева на Рашпилевской улице (рядом с кладбищем), купив «легкий» бензин попудно и цистернами.

К 1910 году в Екатеринодаре было зарегистрировано 20 автомобилей, часть которых предназначалась для личного пользования, а другая — для пассажиров по найму (такси). Через два года их количество не изменилось. В 1911 году некто А.З. Лосев обратился в Городскую Управу за разрешением эксплуатировать на улицах города грузовой автомобиль в 400 пудов подъемной силы. В выдаче разрешения ему было отказано под предлогом того, что автомобиль будет разрушать мостовые. К этому времени движение по улицам Екатеринодара, в пер-

вую очередь по Красной, стало настолько динамичным, что местная пресса предупреждала: «Учащиеся школы Общества приказчиков во время перемены выбегают на Красную улицу и здесь, подвергаясь ежеминутно опасности попасть под колеса трамвая, автомобиля или извозчика, бегут взапуски по всем направлениям улицы».

Кстати, дети тоже своеобразно вовлекались в автомобильную жизнь. 9 мая 1912 года на углу Красной и Постовой улиц было устроена автомобильная «станция», в виде «большого красного зонта». С 10 часов утра несколько автомобилей «катали» пассажиров до железнодорожного моста и в Чистяковскую рощу, с возвращением на «станцию», где распорядители акции «в пользу недостаточных учениц 2-й женской гимназии» выдавали билеты стоимостью 50 копеек и «регулировали» отправление автомобилей. В качестве пассажиров были, главным образом, дети. Весь сбор от акции пошел на поддержку малообеспеченных учениц гимназии.

Летом 1912 года местный репортер В. Викторov писал: «Видели ль вы екатеринодарские автомобили? Собственно говоря, все двадцать автомобилей вы могли видеть только один раз — в День белой ромашки. Но ежедневно вы встречаете по одному, по два автомобиля, сломя голову мчащиеся по Красной улице, и издающие скверный запах и густые хищные звуки. Вы уже знаете, кому принадлежит белый автомобиль, кому — черный, кому — красный, кому — зеленый. Вы даже знаете, кого именно из знакомых владельца данный автомобиль возит в определенные дни на неделе. Вы уже, помимо своего желания, успели узнать, чей шоффер получает самое большое жалованье и какой курит табак. Вы почти безошибочно предугадаете порядок встречи на Красной изученных вами машин. И все же вы гордитесь от осознания, что в Екатеринодаре двадцать автомобилей. Иметь двадцать автомобилей — это иметь двадцать возможностей преждевременно прекратить вашу мятежную жизнь...»

День белой ромашки, о котором упоминает репортер, впервые отмечался в городе 20 апреля 1912 года и посвящался борьбе с туберкулезом. Уже с утра на улицах, базарах и в трамваях работали продавщи-

цы «белого цветка» со специальными кружками для пожертвований в пользу больных туберкулезом. В полдень от Зимнего театра на углу Красной и Гоголевской началось торжественное шествие: впереди ехал автомобиль, за ним длинной вереницей тянулись в два ряда велосипедисты, украшенные флагами и ромашками, потом двенадцать автомобилей, убранные зеленью и цветами, а за ними — несколько разукрашенных экипажей и маленькая тележка, запряженная осликом. В 5 часов вечера торжественный «парад» повторился. В результате было собрано в пользу Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом более 13 тысяч рублей. Кстати, в следующем, 1913 году мероприятие повторилось: 27 апреля взорам екатеринодарской публики предстал караван из автомобилей, экипажей и велосипедистов, «сплошь убранных ромашками».

В середине июня 1912 года пристав 2-й части И.И. Тимошенко просил Городскую Управу прислать список всех автомобилей, получивших номера, с указанием фамилий, имен и отчеств, званий и местожительств их владельцев. Эти сведения были необходимыми в виду того, что «в последнее время по городу разъезжают несколько автомобилей без всяких правил биржевой езды и даже без специальных шофферов. Они совершенно не считаются с правилами передвижения по городу. Некоторые из них имеют едва заметные номера, другие и вовсе их не имеют, и при недоразумениях с публикой трудно бывает установить хозяев автомобилей или седоков на них». Поясним, что под «биржевой ездой» подразумевались услуги такси, то есть в запросе пристава речь шла о «шофферах», не получивших разрешение на извозный промысел, проще говоря, о «бомбилах», оказывающих неофициально услуги по перевозке пассажиров.

Одной из насущных проблем у екатеринодарских «шофферов» являлся ремонт постоянно ломающихся автомобилей. В ту пору станции технического обслуживания, вполне естественно, в Екатеринодаре отсутствовали — приходилось искать специалистов, сведущих в ремонте автомобилей, в слесарных мастерских. Но и там «шофферов» могли подстергать неприятности. Так, например, Яков Гутман оставил

на ремонт свой автомобиль во дворе слесарного заведения «Гладков и Злобин» на Екатерининской, № 23. В ночь на 1 апреля 1912 года во двор проникли злоумышленники, долго пытались завести автомобиль, но поскольку он был отдан «в починку», угнать его не представилось возможным. Чтобы хоть как-то оправдать свой ночной рейд, незваные гости сняли с авто брезент, стоимостью 25 рублей, и скрылись в темноту. Несмотря на дату, шутить воры отнюдь не были намерены...

В 1914 году Городской Управой было зарегистрировано уже 29 автомобилей. Их движению по Красной улице, переименованной в Николаевский проспект, стали мешать опоры электрических трамвайных линий. Пришлось их демонтировать и перенести по обочинам проезжей части. Но с началом Великой войны количество автомобилей в Екатеринодаре резко сократилось: частные автомобили реквизировались для нужд обороны страны, а поставки автомобилей из Германии, естественно, прекратились.

Свидетельством тяги горожан к овладению искусством управления автомобилем является тот факт, что даже в конце октября 1917 года, когда времена настали очень беспокойные, на углу Красной и Дмитриевской улиц открылись автомобильные курсы, куда запись учеников производилась ежедневно. В ноябре того же года Городская Управа попросила московского инженера Э.Э. Трипе произвести в Москве осмотр и выбор автомобилей для Екатеринодара, а также предложила ему должность заведующего Автомобильным отделом Городской Управы. Раньше подобное подразделение в органах городского самоуправления отсутствовало.

Немного статистики. В Великую и Гражданскую войны Городской Управой всего было выдано разрешений частным автомобилям: в 1914 году — 29, в 1915 году — 18, в 1916 году — 14, в 1917 году — 12 (плюс военным автомобилям — 13, в том числе грузовым — 3), в 1918 году — ни одного, в 1919 году — 1. Припомним лозунг: «Все ушли на фронт!», причем в буквальном смысле.

В период присутствия в городе Добровольческой армии, по приказу начальника Екатеринодарской

городской стражи (то есть полиции) 5 сентября 1918 года, всем её чинам надлежало строго следить за соблюдением извозчиками и, в особенности, «шофферами», правил езды по городу, а на виновных составлять протоколы. О воинских автомобилях добровольцев, замеченных в нарушении правил, необходимо было сообщать в Техническую канцелярию Кубанского краевого правительства и в Авточасть Добровольческой армии, которая дислоцировалась на Пластуновской улице, № 46.

17 сентября 1918 года Городская Управа установила новый сбор для автомобилистов (за каждую лошадиную силу автомобиля): для личной надобности — 20 рублей, для перевозок — 10 рублей, а с грузовых автомобилей — 5 рублей.

А накануне случилась жуткая автокатастрофа. Вечером 16 сентября заведующий Автомобильной частью Добровольческой армии подполковник Щепкин и старший офицер автомобильной роты подполковник Жемчужников, выйдя из Городского сада с двумя барышнями, отправились кататься на автомобиле под управлением прапорщика Харнизарова по Красной улице. Ехали быстро, с ветерком, и в конце Красной автомобиль наскочил на столб электрического трамвая. После страшного удара всех седоков выбросило на мостовую (наличие ремней безопасности, естественно, в то время правилами не предусматривалось). Жемчужников получил настолько сильные повреждения, что скончался на месте. У Щепкина были тяжелые ушибы головы, обеих рук и ног. Обе барышни также довольно тяжело пострадали. Шофер, прапорщик Харнизаров, отделался легкими повреждениями, но был до того потрясен случившимся, что, как указывалось в официальном документе, «был близок к помешательству». 17 сентября состоялись похороны подполковника Жемчужникова. Подобные случаи относились к так называемым небоевым потерям.

Месяц спустя, 12 октября 1918 года, в полдень по Красной со скоростью 15 верст в час ехал автомобиль дивизиона Добровольческой армии под управлением Ивана Кузьмина. На углу с Екатерининской он сбил переходящего мостовую Давида Бескоровайного, 70 лет от роду, причинив «тяжелые

поранения головы и рук». Отправленный в больницу старик спустя четыре часа скончался.

12 февраля 1919 года около 10 часов утра на Карасунской улице, возле Нового базара, мчавшимся грузовиком была сбита 38-летняя Ефросинья Рыбалкина. Будучи доставленной в городскую больницу, она скончалась. Скрывшийся с места происшествия грузовой автомобиль так и не был установлен. Можно только предположить, что он был причислен к военным частям.

6 июля того же года на трамвайной остановке (угол Красной и Соборной улиц), на вышедшего из вагона трамвая директора Брюховецкого реального училища В.Ф. Владимирова, прибывшего в Екатеринодар по служебной надобности, «наскочил» мчавшийся автомобиль под № 8, приписанный к Штабу Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Доставленный в больницу сотрудник народного образования, не приходя в сознание, скончался.

Наконец, 11 октября на углу Красной и Дмитриевской улиц автомобиль, приписанный к войсковому гаражу, сбил Александру Дедюлину (12 лет) и ее сестру Пелагею (3 года), переходящих перекресток. Последняя от полученных ушибов спустя десять минут умерла...

А вот это чрезвычайное происшествие можно смело отнести к разряду экзотических. Ранним утром 15 мая 1919 года руководство Екатеринодарской городской стражи пребывало в некоторой растерянности. От начальника Уголовного отделения Темрюкской городской стражи полковника Александра пришлось срочное донесение: в час ночи у председателя Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанта Александра Сергеевича Лукомского злоумышленники угнали автомобиль. Произведенным темрюкскими сыщиками дознанием было установлено, что к злодеянию причастна некая большевистская организация, целью которой было учинить на автомобиле разбой по хуторам и станциям Кубани, переодевшись в офицерскую форму и выдавая себя за должностных лиц, разъезжающих по территории края с реквизициями. Сообщались

особые приметы автомобиля: «окраска черная, на радиаторе с правой стороны внизу большая припаянная пластина, переднее стекло в нижней половине лопнуло с левой стороны». Полковник Александров просил сделать распоряжение о принятии самых решительных мер к задержанию автомобиля, выставив на всех проезжих пунктах караулы из лиц опытных и сведущих в деле сыска, и без стеснения проверять всех проезжающих офицеров и частных лиц на авто с указанными приметами. А в случае успеха — схватить пассажиров и забрать автомобиль. При этом необходимо было иметь в виду, что угонщики-большевики могли быть снабжены поддельными документами. По всему Кубанскому краю был объявлен своеобразный план «Перехват», а в Екатеринодаре чины городской стражи и контрразведки были подняты в ружье. Однако автомобиль генерала Лукомского как в воду канул. Но мы бы несколько не удивились, если бы в скором времени увидели угнанный автомобиль причисленным к штабу, например, Семена Михайловича Буденного. Впрочем, военные историки могут проверить и подтвердить, либо опровергнуть эту версию...

К началу лета 1919 года по Екатеринодару раскатывали 44 автомобиля, главным образом, иностранного производства. У председателя Кубанского краевого правительства значился «Оверланд», у войскового атамана Кубанского казачьего войска — «Руссо-Балт» и «Кадиллак», у походного атамана — «Гудзон», а для почетных гостей — «Комник», у барона Врангеля — «Фиат», у генерала Шкуро — «Форд» и «Студебеккер», у генерала Улагая — «Непир» и два «Фиата», иные должностные лица и военное командование имели для передвижения «Опель», «Рено», «Бенц», «Адлер», «Мерседес» и другие авто. Откуда в городе появилось такое количество «иномарок»? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Еще в середине января того же года ранее уже упоминаемый инженер-гидротехник Вильгельм Георгиевич Минут — специалист по водоснабжению, бравший подряды на бурение артезианских скважин в Екатеринодаре, — обратился с письмом к городскому голове. В нем он «изъявил желание, во исполнение гражданского долга, взять на себя бесплатное на-

блюдение за всеми городскими артезианскими колодцами при условии, что Городская Управа исходатайствует у власти распоряжение о возврате ему, исключительно для разъездов по наблюдению, реквизированного у него автомобиля, находящегося ныне в ведении Краевого Правительства».

С приходом в Екатеринодар советской власти началась тотальная постановка на учет автомобилей, в том числе и принадлежащих частным лицам. 29 марта 1920 года начальник гарнизона Екатеринодара Федоров издал приказ № 11, который гласил: «Всем легковым автомобилям, разъезжающим по городу, немедленно зарегистрироваться в Комендантском управлении на углу Гимназической и Бурсаковской (бывший Войсковой Штаб), откуда и получить номер и удостоверение на право езды. Патрулям задерживать все автомобили, не имеющие номера и отличительного знака (красный билет, наклеенный на автомобиль) и направлять в Комендантское управление».

1 июня 1920 года в своем приказе № 38 Федоров резюмировал, что «продолжается бешеная езда по городу как автомобилями, так экипажей и верховых». В связи с этим он приказывал коменданту Екатеринодара «ежедневно высылать конные патрули на пункты, где наблюдается большое движение публики и экипажей». В обязанности патрулей вменялось «останавливать все автомобили, едущие более 20 верст в час и записывать фамилию шоффера, задерживать все экипажи и всадников, устраивающих гонки по улицам города и отправлять в Комендантское управление», где нарушителей предавать суду Ревтрибунала.

Между тем процесс регистрации автомобилей затянулся, а потому 13 июня 1920 года последовал приказ № 43 по Екатеринодарскому гарнизону, где, в частности, указывалось: «Несмотря на распоряжения, отдельные организации и частные лица имеют не зарегистрированные автомобили и другое автоимущество. Более того, в то время как армия не может использовать автомобили для оперативных заданий из-за недостатка запасных частей, на базаре частные лица бессовестно спекулируют автоимуществом, видимо, находящихся в частных складах,

не взятых на учет. Реввоенсовет 9-й Кубанской армии и Кубано-Черноморский областной комитет постановили поручить начальнику авточастей 9-й Кубанской армии в кратчайший срок произвести окончательную регистрацию всех автомобилей и автоимущества, находящегося как в распоряжении войсковых частей, гражданских учреждений и организаций, так и у частных лиц». Владелец всех автомобилей, поставленных на учет, Управление авточастей 9-й армии выдавало особые пропуска и номера. Остальные автомобили с 24 июня задерживались патрулями, а лица, пользующиеся ими, арестовывались и препровождались в Особый отдел армии. А там с нарушителями уже не чикались, ибо с середины мая Особый отдел 9-й Армии влился в Кубано-Черноморскую областную ЧК, где шутить были не расположены.

Месяц спустя, 16 июля 1920 года, военный комиссар Мерейко издал приказ по Екатеринодарскому гарнизону № 57, в котором указал: «12 июля от неосторожной езды произошло столкновение автомобиля с трамваем, в результате — гибель народного достояния и увечье людей. Командарм приказал виновных арестовать и для дознания отправить в Штаб 9-й Кубанской Армии. В целях предупреждения катастроф и возможной экономии смазочных и горючих материалов и резины, объявляю правила езды по городу для легковых и грузовых автомобилей и мотоциклов». Суть же правил сводилась к следующему.

Водителям предписывалось строго держаться правой стороны, обгонять повозки и экипажи только с левой стороны, подавая сигнал, и не объезжать трамвай с левой стороны. При сворачивании налево, на другую улицу, объезжать постового милиционера, а не срезать углы; при повороте же направо — держаться своей стороны. Скорость легковых автомобилей и «мотоциклов» не могла превышать 20, а для грузовых — 10 верст в час.

Шофер обязывался подавать сигналы при переезде улиц, при «заворотах», при «обгонке» трамвая, при движении задним ходом, и уменьшать ход до минимума при повороте и объездах. Легковые машины, «мотоциклы» и, в особенности, грузовые

автомобили должны были загружаться согласно норме: легковые и «мотоциклеты» — по числу мест, грузовые — в зависимости от тоннажа. Каждая машина должна была иметь пропуск для движения и установленные номера с боков и сзади. При езде ночью автомобили и «мотоциклеты» освещались, по крайней мере, одним фонарем спереди и одним сзади так, чтобы хорошо был виден номер.

При замедлении хода, остановках и поворотах шофер поднимал руку для предупреждения экипажей и повозок. При остановках и внезапной порче машины ее надлежало ставить у «панели» (бордюра) так, чтобы не загромождать дороги. При поворотах на улицах запрещалось въезжать на «панель». Езда по городу разрешалась только с глушителем, с закрытым клапаном выпуска газа. При встрече с машиной, потерпевшей аварию, надлежало остановиться и оказать посильную помощь. Шофер был обязан останавливать машину по требованию милиции и лиц, имеющих на то особые полномочия, а также и при несчастных случаях с людьми, в связи с неосторожной ездой. В последнем случае шофер оказывал посильную помощь пострадавшему. Шоферы, пытавшиеся скрыться от ответственности за происшедшее, привлекались к суду Ревтрибунала. За неисполнение указанных правил автомобили надлежало задерживать и вместе с пассажирами доставлять в штаб 9-й Кубанской армии. Начальник милиции снабжал милиционеров свистками и флажками для регулирования движения и остановки автомобилей, нарушающих правила езды.

Как и в других случаях, новые правила дорожного движения не ограждали от происшествий и несчастных случаев. Так, 1 июня 1920 года в 9 часов вечера под автомобиль, которым управлял шофер военкома штаба 9-й Армии М. Михайлов, попал шестилетний мальчик Василий Мельников. Дознанием было установлено, что мальчик, желая покататься, влез на автомобиль при въезде его во двор, но сорвался и попал под колеса, в результате чего получил тяжелые травмы, несовместимые с жизнью.

О нравах, царивших в пору «триумфального шествия советской власти» в городе, свидетельствует письмо рабочего типографии Политотдела 9-й

Армии Александра Мухина в местную советскую газету осенью 1920 года. «Вечером 26 ноября, проходя мимо бывшего Войскового собора, — писал сознательный рабочий, — я был свидетелем следующего недопустимого явления. К собору подкатил автомобиль и высадил жениха и невесту. Зная, что автомобиль предоставляется только для служебных поездок ответственным советским работникам, я решил выяснить, в чем дело. Вхожу в собор, смотрю — свадьба с хором певчих. Жених — в галифе и при шпорах, шафер — в белых перчатках с советским значком на груди. По наведенным мною справкам, новобрачный оказался делопроизводителем комиссара 2-го района Федором Сергеевичем Андреевым. Было бы интересно узнать, кто предоставил жениху автомобиль, предназначенный для поездок по делам службы?» Выяснением этого вопроса и занялась Кубано-Черноморская ЧК (Кубчерчека)...

Спустя пять лет, 8 апреля 1925 года, Кубанский окружной исполком издал постановление № 58, касающиеся порядка передвижения транспорта на улицах Краснодара. В нем, в частности, отмечалось, что движение автомобилей по улицам города разрешается «только по правую сторону в направлении движения». При этом водители автомобилей обязывались «немедленно, по первому звонку, пропускать нагоняющий их вагон трамвая». Во время следования пожарной команды на тушение пожара, автомобилистам предписывалось «очищать путь к свободному и беспрепятственному движению пожарной команды». Езда авто по городу со скоростью свыше 15 верст в час запрещалась, при этом «на перекрестках быстрота движения должна уменьшаться наполовину; при поворотах не срезать углов». С наступлением темноты автомобили могли передвигаться исключительно с «зажженными фонарями». Езда по Красной улице на грузовых автомобилях и тракторах категорически воспрещалась. Регулирование уличного движения и наблюдение за правильным выполнением правил дорожного движения возлагалось на Краснодарскую милицию.

В это время в городе зарождается общественный автомобильный транспорт. В августе 1925 года отвечавший за эту отрасль Автопромторг Кубани имел в

наличии в Краснодаре пять грузовиков, один легкой автомобиль и четыре автобуса. Цены («ставки») за проезд пассажиров составляли 9 копеек за «пассажира-версту» на автобусе, 50 копеек за «машино-версту» на легковом автомобиле и 1 копейку за «пудро-версту» при перевозке грузов на грузовиках. Предполагалось, что «с расширением грузооборота и бесперебойности работ, ставки будут идти в сторону снижения».

С 12 ноября того же года Автопромторг открыл первое в городе регулярное автобусное сообщение на Дубинку по маршруту: «Городской сад — Исполнительный дом» (бывшая Екатеринодарская тюрьма). На маршруте находилось три автобуса, вместимостью по десять человек, но в ближайшее время предполагалось выпустить на маршрут автобусы «крупного типа», на 24 пассажира. Полагаем, эту дату можно считать днем рождения городского общественного автотранспорта в Краснодаре.

Между прочим, дабы проехать от Городского сада на Дубинку, необходимо было преодолеть проезд под железнодорожным виадуком в начале улицы Ставропольской. Это место в народе получило название «Чертов мост» и для автомобилистов (и не только!) являлось сущим адом. Как отмечала советская пресса, «близ Горсада есть железнодорожный виадук — единственный проездной путь на Дубинку со стороны города. У самого виадука лежит дряхлый деревянный мост через Карасунский канал (мостом ведает местный железнодорожный участок) и по этому мосту, особенно в дождливое время года, пешеходам приходится переплывать, лошадям ломать ноги, а автомобилистам смотреть в оба. Недавно там перевернулся грузовой автомобиль, груженный кирпичом. Железной дороге следует позаботиться о благополучии своего «Чертова моста». Полагаем, острые на язык краснодарцы не зря сравнивали форсирование этой местной жуткой достопримечательности с подвигом чудо-богатырей прославленного русского полководца Суворова, преодолевшими когда-то давно в Альпах подобный архитектурный объект.

В день открытия автобусного маршрута местная газета опубликовала заметку: «12 ноября уста-

новлено регулярное движение по маршруту Горсад — Исправдом через Красную Дубинку. Автобусы ходят аккуратно, но не заметно, чтобы им пользовались рабочие. Этот транспорт им не по карману: плата 25 копеек за конец, безусловно, для рабочего непосильна». Помимо стоимости билета и проезда через «Чертов мост», пассажиров подстерегала и другая экзотическая опасность — радушная встреча тамошних аборигенов. Спустя месяц газетный репортер отмечал: «Пассажирам новооткрытой линии автобуса Горсад — Исправдом приходится проезжать через знаменитую "Индию". И вот что бывает». Далее публиковалось пришедшее в редакцию газеты письмо жителя Краснодара, недавно переехавшего в город на постоянное место жительства. Приведем его без купюр: «20 декабря я проезжал в автобусе Автопромторга через "Индию". Индейцы провожали автобус криками "ура!" и матом, а затем индейская молодежь, парни лет 18-20, принялись бомбардировать автобус камнями, грязью, палками и конским пометом. Сосед спокойно сказал: Это Индия шалит». Вероятно, речь шла об одном из не совсем благополучных районов Дубинки с его живописными обитателями — «индейцами» из «Индии»!

А потом город стал наполняться автотранспортом. Так, в июле 1928 года в Краснодаре случилось довольно знаменательное событие: он получил два легковых автомобиля-такси «Рено» для обслуживания госучреждений по вызовам — до этого «таксовики» только частники.

Сегодня, без малого век спустя, в Краснодаре автомобили «буквально все заплотонили», как свидетельствует некогда популярный шлягер. И канула в историю, став ее достоянием, та «Индия» со своими «индейцами»... ■

СОБЫТИЕ

*Селезнёвская конференция
на факультете журналистики
КудТУ*

ВАЛЕРИЯ БЕЛЬТЮКОВА

Родилась в 2001 году в городе Новокубанске. Студентка 4-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в газетах «Завтра», «День литературы», журналах «МОЛОКО», «Родная Кубань», «Наш современник», «Сибирь». Живёт в Краснодаре.

Инициаторами научного форума выступили декан факультета журналистики, доктор исторических и социологических наук Валерий Касьянов, главный редактор журнала «Родная Кубань», заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства Юрий Павлов.

В этом году приглашёнными гостями стали: известный историк, публицист А.И. Фурсов; писатель, главный редактор журнала «Роман-газета» Ю.В. Козлов; писатель, главный редактор интернет-журнала «МОЛОКО» Л.А. Сычёва; критик, заместитель главного редактора журнала «Наш современник» С.Ст. Кунаев; критик, главный редактор журнала «Парус» И.В. Калус; директор Института русской и иностранной филологии АГПУ Д.А. Ковальчук; профессор Пятигорского государственного университета В.И. Шульженко; писатель, публицист, профессор кафедры публицистики и журналистского мастерства КубГУ В.Н. Бараков и другие.

Пожалуй, самым дорогим и желанным гостем конференций на журфаке всегда был классик русской литературы Виктор Иванович Лихоносов. Но в августе на 86-м году писатель ушёл из жизни.

СЕЛЕЗНЁВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ КУБГУ

Первого октября на факультете журналистики КубГУ традиционно прошла ежегодная VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Наследие Ю.И. Селезнёва и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории».

В своём приветственном слове декан факультета журналистики Валерий Васильевич Касьянов сказал об этой утрате: «Давайте, дорогие друзья, вспомним великого человека, недавно ушедшего из жизни. Я хочу, чтобы мы все встали и помянули Виктора Ивановича Лихоносова». Все гости, преподаватели и студенты поднялись, чтобы почтить память классика. Наверняка, в эту минуту участники прошлых конференций вспомнили, как Виктор Иванович своим певучим голосом читал щемлящие строки о детстве, матери, с какой любовью и трепетом он обращался к студентам.

Он часто говорил, что люди читают писателя, если видят в нём родного русского человека. Нет никаких сомнений, что Виктор Иванович сам стал для многих родным русским человеком и получил народное признание ещё при жизни. И его уход стал большой потерей не только для Кубани, но и для всей России.

И такая утрата достойна внимания СМИ, всенародной скорби. Однако большинство изданий откликнулись на смерть Виктора Ивановича сухо, без должного почтения. Более подробно об этом рассказала студентка 4-го курса Софья Гинева, которая выступила с

докладом «СМИ о смерти В.И. Лихоносова»: «Не берусь утверждать, что авторам некоторых из перечисленных мною текстов и правда было не важно, что они пишут о, без преувеличения скажу, гении русской словесности, но впечатление остаётся такое: либо короткая отписка, либо ещё один случай коронавируса в копилку нашей статистики. И лишь немногие издания действительно выразили свою скорбь от потери».

знаком качества любой конференции является присутствие на ней видных научных деятелей, таких как А.И. Фурсов. Историк выступил с докладом о проблемах современной капиталистической системы «Мир, в который мы вступаем. По ком звонят колокола истории». А.И. Фурсов объяснил, что крах капитализма начался с распада СССР. И окончательный развал этой системы закончится установлением нового мирового порядка. Ученый рассказал о планах глобалистской элиты на ближайшее будущее: «Антропологический переход — это формирование общества, в котором верхи и низы отличаются друг от друга как два биологических вида». Этот сценарий был озвучен в 2018 году на конференции в Институте сложности в Санта-Фе. Зачастую, такие теории называют конспи-

рологией и не воспринимают всерьёз. Однако было бы абсурдом обвинить в этом А.И. Фурсова, каждый довод которого подкреплён фактами. Он не просто рассказал о современных проблемах, но и дал ответ на вопрос, как противостоять натиску глобалистов: «Что может делать простой человек в этой ситуации? У меня есть ответ. Во-первых, нужно получить хорошее образование, потому что мир нынешний устроен так, что для того, чтобы знать, что делать в своей жизни, нужно знать, что в мире вообще происходит. Идёт жуткая пропагандистская обработка. Второй момент, помимо образования, — это формирование традиционного мировоззрения. В-третьих, физическое здоровье. В-четвёртых, семья и дети. Одна из задач ультраглобалистов — сокращение населения. Последнее — это социальная взаимопомощь, взаимосвязи. И ни в коем случае нельзя терять оптимизм перед лицом революционной психической атаки на человечество».

Это напутствие было обращено прежде всего к самым главным слушателям — студентам. Их присутствие на конференции — доказательство того, что они уже встали на путь противостояния глобальной повестке с её курсом на разрушение образования, культуры, литературы, традиций.

Тему будущего продолжила Л.А. Сычёва с докладом о современной фантастике. Писатель заметила, что человек будущего в изображении зарубежных фантастов безнравственен, он потерял человеческий облик: «В мире будущего самый большой дефицит — человек любящий и любимый. Уже сегодня развить эти качества в ребёнке весьма сложно. Достаточно вспомнить расстрелы в школах и вузах. Хладнокровные убийцы психически здоровы, но, увы, они потеряли образ человеческий. Поэтому ненавидят людей, считая себя и окружающих биологическим мусором».

Нравственность — основа любого общества. И когда эта основа начинает рушиться, в обществе происходит хаос, оно начинает уничтожать само себя. Именно поэтому так важно воспитывать в молодом поколении добрые чувства.

Конференции на факультете журналистики выполняют эту задачу. Селезнёвские чтения — это больше чем наука. Красной линией всех выступлений были темы духовности, нравственности воспитания, которые отразились и в творчестве Ю.И. Селезнёва — одного из лучших исследователей творчества Ф.М. Достоевского. 11 ноября этого года мы отмечаем 200 лет со дня рождения великого русского писателя. Не могли обойти стороной эту дату и участники конференций.

Один из самых популярных современных исследователей Достоевского — Людмила Сараскина. Ю.М. Павлов выступил с докладом о её книге и о том, какое в ней место отведено анализу вершины творчества писателя — «Пушкинской речи». Профессор показал аудитории большую книгу Сараскиной и сказал о том, что лишь 9 страниц из этой книги посвящены «Пушкинской речи». И даже в этом небольшом куске отсутствует личная оценка исследователя. Такое упущение является свидетельством невысокого профессионального уровня Сараскиной. По мнению Ю.М. Павлова, «Пушкинская речь» «наглядно показала масштаб личности писателя, мыслительное, духовное превосходство над всеми «говорящими головами» — участниками событий, в первую очередь, — над И.С. Тургеневым».

Ю.В. Козлов выступил с докладом: «Русская идея в понимании Юрия Селезнёва»: «"Русская идея" и Юрий Селезнёв — это очень интересная тема. В её поиске он продвинулся гораздо дальше многих исследователей, потому что опирался на труды двух самых гениальных пророков в нашей литературе — Достоевского и Лермонтова. Достоевский в «Бесах», в диалоге Иисуса Христа и Великого инквизитора, как будто заглянул в наше время

и объяснил, через какие стадии разрушения пройдёт человеческое сознание, как и кем оно будет регулироваться и управляться».

Проблеме единства мира и взаимодействия культур в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» посвятила доклад И.В. Калус. По мнению критика, ещё до появления романа, всю жизнь сознание писателя было занято «всецельностью и духовной нераздельностью», тем, что «народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии». В этом желании Достоевского кроется стремление жить в мире, построенном на православии, где все люди — братья. И в заключении выступления И.В. Калус призвала гостей и участников конференции: «Давайте читать друг друга, и мы будем добрее».

Д.А. Ковальчук рассказал о влиянии последней жены Достоевского Анны Григорьевны на его творчество. Преподаватель КубГУ А.В. Петрова выступила с докладом о серии книг ЖЗЛ, которую некогда возглавлял и Ю.И. Селезнёв.

Студенческие выступления на одной площадке с мэтрами журналистики, критики, литературы — главная особенность конференций на факультете журналистики. Так, студентка 4-го курса Дарья Редькина выступила с докладом «И.В. Киреевский и Ю.И. Селезнёв об

истоках русской и европейской культур». «Вопреки трудностям, которые замедлили процесс становления русской литературы, она приходит к новому типу сознания - народности, сменившей собой гуманизм, который был также характерен для европейской культуры, остается таковым и сегодня». И.В. Калус высоко оценила работу студентки. Дарья Редькина выступает на Селезнёвской конференции не первый раз, и с каждым разом уровень её докладов растёт.

Однако среди докладчиков были и студенты, для которых конференция стала первой серьёзной пробой пера. И среди них — первокурсник Андрей Нейжмак, выступивший с докладом о системности и причинах школьных терактов. По мнению студента, убийства в образовательных учреждениях не прекратятся до тех пор, «пока наша власть не предпримет достойных шагов к возвращению во всех сферах к традиционным ценностям народного самосознания и народного созидания».

Студентка 3-го курса Алина Таран рассказала о трансформации мира Ф.М. Достоевского на сцене МХТ им. Чехова, о том, как в прямом смысле слова издеваются над творчеством гения русской литературы на сцене московского театра: «Складывается ощущение, что режиссёр не ставил Достоевского, а просто хотел устроить ви-

негрет из грязных выходов и нелепых режиссерских приемов, заправив все это советскими хитами». Действительно, постановки Богомолова не имеют ничего общего с творчеством Достоевского. Этот писатель не нуждается в осовременивании, поскольку итак является на данный момент самым современным мыслителем.

Такую точку зрения высказал и С.Ст. Куняев в своём выступлении о малоизвестном тексте Ю.И. Селезнёва о романе Ф.М. Достоевского «Подросток». Критик упомянул фразу Ю.И. Селезнёва, сказанную на знаменитой дискуссии «Классика и мы»: «Достоевский сейчас — самый современный писатель». «Последующие десятилетия служили только

подтверждением этого тезиса, потому что Достоевский становился всё современнее и современнее», — заключил С.Ст. Куняев.

На конференции также выступили другие гости, преподаватели, студенты и магистранты. В конце чтений была проведена свободная дискуссия, где мог высказаться каждый желающий.

Человек жив, пока о нём помнят. Каждая конференция на факультете журналистики показывает, что правое дело Юрия Ивановича Селезнёва не забыто и будет продолжено. ■

**Фото: Дарья Ильченко
и Валерия Гончаренко**

В МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1951

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1951

Ф. М. Достоевский с портрета В. Г. Перова (1872 г.)
Гретьковская галерея

Ф. М.
ДОСТОЕВСКИЙ
**ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И
НАКАЗАНИЕ**

РОМАН В 6 ЧАСТЯХ С ЭПИЛОГОМ

РЕДАКЦИЯ
Л. П. ГРОССМАНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1935

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И

ЯНА МИШУРОВА

Родилась в Анапе. Студентка 1-го курса магистратуры факультета журналистики Кубанского государственного университета. Публиковалась в журналах «МОЛОКО», «Родная Кубань». Живет в Краснодаре.

МОЛОДЁЖНЫЙ ВОПРОС В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Свое большое повествование о Фёдоре Михайловиче Юрий Селезнёв завершает траурной церемонией прощания, отмечая, что она стала почти всенародным шествием. Особое значение достоевсковед придает тому, что на прощание с писателем пришло много молодежи. Показателен эпизод со старушкой, поинтересовавшейся, кого хоронят, тогда ей ответили, что хоронят писателя, учителя: «То-то, я вижу, столько молодежи-то. Значит, большой и хороший был учитель. Царство ему небесное» [8, с. 538].

Критик неслучайно акцентирует внимание читателя именно на этом моменте. Почти в каждом своем тексте, литературном, публицистическом, Ф.М. Достоевский не только обращается к духовно-нравственным проблемам общества, он напрямую говорит с молодежью как с будущим нации. Одна часть молодежи его принимала, и об этом свидетельствовали письма, которые получал писатель, на это указывало, например, и то, что Общество вспомоществования студентам уговаривало Фёдора Достоевского в 1879 году прочитать «Легенду о великом инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы». Другая часть — отвергала писателя, относилась к нему скорее отрицательно, чем положительно. Юрий Селезнёв приводит воспоминания студента революционера-народовольца Ивана Ивановича Попова: «Причины такого отношения заключались в его романе «Бесы», который мы считали карикату-

рой на революционных деятелей» [8, с. 512].

Так или иначе, основные представители молодежи Достоевского читали, признавали его талант и гениальность. Юрий Селезнёв в своем фундаментальном труде, посвященном Ф.М. Достоевскому, неоднократно рассуждает о пророчестве писателя: «...быть русским писателем и не пророчествовать?» [8, с. 434]. Критик задается вопросом, существует ли пророческая способность в человеке как таковая. Для него представляет интерес и то, что современная наука, так много изучающая человека, никогда не исследовала способность пророчествовать. Очевидно, что с течением времени в том, что высказывание Ф.М. Достоевского были пророческими, убедиться проще. Но ведь еще современники писателя почувствовали его пророческую способность. С.А. Венгеров, присутствовавший на одном из вечеров в 1879 году, вспоминал, какое впечатление производил «чтец» Достоевский: «...в полном смысле слова именно пророчествовал... И никогда еще с тех пор не наблюдал я такой мертвой тишины в зале, такого полного поглощения душевной жизни тысячной толпы настроениями одного человека» [8, с. 505].

Эта неразрывная связь писателя с читающей молодежью была колоссальной. Людмила Сараскина цитирует митрополита Исидора, в его воспоминаниях сохранилось свидетельство о студентах, непрерывно читавших псалмы у гроба

писателя в церкви Святого Духа: «Они молились, стоя на коленях, с плачем и рыданиями. <...> Какой же магической силой обладал Достоевский, чтобы так вновь обратиться к Богу» [7, с. 775]. Тогда митрополит Исидор сделал вывод: умер не просто писатель.

В 1839 году Ф.М. Достоевский писал брату Михаилу: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [5]. Автору этих строк восемнадцать лет, но уже тогда он ставит перед собой недостижимую, высокую цель — изучить тайну человека. Он не сможет вывести четкую математическую формулу, но весь свой литературный и публицистический труд направит на попытку приблизиться к разгадке этой тайны.

Важнейшим писательским кредо, как это определил Юрий Селезнёв, для Ф.М. Достоевского было присутствие страсти, идеи и «непременно указующего перста» [8, с. 502]. Образ «указующего перста» вполне закономерен. Для писателя, ориентированного на народ, его будущее и будущее России, первостепенной задачей становится попытка выяснить, кто готов и кто должен повести за собой будущие поколения.

Интересен случай, произошедший на одном из обедов петербургских профессоров, на котором чувствовали приехавшего из Европы И.С. Тургенева. Иван Сергеевич, как подмечает Юрий Селезнёв, «имел слабость почитать себя духовным учителем общества» [8, с. 500] и был достаточно востребован среди молодежи, с которой «явно заигрывал либеральными речами» [8, с. 500]. Фёдор Достоевский, не выдержавший столь восторженной реакции публики, задал Ивану Тургеневу вопрос: «Скажите прямо, каков ваш идеал?» [8, с. 501], на что последний лишь отмахнулся.

Этот вопрос писатель задал выступавшему

неслучайно. Достоевский, прошедший «школу революционеров», как никто иной понимал, насколько заразной может быть идея. Как признавался публицист, еще в 1846 году он был посвящен «во всю правду грядущего обновленного мира» [8, с. 88]. Посвятил его тогда в это учение В.Г. Белинский. С первых дней знакомства он поражал сознание Достоевского, впечатлял молодую душу писателя. Споры между ними начинались именно тогда, когда молодой Достоевский отстаивал учение Христово, названное Белинским «ложным и невежественным». Юрий Селезнёв отмечает, что под влиянием «новых учителей» ученики обретали «новые идеалы». По мнению критика, Белинский веру не искоренил в Достоевском, но заронил «семена сомнения»: «Никогда больше не сможет он вернуться к простодушной религиозности детства и отрочества» [8, с. 106].

В апреле 1878 года Достоевский написал письмо студентам Московского университета, в котором рассуждал о положении молодежи и ее взаимоотношениях с русским народом. Формально в этом письме он впервые выступил наставником русской молодежи, хотя брать на себя роль учителя и проповедника, как он сам признавался, не желал. Писатель видел в молодежи «великую надежду России»: «никогда молодежь наша не была искреннее и честнее (что не малый факт, а удивительный, великий, исторический). Но в том беда, что молодежь несет на себе ложь всех двух веков нашей истории» [6]. Фёдор Михайлович определил два пути молодежи. Первый — атеизм: «...наш студент уходит не к народу, а куда-то за границу, в "европеизм", в отвлеченное царство небывалого никогда общечеловека, и таким образом разрывает и с народом, презирая его и не узнавая его» [6]. Второй — путь в народ, который сложен для современного поколения, поскольку, необходимо и «разучиться презирать» народ, и «уверовать в Бога».

Следовательно, вполне логичен образ Алеши Карамазова, окруженного детьми. Он готовит «будущее молодое поколение, нынешних детей, которые уже и сейчас обожают его, как ученики учителя своего» [8, с. 527]. Юрий Селезнёв также дает следующую точную характеристику этому образу: «...много будет зависеть в судьбе ее (России) от того, за кем они (дети) пойдут, в кого поверят — в великого ли инквизитора или в противостоящий ему трудный духовный подвиг Алеши?» [8, с. 511].

Если литературное творчество стало для Фёдора Михайловича ареной для выражения идей, то публицистическое — непаханным полем для их исследования и формирования. Так, одни из первых статей «Дневника писателя» публицист посвятил будущему страны — детям и молодежи. С одной стороны — развязная «обжорливая младость», с другой — выходцы «с ручкой» из бедных семей. Если первые толкаются, не извиняясь и проходя с полным правом, «может быть, их так тому и учат для развития в них развязности» [1, с. 14], то вторые — существуют как дикие существа, не понимающие ничего: «...ни где живут, ни какой нации, есть ли Бог, есть ли государь» [1, с. 20].

Писатель остро ощущал отличия нового поколения молодежи. Она стала более решительной и гораздо меньше времени отводила на размышления и сомнения. Показательна статья «Анекдот из детской жизни». В данном тексте Фёдор Михайлович рассуждает, что могло повлиять на разум юной девочки, решившейся сбежать из дома, и не желавшей учиться, или на желание гимназистов отправиться в Америку в поисках свободы. Потерянность поколения, его оторванность от действительности Достоевский связывал с отсутствием «чувства долга, ощущения обязанности, — к отцам, к матерям, к известным верованиям и принципам» [2].

Этот надлом в сознании не был представлен лишь несколькими исключительными случаями. Молодое поколение начинало массово мыслить

иначе. Потеря веры в бессмертие души, обесценивание жизни и попытка испытать судьбу стремительно привлекали интерес. Это стало важнейшей причиной увеличения количества самоубийств среди молодежи и детей: «Мы действительно видим очень много (а обилие — это опять-таки своего рода загадка) самоубийств, странных и загадочных, сделанных вовсе не по нужде, не по обиде, без всяких видимых к тому причин» [3].

Фёдор Михайлович в «Дневнике писателя» в нескольких материалах ставил перед собой задачу — исследовать причины таинственных самоубийств. Одно из них: самоубийство молодой девушки, дочери известного русского эмигранта, написавшей предсмертную записку о том, что она собирается предпринять длинное путешествие. Публицист, анализируя возможные причины такого финала, приходил к выводу, что дело не в материальных причинах, а лишь в поисках чего-то более сложного, чем «прямолинейность жизни».

Иное самоубийство молодой бедной швеи Достоевский называл «каким-то кротким, смиренным», поскольку умирала она, держа в руках образ. Показательное отрицание и непонимание, как отмечал писатель, входили в моду: «...фраза "Я не понимаю этого" выговаривается почти с гордостью» [1, с. 226]. Рассуждения самоубийцы-материалиста, опубликованные в «Дневнике писателя», отразили грубое отрицание жизни: «...так как природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного» [1, с. 215].

Фёдор Михайлович был, несомненно, убежден, что главнейшей причиной подобных исходов является духовная болезнь — «отсутствие высшей идеи существования в душе». Умерщвление себя или другого часто не имеет под собой фундаментальной материальной причины. Родион Раскольников совершает преступление прежде всего для того, чтобы подтвердить свою

теорию. Для писателя было важно исследовать проблему преступлений гораздо шире, чем примитивный уровень, основанный на материальном положении убийцы.

Так, отчетливо мысль о власти идей над обществом проявляется в «Бесах». В основе романа действительно произошедшая история — убийство студента Иванова. Это кровавое преступление повторяют герои романа Достоевского ради идеи, ради сплочения. Убийство студента, как предполагал писатель, было представлено убийцей как дело политическое и важное для последователей: «Иначе понять нельзя, как несколько юношей (кто бы они ни были) могли согласиться на такое мрачное преступление» [4].

О своей книге Фёдор Михайлович рассуждал в статье «Одна из современных фальшей»: «Я хотел поставить вопрос и сколько возможно яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем обществе возможны не Нечаев, а Нечаевы. <...> Я сам стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных» [4]. Даже несмотря на то, что в рядах петрашевцев преимущественно были люди образованные, Достоевский признавался, что бороться с существовавшими тогда идеями и понятиями мало кто из представителей молодежи мог, все были заражены идеями теоретического социализма. В той же статье он написал: «Нечаевым, вероятно, я бы не смог сделаться никогда, но нечаевцем, не ручаюсь, может, и мог бы...» [4].

Внедрение идей в молодое сознание, особенно разрушительных, происходит молниеносно. Федор Михайлович ощущал стремление молодых людей к правде. Он оценивал готовность пойти на все, на любые жертвы и на самопожертвование как национальную черту поколения. Открытым для писателя оставался лишь один вопрос: что считать за правду.

В статье «Опять о женщинах» Фёдор Досто-

евский приводит пример девушки, поразившей его своей настойчивостью в убеждении о необходимости жертвы. Восемнадцатилетняя девушка, которая, по ее определению, «совсем не так молода», приходит за напутствием к писателю в решительном настроении отправиться в Сербию ухаживать за больными. Автор «Дневника писателя» тогда установил, что это идейное стремление к жертвенности не имело «ни малейшего тщеславия, ни малейшего самомнения и самоупоения собственным подвигом, — что, напротив, очень часто видим в современных молодых людях» [1, с. 148]. Юрий Селезнёв упоминает тот факт, что тысячи юных девушек добровольно уехали на Балканы помогать бойцам за национальное освобождение славянских народов. Для этих девушек «великая, единящая идея» стала причиной подвига милосердия.

В молодом поколении Фёдор Михайлович, как верно заметил Юрий Селезнёв, видел потребность в руководящей идее, порой доводившей до крайностей. И если одна крайность — это готовность самопожертвования во имя народа, то другая — готовность пожертвовать всем ради доказательства своих теорий. Достоевский называл такую фанатическую всеразрушительную идею бесовством. Временной тип, как его называл А.И. Герцен, постепенно переставал быть таковым, распространяясь среди молодого поколения мгновенно, в несколько раз быстрее.

Для Фёдора Михайловича очевидно было, что общество шатается. Отсутствие высшей идеи, идеалов, очевидно, приводило к зыбкой почве неопределенности: высшие идеи каждый начинал вырабатывать для себя самостоятельно или стремился следовать сознательно и бессознательно чужим идеям, не всегда созидательным.

Незадолго до написания романа «Братья Карамазовы» Фёдор Михайлович в статье «Об анонимных ругательных письмах» высказал потребность молодежи в правильном руководителе. По

мнению Достоевского, педагоги слишком заняты педагогией, а родители — «делами» и не делами, поэтому чрезвычайно важный возраст остается без внимания, дети предоставлены сами себе. В статье «Опять о случайном семействе» писатель выделил два типа отцов: отцы ленивые и отцы прилежные. Первые апатичны, безучастны к своим детям. Если отец богат, но ленив, замечает Фёдор Михайлович, то дети вступают в жизнь одни и «сердца их ничем не связаны с прошедшим, с семейством, с детством» [1, с. 342]. Дети же бедных ленивых отцов «в высшей степени оставлены на случайность» [1, с. 342].

Второй тип отцов — прилежные. Этот тип отцов заражен идеями. Публицист акцентирует внимание читателя: их беда в том, что они говорят чужим голосом, примкнули к чужой жизни и идее, потеряв всякую связь с русской жизнью. Они подходят к воспитанию своих детей прогрессивно: один своему ребенку «сам подыскивает уже лю-

бовницу» [1, с. 341], другой — посвящает в переловые идеи (нередко хорошие) юное неокрепшее сознание, в финале эти идеи трансформируются в одну: «если нет ничего святого, то, стало быть, можно делать всякую пакость» [1, с. 341].

Юрий Селезнёв подтверждает мысль Фёдора Михайловича: каждое новое молодое поколение — это результат деятельности его отцов: «современный нигилизм "детей" вырос из непонимания и отрицания чего бы то ни было положительного в России, а главное — из неверия "отцов"» [8, с. 395]. Частой темой для размышлений Достоевского был вопрос: «какие впечатления выносит из своего детства уже теперешняя современная нам молодежь». Ответ на этот вопрос писатель пытался найти с помощью публицистики, где возможен диалог. Именно, будущее нации, пишет Юрий Селезнёв, стало главным предметом разговора писателя с современниками, предметом разговора через его «Дневник». ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. Достоевский. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.
2. Достоевский, Ф.М. Анекдот из детской жизни / Ф.М. Достоевский // Дневник писателя. — URL:<http://dostoevistika.ru/aneddot-iz-detskoj-zhizni/> (дата обращения: 04.11.2021).
3. Достоевский, Ф.М. О самоубийстве и о высокомерии / Ф.М. Достоевский // Дневник писателя. — URL:<http://dostoevistika.ru/o-samoubijstve-i-o-vysokomerii/> (дата обращения: 04.11.2021).
4. Достоевский, Ф.М. Одна из современных фальшей / Ф.М. Достоевский // Дневник писателя. — URL:<http://dostoevistika.ru/odna-iz-sovremennyh-fal-shej/> (дата обращения: 04.11.2021).
5. Достоевский, Ф.М. Письма. 10. М. М. Достоевскому. 16 августа 1839. Петербург // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. СПб. : Наука, 1996. Т. 15.
6. Достоевский, Ф.М. Студентам московского университета, 18 апреля 1878 / Ф. М. Достоевский. // Федор Достоевский : [сайт]. — URL:<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-m-studentam-18-aprelya-1878.htm> (дата обращения: 15.10.2021).
7. Сараскина, Л.И. Достоевский / Л.И. Сараскина. — М. : Молодая гвардия, 2013. — (Жизнь замечательных людей).
8. Селезнёв, Ю.И. Достоевский/Ю.И. Селезнев. — М. : Молодая гвардия, 1990.— (Жизнь замечательных людей).

ИРИНА КАЛУС

Родилась 21 декабря 1974 года в городе Армавире. Доктор филологических наук, профессор. Публиковалась в «Москве», «Нашем современнике», «Молодой гвардии», «Парусе», «Завтра», «Дне литературы», «Родной Кубани» и др. Живёт в городе Ессентуки.

ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Существование культуры — явление парадоксальное, поскольку её творческая природа уходит своими корнями в «органическую» жизнь, которую почитали Ап.А. Григорьев и Ф.М. Достоевский, а крона тянется к бесплотным высям реальности метафизической. Стремясь максимально воплотить образ живого существа, культурный артефакт в то же время является своего рода «уходом от жизни», что подмечали многие художники, работавшие со словом — от М.М. Бахтина, констатировавшего взаимоисключающее присутствие человека либо в жизни, либо в искусстве, до Ю.П. Казакова, в эссе «О мужестве писателя» упоминавшего даже об «ополчении» всего живого мира на автора, берущегося за перо, о тяжести писательской жизни. Похожие ощущения и «симптомы» можно, без сомнений, отыскать у самых разных авторов. Поэтому было бы логично задаться вопросом: где та тонкая грань, за которой неизбежное одиночество, в котором преимущественно создаются шедевры, переходит в диалог с жизнью, с миром, с тем идеальным «другим», который вместил бы всю полноту принятия авторского бытия, запечатлённого в слове?

Ф.М. Достоевский в ракурсе подобных размышлений может быть справедливо назван живописателем спрятанного от поверхностных взглядов «единства мира», «поэтом всеобщего

братства», той самой «всемирности», которая, как незримое покрывало, окутывает всё сущее и, безусловно, всех людей — «чёрненьких» и «беленьких», живущих на единой великой арене и претерпевающих единую великую битву.

Его постоянные раздумья над этим единством сквозят и в детских воспоминаниях о мужике Марее, спасшем его от мифического волка (прочитываем эту историю символически), и в дневниковых записях, и в его художественных произведениях.

Как до появления замысла «Братьев Карамазовых», так и всё последующее время сознание Ф.М. Достоевского было занято «всецельностью и духовной нераздельностью», тем, что «народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии» (1877) [5, с. 22–23], мыслями «иметь право любить человечество и носить в себе всеединящую душу» (1880) [5, с. 420] и «неустанной жаждой в народе русском, всегда в нем присущей, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово» (1881) [5, с. 489], что можем прочесть в «Дневнике писателя» того периода [5].

Показательно, что в «Подростке», предвещающем «Братьев Карамазовых», мысль о единении людей высказывает будущий брат-«карамазов», русский помещик 40-х годов,

«прогрессист», «страстный и благородный мечтатель рядом с самою великорусскою широко-стью жизни на практике», который «без всякой веры» «обожает человечество», «как и положено русскому прогрессивному человеку» [4, с. 111–112]. Череда героев-атеистов в романном мире Ф.М. Достоевского, которая включает и «неистового» Родиона (ведь неслучайно рифмуется!) с бюстиком Наполеона (ещё одна смысловая рифма) на тумбочке, и Ставрогина, показывает, что все они глубоко страдают от «жгущей» их идеи, с ними случаются то «горячка», то раздвоение, то «явление» чёрта, описанное впоследствии М.А. Булгаковым (вспомним, что одним из черновых заглавий «Мастера и Маргариты» было «Он явился»), то «самоубийство» — метафорическое, как у Раскольникова, либо же реальное, как у Свидригайлова («Я, Софья Семеновна, может, в Америку уеду, — сказал Свидригайлов...» [3, с. 473]). Видим, что убийственная «поездка» на тот свет в сознании писателя чётко ассоциировалась со «Светом Новым».

Ф.М. Достоевский искренне пытается понять героев своих произведений и их реальных вдохновителей: В.Г. Белинского, И.М. Сеченова, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и им подобных «персонажей» живой действительности того времени — персонажей «с задумчивой улыбкою», каждый из которых мог бы повторить слова упомянутого помещика-«прогрессиста»: «Я представляю себе, мой милый, — начал он с задумчивою улыбкою, — что <...> люди остались одни, как желали: великая прежняя идея оставила их...<...> И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство.<...> Осиротевшие люди тотчас стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют всё друг для друга. <...> Они стали бы замечать и открыли бы в природе такие явления и тайны (обратим внимание на эти слова, предваряющие, по Ф.М. Достоевскому, открытия И.М. Сеченова. — И. К.), каких и не предполагали прежде, ибо

смотрели бы на природу новыми глазами, взглядом любовника на возлюбленную. <...> О, они торопились бы любить, чтоб затушить великую грусть в своих сердцах...» [4, с. 111–112].

Фактически Ф.М. Достоевский очень точно воспроизвёл «рефлексы головного мозга», как выразился бы его сокурсник по Главному инженерному училищу И.М. Сеченов. И здесь мы прочитываем скрытый диалог с ним (до этого ещё более чётко видимый в «Записках из подполья» (1864)), поскольку все движения души и духа, как считали практически все представители консервативной мысли, учёный свёл к физиологии, к простому реагированию на внешние раздражители, что приводило многих молодых людей к мысли о том, что ни свободы воли, ни Бога не существует, а значит, «всё дозволено». Нелучайно упомянутая статья физиолога была запрещена сразу же после покушения Д.В. Каракозова на государя.

Но не только «прогрессистам», как считал Ф.М. Достоевский, были свойственны подобные «рефлексы». Славянофилы и националисты, которым оппоненты Фёдора Михайловича подчас и вовсе отказывали в разумности, имели для своей веры в единение гораздо более прочные основания (приведённые выше в дневниковых размышлениях писателя о братстве), рядом с которыми «атеистическая вера» выглядела пошлой пародией: «Да, господа, вы думали, что вы только одни "общечеловеки" из всей интеллигенции русской, а остальные только славянофилы да националисты? Так вот нет же: славянофилы-то и националисты верят точь-в-точь тому же самому, как и вы, да еще крепче вашего!» [4, с. 22].

Безусловно, финальным аккордом идеи «всемирности» русского гения, можно считать знаменитую «Речь о Пушкине», которая оспаривается философами, начиная от К.М. Леонтьева до Н.П. Ильина. Однако кто увидел за этой благой и святой идеей «всеединства» её подлинный фундамент? На фундаменте этом держится всё предыдущее творчество Ф.М. Достоевского,

утверждающее, что единение ценой отказа от самой идеи Бога, ценой преступления за черту «всё позволено», ценой допущения «слезинки ребёнка» невозможно. Как точно подмечает исследователь Ю.М. Павлов, «несмотря на то что Достоевский неоднократно говорил о своём желании примирить западников и славянофилов и свою "Пушкинскую речь" воспринимал как шаг в этом направлении, основная идея его выступления другая. "Стать настоящим русским" — "стать братом всех людей" можно только по "Христову евангелиевскому закону", на что делает ударение писатель» [6].

Попытки диалога со стороны Ф.М. Достоевского действительно предпринимались неоднократно. На таком стремлении «понять другую сторону» строится вся его романная полифония, в которой собеседниками являются не просто мнения или «правды», а целые вселенные, существующие и развивающиеся по своим законам. Какие-то из них давно канули в вечность, какие-то продолжают жить и среди нас. И каждую писатель тестировал на жизнеспособность, логически продолжая ход развития «мира».

Так, «уезжает в Америку» Свидригайлов, и Ф.М. Достоевский закладывает в его слова последнюю горькую иронию человека, зашедшего в жизненный тупик и предоставляющего право жизни другой «вселенной»: «В Америку собираться да дождя бояться, хе-хе! Прощайте, голубчик, Софья Семеновна! Живите и много живите, вы другим пригодитесь» [1, с. 474].

Одной из наиболее выразительных попыток постижения «другого мира» уже в «Братьях Карамазовых» (книга «Мальчики») является «беседа» Коли Красоткина и Алёши Карамазова, за которой читаем ещё один скрытый диалог между В.Г. Белинским и самим автором романа.

Видим, как Ф.М. Достоевский тщательно готовит читателя к той неискренности, неготовности к диалогу «другой стороны», её незрелости, проявляющейся в смеси противоречивых чувств и декларативности: Коля Красоткин «всегда наружно выказывал презри-

тельно равнодушный вид...» [2, с. 24–25]; «...изо всех сил стараясь принять самый независимый вид» [2, с. 25]; «но про себя очень, очень хотел познакомиться...» [2, с. 25]; «Я люблю наблюдать реализм» [2, с. 19]; «Я всегда готов признать ум в народе»; «Я люблю поговорить с народом...»; «Я, знаете, никогда не отвергаю народа», «Я верю в народ и всегда рад отдать ему справедливость...» [2, с. 43]; «Еще скажите, Карамазов: что такое этот отец? (читаем «Отец», поскольку речь идёт о Боге. — И. К.). Я его знаю, но что он такое по вашему определению: шут, паяц?» [2, с. 30]; «Я вам сейчас один фортель покажу, Карамазов, тоже одно театральное представление <...>, я с тем и пришел» [2, с. 31]. В сходном ключе звучат слова Красоткина в главе «У Илюшиной постельки» после эпизода с раздавленным гусем: «Я отвечаю с полным хладнокровием, что я отнюдь не учил, что я только выразил основную мысль и говорил лишь в проекте» [2, с. 44].

Таким образом, снова сталкиваемся с горькой иронией писателя, констатирующего невозможность настоящего взаимопроникновения и взаимообогащения миров в данной ситуации. Диалог превращается в пародийный антидиалог:

«— Я пришел у вас учиться, Карамазов, — проникновенным и экспансивным голосом заключил Коля.

— А я у вас, — улыбнулся Алеша, пожав ему руку» [2, с. 31].

Тезис «учёбы» Коли Красоткина потом находит развитие в словах Алёши, который открыто поясняет, в чём она состоит:

«— Ах, я знаю, где вы это прочли, и вас непременно кто-нибудь научил! — воскликнул Алеша.

— Помилуйте, зачем же непременно прочел? И никто ровно не научил. Я и сам могу... И если хотите, я не против Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи он в наше время, он бы прямо примкнул к революционерам и может быть играл бы видную роль... Это даже непременно.

— Ну, где, ну где вы этого нахватались! С каким это дураком вы связались? — воскликнул Алеша» [2, с. 50–51].

«Я, впрочем, не придаю всем этим бабьим сказкам важности, да и вообще всемирную историю не весьма уважаю» [2, с. 44], — заявляет Коля, а мы в этих словах снова узнаём одного булгаковского персонажа — Ивана Бездомного — в начале романа также не знающего и не уважающего ни истории, ни «бабьих сказок» (понимаем, что речь идёт о традиционной народной культуре — как фольклорной, «сказочной», так и духовной, религиозной), а в финале «Мастера и Маргариты» предстоящего уже «вылеченным» профессором истории.

Не менее пародийно и «братское» примирение в финале десятой главы романа, где после смерти Илюши снова воспроизводится библейская легенда, которая выглядит иллюзорным воссоединением человечества после жертвы Христа:

«— Ну, а кто нас соединил в этом добром хо-рошем чувстве, об котором мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будем и вспоминать намерены, кто, как не Илюшечка, добрый мальчик <...> на веки веков! <...> ...Вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и во веки веков!

— Так, так, вечная, вечная, — прокричали все мальчики своими звонкими голосами, с умиленными лицами.

— Будем помнить и лицо его (прочитываем «лик». — *И. К.*), и платье его (прочитываем «плащаницу». — *И. К.*), и бедненькие сапожки его, и гробик его (прочитываем «гроб Господень». — *И. К.*), и несчастного грешного отца его (прочитываем «Отца». — *И. К.*), и о том, как он смело один восстал на весь класс за него! (прочитываем описание подвига Христова. — *И. К.*).

— Будем, будем помнить! — прокричали опять мальчики, — он был храбрый, он был добрый!

— Ах, как я любил его! — воскликнул Коля» [2, с. 294].

В дополнение к пародии на воссоединение

во Христе «во веки веков» Ф.М. Достоевский пишет об ослаблении веры, фальшивой любви и фальшивой доброте. Тезис о том, что «все люди добрые», мы опять найдём у М.А. Булгакова, отсылающего нас к Л.Н. Толстому — «религиозному мыслителю». Вот как крепко (по-настоящему «по-братски») всё срастается в нашей отечественной литературе.

И, наконец, именно в уста Коли Красотки-на автор романа «Братья Карамазовы» красноречиво вкладывает слова, отчётливо вторящие высказыванию помещика-«прогрессиста» из «Подростка»: «...Можно ведь и не веруя в бога любить человечество, как вы думаете?» [2, с. 44].

Здесь нашу беседу мог бы направить глубокий знаток творчества Ф.М. Достоевского Ю.И. Селезнёв, который в 1981 г., разгадывая тайну любимого писателя, задался вопросом о Ф.М. Достоевском, похожим на тот, который ставили мы в начале нашей статьи: «А не сам ли он о всеобщем примирении мечтает? Где, когда, на какой точке найти примирение с ними? И что это за примирение? Кобыла вот тоже, рассказывают, с волком мирилась, да только домой не возвратилась...» [7].

Провозглашая свою сокровенную идею братства, Ф.М. Достоевский и на закате своей жизни, оставаясь глубоко укоренённым в национальной культуре, всегда стремился идти навстречу диалогу — глубинному, подлинному единению, невзирая на разность происхождения, взглядов и воспитания — такую ситуацию рисует он в «Братьях Карамазовых» в пределах семьи и за её рамками. Однако художественная правда романной действительности такова, что диалог этот не всегда удаётся, но не по вине писателя, а будучи не поддержанным, а то и попросту намеренно проваленным «другой стороной».

Спустя чуть менее 50 лет после написания «Братьев Карамазовых», в 1927 г., с открытой ненавистью без всяких помыслов о братстве и диалогах в своих «Злых заметках» Н.И. Бухарин неистовствовал в адрес С.А. Есенина и «есенин-

щины», дескать, «...у нас расплодилось по всей литературе, включая и пролетарскую, жирное пятно от этих самых "истинно русских" блинов». Тогда же и по тем же самым причинам не была в чести и «достоевщина» [1]. Но злобствования оказались бессильны.

На сегодняшний день, когда прошло более 140 лет со времени выхода «Братьев Карамазовых», для нас остаётся самым дорогим именно этот чудесный, жизнеутверждающий и жизне-способный «русский дух», завещанный далёкими предками, а ещё — А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, славянофилами, Ф.М. Достоевским, С.А. Есениным и далее — каждым, кто, преодолевая замкнутость индивидуальной «вселенной» и сопротивление мира, продолжал «печь русские

блины» в разных временах и пространствах и щедро, в диалогической широте, делился ими со всеми братьями.

Это же засвидетельствовал один из лучших знатоков Ф.М. Достоевского Ю.И. Селезнёв, сказавший о писателе и его «Братьях...» через сто лет после выхода романа (тогда, когда этого ещё нельзя было делать открыто) следующие проникновенные и пронизательные слова: «Таков уж этот человек — даже в блинах, на которые приглашает детей Алеша Карамазов, нашел он нечто "старинное, вечное", то, что говорит душе о связи поколений от древних предков до неведомых потомков, нечто связующее людей, напоминающее им, что нужно идти по жизни "рука в руку". Блинами и закончил роман...» [7]. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Бухарин, Н.И. Злые заметки / Н.И. Бухарин // Октябрь. — 2004. — № 5. — URL: <https://magazines.gorky.media/october/2004/5/zlye-zametki.html> (дата обращения: 15.10.2021).
2. Достоевский, Ф.М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 10. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. Л., 1991.
3. Достоевский, Ф.М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 5. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. Л., 1989.
4. Достоевский, Ф.М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 13. Дневник писателя. 1876. Март / Ф.М. Достоевский. СПб., 1994.
5. Достоевский, Ф.М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 14. Дневник писателя. 1877, 1880, август 1881 / Ф.М. Достоевский. СПб., 1995.
6. Павлов, Ю.М. «Пушкинская речь» Достоевского в интерпретации Людмилы Сараскиной / Ю.М. Павлов // Родная Кубань. — 14.10.2021. — URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_13629.html (дата обращения: 15.10.2021).
7. Селезнёв, Ю.И. Достоевский / Ю.И. Селезнёв. М., 1981. — (ЖЗЛ). — URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0560.shtml (дата обращения: 15.10.2021).

ВИКТОР БАРАКОВ

Родился в 1961 году в Великом Устюге. Литературовед, писатель, публицист, литературный критик, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» им. Николая Рубцова и Всероссийской православной литературной премии им. Святого благоверного князя Александра Невского. Живёт в Краснодаре.

ДВА ИДЕАЛА

Библейские сюжеты в произведениях Ф.М. Достоевского

Федор Достоевский родился в семье врача, в верующей семье, в которой родители читали детям Евангелие и даже учили по нему чтению! Библейские притчи с детства вошли в его сознание, точнее, стали знанием, но еще не были укоренены в духовном опыте.

Думается, первое духовное, а значит, и самое сильное впечатление Достоевский испытал, будучи подростком. В больничном парке любила играть девочка лет десяти, ангельского вида (внешность здесь не главное, главное, что у детей — ангельская душа). Может быть, Достоевский-подросток был даже влюблен в нее, влюблен романтически, платонически, как и полагается в этом возрасте: «...я играл с девочкой (дочкой кучера или повара) <...> Какой-то мерзавец, в пьяном виде, изнасиловал эту девочку, и она умерла, истекая кровью <...> меня послали за отцом, но было уже поздно...» [1].

Федю Достоевского эта история [2] потрясла до глубины души, здесь определяющее слово именно это: глубина. Он не мог смириться, во-первых, со злом в его самом крайнем выражении (писатель и в конце жизни считал, что страшнее этого преступления нет ничего), а во-вторых, с несправедливостью мира, в котором это зло возможно.

Вся дальнейшая его жизнь была наполнена борьбой со злом и несправедливостью.

Достоевский рано осознал, что зло таится в глубине, поэтому он уже в 18-летнем возрасте в письме к брату признался, что главная его цель — разгадать душу человеческую. К слову, в будущем великий писатель приблизится к разгадке как никто другой, но его юношеский максимализм (и нигилизм, свойственный тогдашней молодежи) требовал возможности облагодетельствовать не только душу живу, но и все человечество — ни больше, ни меньше!

Только что получивший признание как писатель (после «Бедных людей»), Достоевский ринется спасти человечество, мечтая о социальном переустройстве без Бога. Он оказывается в кружке М. Петрашевского, участвует в заговоре против властей — духовном и государственном, — и после того, как заговор был раскрыт, приговаривается вместе с единомышленниками к расстрелу.

Некоторые исследователи считают, что власть поступила с ними слишком жестоко [3]. Как сказать... Формально Достоевский был осужден за чтение запрещенного письма Белинского к Гоголю, в котором критик призывал знаменитого писателя отречься от Бога, но ведь Федор Михайлович, конечно же, знал и о готовящемся бунте (петрашевцы планировали поджечь Петербург с разных сторон и тем вызвать беспорядки). Как бы то ни было, казнь должна была состояться в Петропавловской крепости, и в последние часы и минуты своей жизни Федор Достоевский усиленно молился, и уже в этом действии было не только исповедание греха, но и обещание его исправить, если только Бог его услышит.

В последний момент казнь заменили каторгой, и Достоевский испытал второе сильнейшее впечатление в своей жизни. Оказывается, насилие и смерть (насильственная смерть, а точнее, ожидание ее, — напишет он позднее в «Идиоте», — невыносимы) могут быть искуплены любовью, милосердием Божиим (или царским — не так важно, потому что царь подражал в своей милости Христу).

Последовавшая затем каторга, любимым чтением в которой за долгие четыре года было Евангелие, преобразила Федора Михайловича окончательно (в смирении перед Богом и народом-богоносцем), и, спустя некоторое время, миру был явлен могучий писатель, автор великих романов, главной темой которых стала

схватка Бога и дьявола за душу человеческую.

Библейскими сюжетами наполнено все творчество Достоевского, но обычно вспоминают три романа с библейскими притчами, ставшими ключевыми для их полноценного понимания: «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы».

И во всех трех романах мы сталкиваемся с прямо противоположными идеалами: идеалом Содомским и идеалом Мадонны.

В «Преступлении и наказании» Содомский идеал живет в сердце сладострастника Свидригайлова, покусившегося на целомудренные души своей юной невесты и Дуни Раскольниковой, однако в его видениях появляется мерзкое стремление дойти до самого края — растлить тело, а главное, душу ребенка.

Содомский идеал ныне приобрел всеобъемлющий характер — молодежи навязывают, пусть и во внешне цивилизованной европейской упаковке, путь к торжеству дьявола и, соответственно, к нашей духовной смерти: «безопасный» секс, «пробный» брак, «свободная» любовь, рассуждения о «допустимом» возрасте половой «любви», «суррогатное» материнство (которое, у нас, кстати, официально разрешил «православный» Д. Медведев). Прочие мерзости, которым Европа продала свою душу, даже называть противно [4].

Враг рода человеческого бьет в самое уязвимое наше место — в сильнейший инстинкт продолжения рода. И противостоит всему этому настоящий идеал, идеал Мадонны — любовь. Только любовь, одухотворенная нравственным, заповеданным ее пониманием, способна спасти душу, даже душу убийцы, Родиона Романовича Раскольникова: «Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. <...> Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря».

В «Бесах» появляется еще один сладострастник «высокого» ранга, — Ставрогин. Он развратен как в

своем стремлении общественного насильственного переустройства (переформатирования, как сейчас говорят), так и в желании, которое стало действием: растлении ребенка, доведении его (а потом и себя) до самоубийства.

Одним из эпиграфов к роману Достоевский взял евангельский текст об исцелении бесноватого (Лк. 8, 32—36). В письме к А. Майкову (в октябре 1870 года) писатель развенчивает наш «цивилизованный» либерализм, в основе которого лежит не просто безверие, но одержимость, беснование, отпадение в рабство всем смертным грехам: «...факт показал нам тоже, что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими и проч. дело не кончилось. Но тут произошло то, о чём свидетельствует евангелист Лука: бесы сидели в человеке, и имя им было легион, и просили Его: повели нам войти в свиней, и Он позволил им. Бесы вошли в стадо свиней, и бросилось всё стадо с крутизны в море и всё потонуло. Когда же окрестные жители сбежались смотреть совершившееся, то увидели бывшего бесноватого — уже одетого и смыслящего и сидящего у ног Иисусовых, и видевшие рассказали им, как исцелился бесновавшийся. Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала вон эту пакость, которою ее окормили, и, уж конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. Ну, если хотите знать, — вот эта-то и есть тема моего романа. Он называется "Бесы", и это описание того, как эти бесы вошли в стадо свиней» [5].

В «Братьях Карамазовых» сладострастием заражена уже вся русская «семейка»: и отец-развратник Федор, и сын Дмитрий, рассуждающий о «красоте» со знанием дела: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все

противоречья вместе живут. Я, брат, очень не образован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Его брат Иван пошел еще дальше (бросил вызов Богу и сошел с ума). Даже Алеша не свободен, как и все люди, от первородного греха.

Алеша — целомудренный юноша, послушник, которого все пытаются соблазнить: женщины — телесно, а мужчины — духовно, и битва за его душу становится главной в романе. Героя, опять же, спасает Божье милосердие, любовь, чтение Евангелия (глава «Кана Галилейская»). Он исполняет завет старца Зосимы и идет в мир, принимая будущий свой брак («малую церковь») как подвиг, мученичество — мученические венцы держат над головами венчаемых неслучайно.

Итак, идеалу Содомскому в творчестве Достоевского противостоит идеал Мадонны, но и социальная справедливость в течение всей жизни писателя была еще одной его важнейшей темой — и в художественных произведениях, но особенно в «Дневнике писателя». Федор Михайлович, вопреки распространенным представлениям, никогда не отрекался от нее. Он писал, что приближенная к идеалу справедливость в обществе возможна («Надо только сойтись в одной точке»), и не только на краткий период, но и на долгий срок, если в ее основе будет Закон Божий. ■

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. В трех томах, т. 1. СПб., 1993 — 1995, с. 20.*
2. *Есть и другие точки зрения по этому вопросу. См.: Виталий Свинцов. Достоевский и «отношения между полами» // Новый мир. 1999. № 5. С Виталием Свинцовым полемизирует Татьяна Касаткина: Касаткина Т. Как мы читаем русскую литературу: о сладострастии // Новый мир. 1999. № 7.*
3. *«По деятельности своей петрашевцы были весьма безобидны, репрессии власти предержащей не вполне соответствовали их вине. Оставим в стороне размышления о причинах поведения этой власти, но признаем, что повела она себя недостойно, допустив фарс смертной казни над живыми душами человеческими». (Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература. М., 2003. С. 166.).*
4. *«Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель окончательно убедилась, что не сможет найти общий язык с президентом России Владимиром Путиным, когда он поделился с ней своим мнением о правах ЛГБТ-сообщества. После этого она решила занять более жесткую позицию по отношению к нему, пишет The Times. По данным источников британского издания, во время одного из многочисленных разговоров между лидерами двух стран Путин начал излагать Меркель свои взгляды на моральное разложение Запада и сказал, что ничто так не демонстрирует "упадок ценностей", как права, которыми на Западе наделили гомосексуальных людей. Издание не уточняет, когда именно состоялся подобный разговор между лидерами двух стран. После этого канцлер убедилась, что для российского президента характерно ультраконсервативное мышление, которое разделяет его ближний круг, и которое основано на вере в то, что российская система ценностей превосходит западную и несовместима с ней, сказал The Times источник. По его словам, Меркель поняла, что "с Путиным можно иметь дело только на его собственных условиях, что и неприемлемо, и невозможно". Канцлер теперь стала самым твердым сторонником новой стратегии сдерживания России, пишет издание, и полагает, что Запад "морально готов" к новой эскалации, которая приведет к ужесточению санкций. Поэтому Меркель занята созданием единого европейского фронта против Кремля, отмечает газета» (<http://maxpark.com/community/politic/content/3134573>).*
5. *Цит. по: Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература. М., 2003. С. 188.*
6. *Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 т. СПб., 1988 — 1996. Т. XIV. С. 489.*

АНДРЕЙ БЕЗРУКОВ

Родился в 1957 году. Доктор филологических наук, профессор Армавирского государственного педагогического университета.

Автор монографии «Возвращение к православности и категория страдания в русской классике XIX века» и других работ по истории русского художественного слова XI – XX веков. Живёт в Армавире.

АПОСТОЛ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тысячу лет назад в «Слове о законе и Благодати» митрополит Иларион Киевский органично соединил два начала — всемирное, христианское и национальное, патриотическое, неразрывно связав русский народ с православием: «Вера благодатная распростерлась по всей земле и достигла нашего народа русского. ...евангельский источник... разлился и до пределов наших». Он же дал и универсальную формулу становления личности: «И всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старым, боярам и простым людям, богатым и убогим».

Восемь столетий спустя другой русский гений Федор Михайлович Достоевский скажет уже окончательно и непреложно, что русский не может не быть православным, и воскликнет: «И какое дело тогда Коробочке, *совершенной* (выделено Достоевским. — А.Б.) уже христианке, крепостные или не крепостные её крестьяне? Она им "мать", настоящая уже мать, и "мать" тотчас же упразднила прежнюю "барыню". Это само собою бы случилось. Превняя барыня и прежний раб исчезли бы, как туман от солнца, и явились бы совсем новые люди, совсем в новых между собою отношениях, прежде неслыханных».

Так — через века — вновь отчетливо проявилась неизменная на всем историческом пути духовная основа Руси — России — Русского мира.

Летом 1839 года будущий писатель признается брату Михаилу: «Человек есть тайна. Её надо разгадать. <...> я занимаюсь этой тайной». Летом 1880 года, на исходе творческого пути, продолжая разгадывать эту «великую тайну», Достоевский произнесет знаменитую Пушкинскую речь.

«При полном реализме найти в человеке человека», — так сформулирует он незадолго до смерти в дневниковой записи за январь 1881 года свое творческое кредо.

Какого же человека пытался отыскать Достоевский? Человека в его глубинной — истинно человеческой — христианской сути: в Федьке Каторжном отыскать мужика Марея, в «подпольном человеке» — увидевшего истину «смешного человека», или, говоря словами Гоголя, у «последнего подлюки, каков он ни есть», отыскать «крупницу русского чувства».

Продолжим знакомство с дневниковой записью последних дней жизни писателя: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Почему Достоевский не хотел, чтобы его называли психологом? Потому, что он прекрасно понимал: психологизм ради психологизма, проникновение в глубины человеческого сознания, в подсознание, в раздвоенное сознание сами по себе, без великой цели, ничтожны. Писатель указал на специфику своего реализма в высшем смысле, особо подчеркнув: все, что им написано, — написано на «духе Православия». Для Достоевского психологизм — это инструмент, с помощью которого его художественный гений раскрывает возможности даже самой грязной, казалось бы, самой мерзкой души для духовного воскресения, для движения сердца человеческого ко Христу.

«Мрачный гений», «жестокий талант» — таковы и сегодня, к сожалению, типичные оценки творческого феномена Достоевского. «Живая

жизнь» — так назвал свою книгу о Достоевском и Л. Толстом В. Вересаев, увидевший в наших классиках антагонистов. Поэтому раздел, посвященный Достоевскому, он озаглавил «Человек проклят», а раздел, посвященный Л. Толстому, — «Да здравствует весь мир!». И хотя формула «живая жизнь» принадлежит Достоевскому, В. Вересаев отказывает ему в возможности наполнить ее истинным содержанием. Писатель уверен, что показать силу и красоту «живой жизни» удалось только Л. Толстому, в то время как «малый разум» Достоевского-человека вступил в противоречие с «великим разумом художника». Достоевский утверждает: «Вера в бессмертие души человеческой есть единственный источник живой жизни на земле». Однако, по В. Вересаеву, доказать это художественно Достоевский оказался не в состоянии. Такое неверие в Достоевского его истолкователя объясняется очень просто: христианский и гуманистический взгляды на жизнь и проблему становления человеческой личности несовместимы.

Ни в чем не умаляя художественного гения Л. Толстого, считаю, что лучшие картины живой жизни принадлежат именно Достоевскому! Достаточно вспомнить заключительные строки замечательной, на мой взгляд (и не только на мой), главы бессмертных «Братьев Карамазовых» «Кана Галилейская». Есть такое понятие — «пасхальность», которое определяет особое состояние человеческой души, устремленной к Богу в тот момент, когда, говоря словами Кирилла Туровского, «стала небом земля». Передать это особое состояние художественным словом почти невозможно (ведь говорил же в свое время К. Аксаков, что «христианин в искусстве неуловим»). Однако Достоевскому это удалось! Показательно, что преображение (иного слова я просто не могу подобрать) Алеши Карамазова происходит отнюдь не в весеннюю пасхальную, а в осеннюю ночь. Однако Пасха распространяется на все время православного года. Неслучайно над входом в наши храмы сияют слова «Христос Воскресе!». Давайте предоставим слово самому Достоевско-

му: «Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над нами широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звезд <...> Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... <...> Как будто нити ото всех этих многочисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и вся она трепетала, "соприкасаясь мирам иным". <...> И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. "Кто-то посетил мою душу в тот час", — говорил он потом с твердою верой в слова свои». Воистину жизнь жительствоует!

Итак, по Достоевскому, «живая жизнь» есть жизнь, развивающаяся в направлении поиска, принятия и воплощения «высших идей», синтезированных в «идее Христа».

Поиски героями писателя «идеи Христа», в том числе и теми героями, которых сам Достоевский мог бы назвать «делателями», «положительно прекрасными» людьми, шли параллельно с процессом «живой жизни» их создателя. Ведутся такие поиски и героями его вершинного, итогового романа «Братья Карамазовы», в котором, думается, можно выявить три формулы, четко определяющие, на наш взгляд, этапы сознательного, свободного следования человека (и человечества в целом) за Христом.

Здесь прервёмся и позволим себе небольшое пояснение. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский кратко излагает концепцию личности, нацеленной на достижение, говоря словами самого писателя, «векового от века ...идеала человека во плоти (выделено Достоевским. — А.Б.)», «идеала Христа», которую он настойчиво художественно обосновывал и утверждал, начиная с первых его шагов на поприще служения России и человечеству: «Самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование себя в пользу всех есть ... признак высочайшего развития личности, высочайшего её могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой

живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать только при самом сильном развитии личности».

Обратим внимание: еще А.С. Хомяков, величайший современник Достоевского, центральная фигура русского славянофильства, проводя разделительную линию между католицизмом, протестантизмом и православием, проницательно определял первый как единство без свободы, второй — как свободу без единства, а православие — как свободное любовное единение людей в их устремлённости ко Христу.

Как тесно переплетаются вышеприведенные слова писателя с православным пониманием свободы. По Достоевскому, «самовольное» — значит свободное, «ником не принужденное» — значит свободное, «самообладание» — значит абсолютно свободное обладание самим собой и, наконец, — «высочайшая свобода собственной воли».

Продолжим разговор о формулах смысла жизни в романе «Братья Карамазовы». Первые две прозвучат в рассказе старца Зосимы о своей жизни. Третья же, впервые и в весьма специфической форме произнесенная Дмитрием Карамазовым, набирая силу, фактически станет всеохватной, адекватно отвечая синтетическому духу христианства.

В ночь перед дуэлью молодой офицер, будущий старец Зосима вдруг вспомнит о своём старшем брате Маркеле, о котором он не вспоминал с пятилетнего возраста. Брат его, безрассудный и дерзкий до осознания прихода смертельной болезни, в период ее течения решительно меняется. Он начинает просить прощения у всех, перед кем он согрешил, даже у птичек. Осознание собственной греховности преображает Маркела, желание «виноватым быть» в его устах становится равнозначным желанию любить. В словах Маркела о виноватости и о любви, о человеческом счастье и о человеческом предназначении рождается формула «Всяк за всех виноват».

Уже только одно такое осознание виноватости за всех как ответственности за мир и частности ко всему земному дарит человеку воз-

можность вновь увидеть «Божью славу», красоту жизни. «Разве я теперь не в раю?» — радостно восклицает умирающий Маркел. Этим ощущением радости земной жизни как жизни райской проникнут другой герой Достоевского — Макарыч Долгорукий («Подросток», 1875): «Всклонился я, милый, главой, обвел кругом взор и вздохнул: красота везде неизреченная! Тихо все, воздух легкий; травка растет — расти, травка Божия, птичка поет — пой, птичка Божия, ребеночек у женщины на руках пискнул — Господь с тобой, маленький человечек, расти на счастье, младенец!»

Слова давно умершего брата Маркела о виноватости всех за вся в ночь перед дуэлью вдруг оживут в сердце офицера, будущего старца Зосимы, прозвучат как откровение и резко изменят его судьбу. Уже на исходе жизни, обогащенной «опытом деятельной любви», в беседах с учениками старец растолкует желание брата Маркела «виноватым быть» следующим образом: «...возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской... ..ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что так оно и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват».

То, что так радостно прочувствовал перед смертью брат Маркел, что ожило и дало плоды в сердце будущего старца Зосимы, для большинства людей, вовсе не злых и способных на любовь, непонятно и даже смешно. Один из таких людей обращается к герою, искренне не понимая формулы: «...да разве я могу быть за вас, например, виноват?» Сам Зосима, как и создатель его образа, причину такого искреннего непонимания видит в том, что «весь мир уже на другую дорогу вышел», что «сухую ложь за правду считает». Показательно, что доктор-немец, лечивший Маркела, преображение героя объясняет помутнением его рассудка, тяжелой болезнью.

Итак, первая формула названа. Тем не менее, молодой офицер, отказавшись от дуэли и решившись стать монахом, продолжает оставаться в городе, не может сделать следующий шаг. Разумеется, это не случайно. Осознание своей соб-

ственной вины за все зло, происходящее вокруг и в мире, — это лишь первый этап на пути к «идею Христа».

Будущему старцу Зосиме еще предстоит встреча с таинственным посетителем, «много-страдальным рабом Божиим Михаилом», который когда-то совершил убийство. Муки совести буквально уничтожают его. Однако желания искупить свой грех благотворительностью, а затем и «тайною мукою сердца» явно недостаточно, а признаться прилюдно в совершенном им убийстве он пока не готов (а как же тогда жить невинным его жене и детям?). Измученному герою требуется толчок извне. Таким толчком становится история молодого офицера, отказавшегося стреляться на дуэли. Именно к нему и приходит Михаил. И молодой человек помогает своему вечернему посетителю, подталкивает его к решительному самостоятельному поступку — публичному признанию в убийстве. Посетителю, как воздух, необходима такая деятельная любовь со стороны ближнего. Испытывая муки собственного сердца, будущий старец после двухнедельного ежевечернего общения с гостем, терзаясь вместе с ним, наконец настаивает на необходимости признания.

Не только вечернему гостю необходим был будущий старец Зосима, но и самому молодому офицеру в не меньшей степени необходим был этот таинственный посетитель. В черновых набросках к «Исповеди старца» эта взаимная необходимость друг другу людей, идущих ко Христу, воплотится в формуле «Спасая других, сам спасаешься» (выделено Достоевским. — *А.Б.*).

Таким образом, к первой составляющей достижения «идеала Христа» «Всяк за всех виноват» органично присоединяется «Спасая других, сам спасаешься». Приведем полностью показательную запись из черновых набросков «Исповеди старца»: «За всех и за вся виноват, без этого не можешь спастись. Не можешь спастись, и не можешь и спасти. Спасая других, сам спасаешься».

Эта двуединая формула естественно и ор-

ганично вливается в универсальную формулу христианства — пострадать хочу. У Дмитрия Карамазова она принимает весьма специфическую форму «За "дитё" и пойду»: «Потому что все за всех виноваты. За всех "дитё", потому что есть малые дети и большие дети. Все — "дитё". За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти».

К «пострадать хочу» (во всех оттенках, во всех формах проявления этого горячего человеческого стремления) как к духовному центру, дающему импульс движению «живой жизни», сходятся судьбы многих, зачастую, столь непохожих, даже представляющихся абсолютными антагонистами, героев романа. Смысл стремления пострадать, по Достоевскому, приходит «высшему сердцу» человека как реализация потребности следовать Христу как «идеалу человека во плоти», поскольку сам Христос отдал «неповинную кровь за всех и за все».

Это стремление пострадать проявляется от желания Маркела «перед всеми виноватыми быть» до жажды «горения ко Христу» Дмитрия Карамазова. Везде, где только может находиться человек, победно проявляется желание «пострадать хочу». Даже на каторге, считает Дмитрий Карамазов, в рудниках, под землей, можно «жить, и любить, и страдать!». Даже в аду, считает старец Зосима, возможна эта жажда «жизнь свою ...отдать за других, ..., в жертву любви принести», и, надеется старец, эта жажда послужит «им (грешным душам. — *А.Б.*) наконец к облегчению».

«Мрачный гений» Достоевского, считают отдельные «светлые» носители гуманистического сознания, вызвал бесов в русской жизни (считай, пробудил их к действию). — Нет, считаем мы. Не вызвал, но выявил, высветил, вырвал из тьмы, для того, чтобы разглядеть их, чтобы иметь возможность бороться с ними и одолеть их. Гений Достоевского столь же светлел, как и гений Пушкина. Совершенно справедливо сказал В.Непомнящий: «Достоевский буквально пронизан, пропитан Пушкиным».

Считается, что Достоевский очень сложен.

На мой взгляд, он, пожалуй, как никто из русских классиков (за исключением, разумеется, Пушкина) становится удивительно прост, когда читатель всем сердцем принимает его мысли. Прост даже в формулировке истины, которая открывается нам так же внезапно просто, как открывается она герою замечательного рассказа «Сон смешного человека». Когда-то, рассуждая о «живой жизни», Достоевский подчеркивал, что жизнь должна быть ужасно простой, самой обыкновенной, ежедневной, ежеминутной, до того простой, что даже невозможно поверить в ее простоту. Герою Достоевского удалось удивительно понятно, доступно и просто сказать о главном: «Главное — любить других, как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться».

Литературных гениев традиционно называют пророками. О пророческой сути Достоевского писали Н. Бердяев, о. Василий (Зеньковский), И. Ильин, Ю. Селезнёв, М. Дунаев и др. Действительно, гений Достоевского несет на себе отсветы Апокалипсиса Иоанна Богослова, великого пророка. Пандемия... Сегодня, как никогда, пророчески звучит притча о «моревой язве» из сна Раскольникова как притча о «духовной сути массовых беснований» (В. Катасонов), где «трихины моревой язвы» суть «духи, одаренные умом и волей»: «...весь мир осужден

в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. <...> Все были в тревоге и не понимали друг друга<...> Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром <...>. В городах целый день били в набат <...>. Оставили самые обыкновенные ремёсла...».

Бывают моменты кризисные, переходные, когда мечтаешь об идеале Мадонны, а летишь вверх тормашками в Содом и Гоморру, где тебе предлагают, как в «Бобке», заголиться и обнажиться, когда Россия, как виделось Достоевскому, застыла над бездной, а человечество возвращается эпоху царицы Клеопатры, эпоху танцев на костях. В такой момент нужна апология цельного, фундаментального, светлого, апология «живой жизни».

Пророки — провозвестники воли Бога, провидцы. Апостолы — посланники, благовествующие миру о Христе, возвещающие Евангелие. Достоевский был личностью апостольского служения. Он не столько предсказывал, сколько всей силой своего человеческого и художественного гения утверждал: «...нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть». ■

ЮРИЙ ПАВЛОВ

Родился в 1957 году в городе Кропоткине Краснодарского края. Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Кубанского государственного университета. Член СП России. Критик. Лауреат литературных премий. Живёт в Краснодаре.

«ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ» ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЮДМИЛЫ САРАСКИНОЙ

«Пушкинская речь» — одно из главных событий в жизни Достоевского — наглядно показала масштаб личности писателя, его мыслительное, духовное превосходство над всеми «говорящими головами» — участниками событий, в первую очередь — над И.С. Тургеневым. Этим, думаем, должно быть обусловлено особое внимание пишущих о Достоевском и к самой речи, и к идейно-событийному контексту, её обрамляющему. Рассмотрим, как сей жизненно-творческий сюжет биографии писателя представлен в книге Людмилы Сараскиной «Достоевский», выясним, насколько идеи «Пушкинской речи» адекватно оцениваются автором этой работы и мыслителями, чьи имена в данном контексте возникают.

В книге Сараскиной о пушкинских днях и речи Достоевского говорится на восьми страницах, что составляет 1/100 часть увесистого «кирпича» в 825 страниц. Показательно, что увлечению писателя Аполлинарией Суловой или его игровой страсти уделяется в три раза больше места: так проявляются приоритеты жизнеописателя. По ходу заметим, на фактологически-интерпретационном уровне в названные, оскомину набившие сюжеты ничего нового не вносится.

Главное же — анализ «Пушкинской речи» в книге Сараскиной отсутствует, она представлена всего лишь двумя высказываниями Достоев-

ского. Другие же источники в данном разделе книги цитируются с большей охотой. Вообще неавторская составляющая на этих восьми страницах и в книге в целом значительно превышает авторскую.

Трудно также понять логику использования источников. Почему, например, отрывки из писем Достоевского жене занимают гораздо большее место, чем фрагменты «Пушкинской речи»? В итоге она в богатейшей и разнообразнейшей цитатной гирлянде просто теряется. То есть в таком тексте, где не хватает места для разговора о главном — смыслах «Пушкинской речи», побочные сюжеты кажутся излишними, например, живописнейшие и очень известные подробности о яствах в ресторане «Эрмитаж».

Периодически вызывают вопросы или несогласие авторские суждения, оценки, подводки к цитатам. Так, в книге читаем: «Ходили слухи (их, как всегда, переносил Григорович), что “враждебная партия” тоже готовится к бою. Тургенев будто бы пытается устранить “всякий нехороший элемент” и следит, чтобы никакие “дисгармонии à la Катков” не пришли мешать торжеству. И действительно: билет на праздник, уже посланный Каткову, был отозван в самой сухой и грубой форме» [10, с. 745].

Для прояснения ситуации и ещё нескольких вопросов приведём отрывок из письма Тургенева В.П. Гаевскому от 24 апреля 1880 года:

«Спичи <...> будут произноситься только теми лицами, имена которых будут находиться в списке, составленном Комитетом, чем устраняется всякий нехороший элемент <...> Мы можем быть уверены, что никакие дисгармонии á la Катков не придут мешать нам...» [5, с. 347].

Это письмо неслучайно игнорируется Людмилой Сараскиной, Игорем Волгиным (в книге которого «Последний год Достоевского» сюжет о пушкинских торжествах занимает 125 страниц) и всеми в разной степени либерально-ориентированными авторами. Из данного источника видно, какая «партия» писала сценарий пушкинского праздника и чей план по устранению Каткова, озвученный больше чем за месяц до открытия памятника, сработал.

С тех пор мало что изменилось. В последние три десятилетия, как и в год пушкинских торжеств, сценарии любых литературных, культурных праздников, книжных ярмарок и т.п. пишутся либералами от власти и оппозиции, между которыми нет никакой разницы. Они — главные действующие лица и модераторы этих событий, по-тургеневски строго контролирующие их ход. Вот и в 2021-м, объявленном годом Достоевского, *vip*-участником и книжного салона в Петербурге, и фестиваля «Красная площадь» в Москве был Дмитрий Быков. В своём бесовском опусе «Двести лет жести» он, наговорив, как всегда, много глупостей, назвал Достоевского «отцом русского фашизма» [1, с. 13]. Омерзительный бред Смердякова нашего времени предсказуемо не заметили и либерал-русофобская общественность, и достоевсковеды. Молчит и Людмила Сараскина, к чьей книге возвращаемся.

На страницах, посвящённых «Пушкинской речи», большое внимание уделяется её восприятию современниками — слушателями и читателями. В который раз (сотый или тысячный?), вслед за Достоевским, рассказывается история стариков (враждовавших двадцать лет и помирившихся под воздействием речи писателя),

говорится о реакции Тургенева... Продуктивнее было бы рассмотреть основные идеи речи в разных идейно-временных контекстах.

Людмила Сараскина как человек умный, конечно, это понимает, но воспроизводит мировоззренческий контекст предельно узко, однобоко, делая упор на реакции «своих»: преимущественно Константина Леонтьева и Владимира Соловьёва. Для Достоевского, однако, человечески, идейно, духовно, творчески Леонтьев никогда не был своим. В его статье «О всемирной любви» бездоказательно, предельно предвзято, а местами просто примитивно критикуются «Пушкинская речь», мировоззрение и произведения Достоевского. Своё отношение к данной работе, очень популярной в последние десятилетия у авторов разных направлений, мы выразили давно в статье «К вопросу о непонимании (Константин Леонтьев — Фёдор Достоевский)» [8].

Всё, что сообщает Людмила Сараскина о Владимире Соловьёве, — идеологически обусловленный краткий пересказ и точечное цитирование книги А.Ф. Лосева «Владимир Соловьёв и его время». Сараскина сознательно игнорирует факты, источники, разрушающие устоявшиеся либерально-интеллигентские стереотипы восприятия Владимира Соловьёва, этого Ульянова-Ленина от религии и философии. Источники, не прошедшие цензуру автора «Достоевского», дают дополнительное представление о Л. Сараскиной, Вл. Соловьёве и той духовно-мыслительной традиции, которую они каждый по-своему представляют.

Итак, в книге Лосева утверждается, что «в 1882 — 1883 годах у Вл. Соловьёва произошёл крайний перелом в пользу римского католичества» [7, с. 411]. Говоря о последствиях данного события, Лосев, на наш взгляд, транслирует и бесспорные, и уязвимые мысли. Начнём с первых.

Основная продуктивная идея философа, выраженная современным языком, такая: уже во второй (1882) и в третьей (1883) речах о До-

стоевском Соловьёв ведёт гибридную войну с писателем. В одних случаях он приватизирует часть мировоззрения Достоевского, приписывая ему свои взгляды, как, например, во второй статье, где, напустив словесно-либерального тумана, Соловьёв говорит о примирении Востока и Запада через «союз вечной истины Божьей и свободы человеческой» [7, с. 413]. В других случаях, когда речь идёт особенно о национальных и религиозных вопросах, философ полемизирует с Достоевским.

Собственно, эта полемика и взгляды Соловьёва в целом не получают адекватной, православно-русской оценки Алексея Лосева. В редких случаях он сухо констатирует очевидное: в третьей речи Соловьёв «начинает восхвалять Рим в полном противоречии со взглядами Достоевского» [7, с. 411]. Но чаще всего Лосев солидарен с Соловьёвым. Например, его «перелом в пользу римского католичества» оценивается Алексеем Фёдоровичем как положительное явление: «тем самым наметился отход от национализма (! — Ю.П.) и изолированного православия (! — Ю.П.) Достоевского» [7, с. 411]. А цитата из Соловьёва (созвучная бездоказательно ярлычным высказываниям ненавистников Достоевского разных эпох): «он (Достоевский. — Ю.П.) же при всякой конкретной постановке национального вопроса становится выразителем элементарного шовинизма» — сопровождается более чем странным комментарием Лосева: «Таким образом, отношение Соловьёва к Достоевскому по национальным вопросам претерпело существенную эволюцию. Его никак нельзя характеризовать однозначно» [7, с. 413].

Алексей Лосев, а вслед за ним Людмила Сараскина и многие другие авторы уходят от очевидных, неизбежных оценок Владимира Соловьёва как экумениста, русскоязычного мыслителя, не понявшего мировоззрение и творчество Ф.М. Достоевского и всю отечественную классику. И в такой позиции Л. Сараскиной нет ничего неожиданного. В трактов-

ке же иных событий автор «Достоевского» не перестаёт удивлять.

Говоря о восприятии «Пушкинской речи» «своими», Сараскина зачем-то делает ударение на бранных выражениях Константина Леонтьева, адресованных Владимиру Соловьёву. Однако они, впервые опубликованные в 1915 году, не могут подтверждать авторскую версию: «после Достоевского русские полемисты, занятые поиском русской идеи, в ещё большей степени, чем при Достоевском, забудут о чувстве элементарной вежливости» [10, с. 756].

Идея Сараскиной: Достоевский как своеобразный рубеж между невежливостью разной концентрации — вызывает сомнения. В статьях и письмах литераторы стали бранно выражаться задолго до смерти Фёдора Михайловича. Да и сам он любил смачным словом припечатать недостойного человека, вредное явление. По мнению писателя, резко негативные и эмоционально заряженные суждения — средство в борьбе с либеральным злом. Вот какой совет даёт он «мягкому» Н. Страхову в письме от 24 марта (5 апреля) 1870 года: «Для них (западников всех мастей. — Ю.П.) надо писать с плетью в руке. Во многих случаях Вы для них слишком умны. Если б Вы на них *поазартнее и поглубже* (выделено Достоевским. — Ю.П.) нападали — было б лучше. Нигилисты и западники требуют окончательной плети» [4, с. 113].

Многочисленные высказывания Достоевского «с плетью в руке», свидетельствующие об однозначно негативном отношении писателя к либералам разных поколений и имеющие прямое отношение к «Пушкинской речи», в книге Сараскиной отсутствуют. Приведём высказывания Достоевского только о Тургеневе и Белинском. На полемике с последним построена почти вся «Пушкинская речь».

«Смрадная букашка Белинский <...> именно был немощен и бессилён талантишком, а потому и проклял Россию и принёс ей сознательно столько вреда...» [4, с. 208]; «Нет, он (Белинский. — Ю.П.) никогда не задумывался

над тем, что он сам гадок. Он был доволен собой в высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость» [4, с. 215]; «если б Белинский, Грановский и вся эта шушера...» [4, с. 215]; «современный дешёвый либерализм, к которому так многие прибегают из выгоды (начиная со свиньи Тургенева и кончая вором Пальмом)» [4, с. 315].

Разговор о природе рождения подобных высказываний позволяет увидеть фундаментальную несовместимость Достоевского с западниками и является ответом тем, кто в резких оценках писателя видел и видит проявление человеконенавистничества и т.п. Легко установить закономерность, что «с плетью в руке» Достоевский говорит в тех случаях, когда чувствует себя «слишком оскорблённым» отношением западников к России, Богу, русскому народу, человеку. Неоднократные подтверждения тому мы находим в «Дневнике писателя» и в письмах Достоевского.

В декабре 1870 года отвечая либеральному «Голосу» А. Краевского, где сообщалось, что в Крымскую войну «успехи оружия союзников и поражения наши» вызывали радость, Достоевский вспоминает свою прямо противоположную реакцию на эти события: «Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда ещё в каторге и не радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастненькими и солдатами, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и — хоть и оставался ещё тогда всё ещё с сильной закваской шелудивого русского либерализма, проповеданного г<...>ками вроде букашки невозной Белинского и проч.» [4, с. 145].

Русское чувство или то, что С. Есенин называл «чувством Родины», — одно из главных отличий Достоевского от либералов разных поколений, лишённых этого чувства. Один из самых глубоких и пространных монологов Фёдора Михайловича на интересующую нас тему — его письмо к Аполлону Майкову от 16 (28) августа 1867 года. В нём есть два ключевых сю-

жета, заслуживающих внимания.

Достоевский рассказывает близкому другу о своей беседе с молодым прогрессистом-западником, постоянно живущим в Германии. Его жена и дети онемечелись, а сам он бывает в России три недели в году, чтобы получить доход (очень современная история, не правда ли?). Разговор этого человека с писателем процитируем полностью, ибо он более чем убедительно показывает, что между либералами и Достоевским (как и всеми духовно русскими людьми) — непреодолимая пропасть, они представители двух разных народов, мировоззрение и система ценностей которых за истекшие 154 года сущностно не изменились.

Итак, на вопрос Фёдора Михайловича: для чего его собеседник «экпатрировался», последовал ответ:

«Здесь цивилизация, а у нас варварство. Кроме того, здесь нет народностей; я ехал в вагоне вчера и разобрать не мог француза от англичанина и от немца.

— Так, стало быть, это прогресс, по-вашему?

— Как же, разумеется.

— Да знаете ли вы, что это совершенно неверно. Француз прежде всего француз, а англичанин — англичанин, и быть самими собою их высшая цель. Мало того: это-то и их сила.

— Совершенно неправда. Цивилизация должна сравнивать всё, и мы тогда только будем счастливы, когда забудем, что мы русские, и всякий будет походить на всех. Не Каткова же слушать!

— А вы не любите Каткова?

— Он подлец.

— Почему?

— Потому что поляков не любит.

— А читаете вы его журнал?

— Нет, никогда не читаю» [3, с. 206 — 207].

Духовными отцами подобных, по выражению Достоевского, «либералишек и прогрессистов» были Иван Тургенев, Александр Герцен, Николай Утин, Николай Чернышевский. Фамилия Утина в этом ряду кому-то покажется

случайной, инородной, большинству же читателей она не говорит ни о чём. В советском 30-томном собрании сочинений Достоевского комментаторами данного письма сообщается следующая «содержательная» информация о Н.И. Утине: «В 1863 г., будучи предупреждён о предстоящем аресте (какая очередная современная история. — Ю.П.), он эмигрировал за границу и жил сначала в Лондоне, затем в Женеве» [3, с. 450]. Сараскина приводит вышецитируемые строки из письма Достоевского Майкову в другом контексте, а фигура Н. Утина не привлекает её внимания. Думается, об Утине стоит сказать хотя бы кратко, ибо его биография позволяет приблизиться к пониманию (отличному от преобладающего либерального) не только 1860 — 1880-х годов, но и всего постсоветского времени.

В годы эмиграции Николай Утин, сын богатейшего финансиста Исаака Утина (спонсировавшего через свою дочь Любовь, жену Михаила Стасюлевича, либеральные «Вестник Европы», «Порядок»), был сподвижником Михаила Бакунина и Карла Маркса, основал «русскую секцию I Интернационала». Однако такая деятельность не помешала Утину в 1870 — 1880-е годы сделать состояние в России, так как его покровителями были всемогущие Самуил Поляков (финансировавший либеральные «Голос» Андрея Краевского и «Московский телеграф» Игнатия Родзевича) и Гораций Гинцбург. Последнего, «главу еврейской партии» (В. Мещерский) в России, связывали дружеские и деловые отношения с В. Соловьёвым, В. Спасовичем, А. Пыпиным, М. Салтыковым-Щедриным, И. Тургеневым. Очевидные параллели с современностью проведите сами.

Нам же, подводя итог этому важнейшему микросюжету, остаётся согласиться с Иваном Дроновым: «Так, в причудливой судьбе Николая Исааковича Утина и его родственников наглядно отразилось столь характерное для пореформенной России сплетение в один змеиный клубок революционных организаций, и еврей-

ского капитала, и либеральных средств массовой информации» [6, с. 314].

Закономерно, что в письме к Ап. Майкову Достоевский характеризует тип либеральных отцов-идеологов на примере И.С. Тургенева. Символично, что именно с ним, лидером партии западников, у Фёдора Михайловича состоится словесное сражение через 13 лет во время пушкинских торжеств.

Черты «русских иностранцев», отмеченные Достоевским у Алеко и Онегина, нашли более многогранное и концентрированное выражение в личности Тургенева. Его «аристократически-фарисейский», «генеральский», социальный эгоцентризм не приемлем для Фёдора Михайловича. Ещё больше его «раздражает» тургеневское отношение к русскому народу, России, Богу, достигшие в повести «Дым» логического предела, точки кипения. Главная мысль этого произведения-уродца в изложении Фёдора Михайловича выглядит так: «Если б провалилась Россия, то не было бы ни убытка, ни волнения в человечестве» [3, с. 210]. По версии Достоевского, Тургенев объяснил ему, что «это его основное убеждение о России» [3, с. 210].

Л. Сараскина, как и многие другие, считает, что, «описывая эту встречу в письме Майкову, Достоевский сильно сгустил краски» [10, с. 479]. Однако аргументы, подтверждающие сказанное, не приводятся. Ожидаем и другой довод в защиту Тургенева: нельзя отождествлять слова героя с позицией автора. Да, конечно, нельзя, когда между ними существует зазор, но в данном случае ситуация иная. Правота Достоевского подтверждается, в частности, письмами Тургенева Герцену от 5 (17) мая, 10 (22) мая, 23 мая (4 июня) 1867 года. Более того, Иван Сергеевич, называющий себя пятилетием раньше «европеусом» [13, с. 73], в год встречи с Достоевским своего Потугина именует «ограниченным западником» [13, с. 260] и жалеет о том, что «он ещё не довольно говорит» [14, с. 252]. То есть позиция самого писателя в некоторых

вопросах была более западнически-радикальная, чем у Потугина. Но об этих взглядах Тургенева речь пойдёт в статье о книге И. Волгина «Последний год Достоевского».

Сейчас же приведём одно высказывание Ивана Сергеевича о России, которое даже Потугин себе не позволяет, а у духовно-русских писателей оно в принципе невозможно: «Россия — не Венера Милосская в чёрном теле и в узах; это — такая же девица, как и старшие её сестры — только что вот задница у ней пошире — и она уже <...> (зря издатели Тургенева убрали это слово, хотя и без него национальное вырожденчество писателя очевидно. — Ю.П.) — и так же будет таскаться, как и те. Ну — рылом-то (! — Ю.П.) она в них не вышла, говоря языком Островского» [13, с. 65].

Достоевский же, о подобных мерзопакостных выпадах Тургенева не подозревавший, в изложении взглядов героя повести и её автора не «сгустил краски», а наоборот «разбавил». Он, точно передав основную мысль одного из центральных монологов Потугина, по понятным причинам обрезал многочисленные, не менее ядовитые, бредовые боковые побеги его.

Есть смысл процитировать большую часть «шедевра» Потугина-Тургенева и потому, что это — зерно, из которого выросли многочисленные «открытия» русофобов XX — XXI веков: «...если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца всё то, что тот народ выдумал, — наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булабочки не потревожила бы, родная: всё бы преспокойно осталось на своём месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы. Подобного опыта даже с Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошние жители какие-то лодки да копья изобрели: посетители заметили бы их отсутствие. <...> Старые наши выдумки к нам

приползли с Востока, новые мы с грехом пополам с Запада переташили, а мы всё продолжаем толковать о русском самостоятельном искусстве! Иные молодцы даже русскую науку открыли: у нас, мол, дважды два тоже четыре, да выходит оно как-то бойчее» [12, с. 232 — 233].

Первопричина такого отношения к России Тургенева и всех западников — их атеизм или неправославность как частный случай. Достоевский же, как известно, именно через православность человека определял его русскость. И признание Тургенева о своём «окончательном атеизме» [3, с. 210], сделанное в разговоре с Фёдором Михайловичем в 1867 году, хотя и было констатацией давнего и очевидного факта, не могло не вызвать соответствующей реакции Достоевского. В письме к Аполлону Майкову он очень точно характеризует мировоззренческую и ценностную сущность любого атеистического переворота.

На место Христа — высочайшего, недостижимого, вечно прекрасного идеала человека — ставится эгоцентрический индивид со всеми своими тварными грехами, возводимыми в норму. Некоторые черты, присущие Тургеневу и всем «русским иностранцам», Достоевский называет: «бесстыдная раздражительность», «легкомысленная гордость», «пакостное самолюбие», ненависть к самобытной России и преклонение перед цивилизацией Запада [3, с. 210 — 211].

Подчеркнём: в этих и других оценках Достоевский, вопреки распространённому мнению, предельно точен и объективен. Более того, через тип «русского иностранца» он диагностирует болезнь, прогрессирующую гигантскими темпами в XX — XXI веках. Религиозная «перекодировка» обязательно сопровождается изменением национальной идентичности человека. Так и Тургенев в разговоре с Достоевским, обиженный критическими отзывами его о немцах, заявил: «...я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!» [3, с. 211]. На эту наиважнейшую причинно-следственную взаи-

мосвязь веры и духовно-национального самоопределения человека не обращают внимание Людмила Сараскина и многие другие авторы, анализирующие данный источник.

Вслед за Достоевским мы не можем не сказать об универсальном «рецепте» исцеления России, предлагаемом западниками всех времён. Тургенев, по версии Фёдора Михайловича, сказал ему: «...есть одна общая всем дорога и неминуемая — это цивилизация и что все попытки русизма и самостоятельности — свинство и глупость» [3, с. 211]. (Через 100 лет глава КГБ СССР Юрий Андропов скажет, что главными врагами системы являются именно русисты — русские патриоты...) Вновь не возникает сомнений в том, что Достоевский не искал слова Тургенева. Аналогичные мысли Ивана Сергеевича встречаются в десятках писем разных лет. Ограничимся одним характерным высказыванием писателя: «...из всех европейских народов именно русский менее всех других нуждается в свободе. Русский человек, самому себе предоставленный, неминуемо вырастает в старообрядца — вот куда его гнёт — его прёт — а вы сами лично достаточно обожглись на этом вопросе, чтобы не знать, какая там глушь, и темень, и тирания. <...> Что же делать? Я отвечаю, <...> возьмите науку, цивилизацию — и лечите этой гемеопатией мало-помалу» [15, с. 14].

Достоевский, с едкой иронией предлагавший Тургеневу выписать из Парижа телескоп, чтобы лучше видеть Россию, думаем, прекрасно понимал: Ивану Сергеевичу уже ничего не поможет. Ибо он, как верно заметил тот же Достоевский, «потерял всякое чутьё России» [3, с. 211]. Самым наглядным подтверждением тому стал «Дым» — своеобразный творческий стриптиз, который доставил удовольствие, видимо, одному Тургеневу. В длинных и очень длинных монологах Потугина, рупора авторских идей, проявилось типичное, западническое сочетание очевидной фантазийности мифовидения с не менее очевидным невежеством

и убожеством суждений о России.

Подтвердим сказанное кульминацией повести — напутствием Потугина, данного во время прощания с Литвиновым: «Всякий раз, когда вам придётся приниматься за дело, спросите себя: служите ли вы цивилизации — в точном и строгом смысле слова, — проводите ли одну из её идей, имеет ли ваш труд тот педагогический, европейский характер, который единственно полезен и плодотворен в наше время, у нас? Если так — идите смело вперёд: вы на хорошем пути, и дело ваше — благое! Слава богу! Вы не одни теперь. Вы не будете “сеятелем пустынным”: завелись уже и у нас труженики... пионеры...» [12, с. 313]

Не будем перечислять «благие дела» — преступления XX — XXI веков, совершённые европейскими цивилизаторами в России и с Россией. Обратим внимание на другое: их идейными предшественниками были западники XIX века, Тургенев в частности. Он в письме Александру Герцену от 27 октября (8 ноября) 1862 года, подобно Потугину, наставляет своего корреспондента: «...мы, русские, принадлежим и по языку и по породе к европейской семье <...>, и, следовательно, по самым неизменным законам ф и з и о л о г и и (разрядка наша. — Ю.П.) должны идти по той же дороге» [13, с. 67].

Комментарий этого потрясающего своей примитивностью подхода Герцен заканчивает так: «Общее происхождение несколько не обуславливает одинаковость биографии» [9, с. 236]. Такую простую истину не могут и не хотят понять западники разных эпох, загоняя Россию в европейский дом. Цена же вопроса, о которой они любят рассуждать, в данном случае, их не интересует в принципе. Зато данный вопрос неоднократно возникает у Достоевского, в «Объяснительном слове...» к «Пушкинской речи» в частности: «Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм? А ещё толкуют о естественных науках! “Этого народ не позволит”, — сказал по одному поводу, года два

назад, один собеседник одному ярому западнику. “Так уничтожить народ!” — ответил западник спокойно и величаво» [2, с. 132 — 133]. Собственно, этим — уничтожением народа — успешно занимаются современные реформаторы России 30 лет...

Палаческая, по своей сути, непреклонность западников по отношению к народу и России не знает сомнения, жалости. Вот и интеллигентный Тургенев в письме Герцену предлагает признать свою виновность перед «лицом всего европейского человечества» тем, кто не хочет «служить революции, европейским идеалам», тем, у кого, по словам писателя, в голове «ещё не перебродила социально-славянофильская брага» [13, с. 68]. Единомышленники Тургенева в XX — XXI веках в борьбе с наследниками славянофилов или «русской партии», по определению Достоевского, пошли дальше Ивана Сергеевича...

О расстрелянных якобы русских фашистах, убитых при разных обстоятельствах писателях от Сергея Есенина до Василия Шукшина, о ВСХСОНовцах, о многом и многих других нами говорилось неоднократно. Напомним лишь один сюжет, связанный с Достоевским, который почти точно рифмуется с приведённым высказыванием Тургенева.

Ещё в 1980-м году Юрий Селезнёв в книге «В мире Достоевского» привёл слова Виктора Шкловского, сказанные им на Первом съезде писателей СССР в 1934 году: «...если бы сюда пришёл Фёдор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира» [11, с. 248]. Людмила Сараскина в предисловии к своей книге «Достоевский» уже на восьмой странице цитирует это высказывание кумира либеральной интеллигенции XX — XXI веков, о чём она, естественно, не сообщает. Думаем, неслучайно Сараскина «погружает» слова Шкловского только в ленинско-горьковский, пролетарско-советский контекст, тем самым

дезориентируя читателя в понимании истоков ненавистнического отношения к Достоевскому и русской классике вообще, сбросить которую с «парохода современности» либералы последовательно пытаются всё постсоветское время.

Скажем, на наш взгляд, об очевидном, о чём не говорится в книге Сараскиной. Западно-либеральная традиция восприятия Бога, России, самодержавия, русского народа, Достоевского в частности (о чём сознательно много говорилось в нашей статье), ничем, по сути, не отличается от западнически-советской традиции. Как тут не вспомнить гениальную, универсальную формулу Игоря Шафаревича «Две дороги к одному обрыву».

В то же время есть смысл уточнить: либеральная традиция ненавистнического отношения к Достоевскому более давняя и, как показали последние десятилетия, более живучая, чем советская. Чаще всего авторы 1920 — 1930-х годов вещали о Достоевском в унисон с западниками XIX века, и, наоборот, современные либералы повторяют вслед за марксистско-ленинскими ортодоксами.

Тот же Юрий Селезнёв вспоминает критика А. Лежнёва, который в 1934 году «установил ответственность Достоевского за то, что происходило в Германии, следующим образом: “Достоевский — славянофил, его друг идейный союзник — Аполлон Григорьев — тоже славянофил” <...>, а “фашизм — предел, куда вросло бы славянофильство, если б оно сохранилось до наших дней”» [11, с. 248]. Возвращаясь к упоминаемому опусу 2021-го года либерального кумира, мы можем сказать: А. Лежнёв и Д. Быков — близнецы-братья.

Без этих, в принципе, азов русского мировидения, о которых также говорилось в нашей статье, ибо они отсутствуют в книге Сараскиной, думаем, полноценное восприятие отечественной литературы невозможно. Видимо, прежде всего поэтому несомненная эрудиция автора, использованный богатейший источниковедческий материал не получили адекват-

ного аналитического, литературоведческого воплощения в книге. Например, нам непонятно, как разговор о «Пушкинской речи» можно заканчивать утверждением: «Русская идея, заключённая (кто её бедную заключил? — Ю.П.) в Пушкинской речи Достоевского, была идеей всепримирения» [10, с. 751].

Несмотря на то, что Достоевский неоднократно говорил о своём желании примирить западников и славянофилов и свою «Пушкинскую речь» воспринимал как шаг в этом направлении, ос-

новная идея его выступления другая. «Стать настоящим русским» — «стать братом всех людей» [2, с. 147] можно только по «Христову евангелию закону» [2, с. 148], на что делает ударение писатель. А это, как следует из сказанного нами, невозможно из-за такого отношения западников к Богу, России, русскому народу.

Будем ждать отклики Людмилы Сараскиной на достоевско-ненавистнические либеральные тексты, которые уже появились и, наверняка, ещё появятся. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Быков, Д. Двести лет жести // Собеседник. № 6. 2021. С. 11 — 14.
2. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя за 1877 сентябрь-декабрь, 1880 август // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 26. Ленинград : Наука, 1984. — 520 с.
3. Достоевский, Ф.М. Письма 1860 — 1868 // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 28, к. 2. Ленинград : Наука, 1985. — 616 с.
4. Достоевский, Ф.М. Письма 1869 — 1874 // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 29, к. 1. Ленинград : Наука, 1986. — 576 с.
5. Достоевский, Ф.М. Письма 1878 — 1881 // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 30, к. 1. Ленинград : Наука, 1988. — 456 с.
6. Дронов, И.Е. Император Александр III и его эпоха. М. : Академический проспект, 2017. — 654 с.
7. Лосев, А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М: Молодая гвардия, 2000. — 613 с.
8. Павлов, Ю.М. К вопросу о непонимании (Константин Леонтьев — Фёдор Достоевский) // ВикиЧтение. 2006. — URL: <https://pub.wikireading.ru/176875>.
9. Переписка И.С. Тургенева // И.С. Тургенев. В 2 томах. Т. 1. М. : Художественная литература, 1986. — 676 с.
10. Сараскина, Л.И. Достоевский. М. : Молодая гвардия, 2011. — 825 с.
11. Селезнёв, Ю.И. В мире Достоевского. М. : Современник, 1980. — 376 с.
12. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения в 15 томах. Т. 9. Повести и рассказы 1860 — 1867. Москва-Ленинград : Наука, 1965. — 560 с.
13. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма в 13 томах. Т.5. Письма 1862 — 1865. Москва-Ленинград : Наука, 1963. — 776 с.
14. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма в 13 томах. Т.5. Письма 1865 — 1867. Москва-Ленинград : Наука, 1963. — 640 с.
15. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма в 13 томах. Т.5. Письма 1867 — 1869. Москва-Ленинград : Наука, 1964. — 620 с.

АЛИНА ТАРАН

Родилась в 2001 году в городе Краснодаре. Студентка 3-го курса факультета журналистики КубГУ. Выпускница образцовой театральной студии «Живое слово». Победитель Всероссийского конкурса чтецов «Живая классика». Живёт в Краснодаре.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СПЕКТАКЛЯХ МХТ им. А.П. ЧЕХОВА

«Другое дело, если Вы как можно более переделаете и измените роман, сохранив от него лишь какой-нибудь эпизод для переработки в драму или взяв первоначальную мысль, совершенно измените сюжет» [1, с. 20], — так говорил Ф.М. Достоевский всякий раз, когда жизнь сводила его с театральными подмостками. Но, несмотря на это, произведения автора были и будут в репертуаре любого театра; в данном случае вопрос заключается в другом — насколько первоначальный смысл, заложенный Достоевским, остался неизменным?

Впервые произведение Ф.М. Достоевского «появилось» на сцене МХТ им. А.П. Чехова еще в 1910 году и игралось в два вечера. Спектакль «Братья Карамазовы» в инсценировке В. Немировича-Данченко стал большим событием для духовной жизни общества. Стоит отметить, что Немирович-Данченко в своем письме признался Станиславскому, что теперь перед театром «открываются... огромные перспективы», и действительно, идея поставить спектакль по мотивам прозаического произведения была в те времена передовой даже для вышеупомянутых титанов. Сама постановка имела не только большой успех, но и стала «первой русской трагедией», а биограф театра Н. Эфрос писал: «Такой сценической передачи душевной возбужденности мне никогда не приходилось видеть. Это была воистину душа, сорвавшаяся со всех петель... налитая до краев смертельным ужасом, каждую минуту умирающая в иступленном отчаянии» [4, с. 370]. Актеры МХТ того времени стре-

мались раскрыть подлинную суть произведения, они остро чувствовали героев, время, мотивы действий, к тому же именно в этом спектакле впервые в истории русского театра ввели на сцене чтеца. На этот счет Станиславский еще в 1908 году написал: «...Без Достоевского нельзя. Всего вероятнее будет чтец, который будет выступать наряду с диалогами действующих лиц, но Достоевского мы покажем обязательно» [3, с. 106]. Сценичность повествования, структурные особенности художественного текста — все это притягивало режиссеров. Так, Достоевский, и сам того не осознавая, стал отправной точкой для появления прозы на большой сцене.

Вообще, тот факт, что произведения Федора Михайловича стали востребованы для зрителя, немного парадоксален. Театр опирается на художественные образы, которые передают характер героя, а за произведениями Достоевского стоит нечто большее — философские, социально-значимые проблемы, явные и скрытые мотивы, идеи. Все это театру проследить сложно, но очень хочется... поэтому, как правило, за основу берется определенный отрывок из произведения, или же спектакль вовсе становится рассказом о жизни одного из персонажей.

И если раньше театр меняли для Достоевского, то сейчас Достоевского меняют для театра. Существуют несколько способов постановки: по мотивам, где показан фрагмент произведения; по теме, где собраны определенные части романа; спектакли-фантазии, где первоначальный текст — всего лишь основа для режиссерского замысла, и, наконец, «игровые»

спектакли, в которых текст писателя — полноценен, а само лицедейство призвано передать всю суть повествования.

В МХТ им. А.П. Чехова спектакли по Достоевскому были популярны в 20-е и 30-е годы XX века. В основном на сцене можно было увидеть постановки по произведениям «Братья Карамазовы», «Село Степанчиково» и «Дядюшкин сон».

Если говорить о современных постановках по Достоевскому, то тут дела обстоят совсем иначе. Скандально известный спектакль К. Богомолова (впрочем, все его спектакли носят такое определение) «Карамазовы» скорее уж слишком ориентирован на современность — от Федора Михайловича здесь только набор слов в предложении. Складывается ощущение, что режиссер не ставил Достоевского, а просто хотел устроить винегрет из грязных выходок и нелепых режиссерских приемов, заправив все это советскими хитами. Хотя в реальности так и есть, потому что Богомолов определил жанр спектакля как собственные фантазии на тему романа Достоевского (а нетрудно догадаться, что фантазии у режиссера весьма нездоровые). В этом спектакле есть всё: от женщины, переодетой в батюшку и поющей «Showmustgoon», до унитазов, изображающих надгробие всему семейству, и Розы Хайруллиной в роли Алеши Карамазова (в данном случае это скорее плюс, нежели минус).

Создается впечатление, что этот спектакль не просто повествует о русской жизни (как утверждает сам режиссер), а показывает огромную ненависть к русскому духу. Действие происходит в городе Скотопригоньевске, где есть Скотский банк и Скотское TV. Весь спектакль завязан на брэнной человеческой плоти, а режиссер «опустил» героев до состояния скотины.

Алеша-Иванушка оказывается во владениях злой волшебницы Кати-кровососа (Дарья Мороз) и Грушеньки в русском кокошнике (Александра Ребенок). А Лиза Хохлакова (Наталья Кудряшова) рассказывает о мальчике, у которого жид отрубил все пальцы, а потом еще и распял его. Именно эта сцена представлена как огромная ярмарка и олицетворяет образец наивного, как слеза ребенка, русского антисемитиз-

ма. Дмитрий вешается прямо на сцене, а на экране можно периодически наблюдать рассуждения самого режиссера.

К сожалению, от романа Достоевского в постановке осталось только название, и даже если вы хотите найти что-то стоящее в спектакле, то необходимо очень постараться. Весь спектакль — фальшь и пафос, даже слова старца Зосимы мы воспринимаем не как истинную христианскую любовь, а скорее как казенное православие — вот что бывает, когда за постановку Достоевского берется не просто атеист, а горячо отчаявшийся и обиженный на весь мир человек. Зосима и Смердяков у него — один человек, а с какими подробностями описано разложение старца...

«Русский дух» в истолковании режиссера — смердящий запах, перемещенный с запахом ладана. Если Достоевский говорил о внутреннем и глубоком, то постановщик громко кричал о плотском и поверхностном. Более того, после того как режиссер «убил» всех героев, он выводит на сцену черта, который считает себя единственным двигателем мира. Под песню «Я люблю тебя, жизнь» это существо говорит о том, что оно вращает Землю, что его усилиями рождаются дети. По мнению постановщика, у мира два пути: черное небытие и чертова комедия.

Наверное, уже всему театральному миру известно, что спектакли К. Богомолова в МХТ созданы не для высокого искусства, а для того, чтобы сделать скандал в прессе и собрать весомую выручку. К слову, спектакли подобного рода держатся лишь на излишней экстравагантности и несравненной игре актеров, без которой все «идеи» Богомолова явно потерпели бы неудачи.

Но надо отдать должное: остались в МХТ еще достойные спектакли. «Белые ночи» — одно из немногих произведений Достоевского, которое редко встретишь на театральных подмостках. Режиссер А. Заббаров взял за основу именно это произведение, к слову, сам постановщик — ученик С. Женовача, а это уже говорит о строгой режиссерской школе.

Заббаров с легкостью находит сходства между героем и современным человеком, он с любовью, подробно переносит русскую классику на сцену. Огромные массивы текста Достоевского «ложатся

на плечи актеров, которые, безусловно, справляются с этой отрадной ношей.

Свет в спектакле — важный элемент, благодаря которому режиссер умело раскрывает образы. Мы видим, как на парапет моста опирается силуэт Мечтателя, возникает огромная пауза, будто звенящая тишина, во время которой вся глубина сцены заполнена светящимся маревом серебристого дыма: река. Вскоре этот туман рассеется, и на цепях опустится «разведённый» мост, а в глубине сцены появится другой силуэт — Настенька. Героиня уйдет, и мост разведут, а Мечтатель вынужден будет остаться на сцене: он намертво прибит к ней, и ни в одну из сторон уйти невозможно.

Сам режиссер признается, что это не спектакль о любви, это скорее попытка узнать природу Мечтателя, его отношений с собственным одиночеством. Его боль, горячка создают ощущение того, что весь мир — лишь проекция (каждый новый человек как затуманенная гладь). Самое страшное и в то же время удивительное в этой постановке — диалектика героя, которая по-особенному откликается на внешние факторы.

Заббаров передал, казалось бы, невозможное — он проследил прерывистое движение от обезоруживающего обаяния к каким-то весьма неприглядным, весьма достоевским изгибам души. Это не путь от счастья к несчастью — это дорога, когда шаг за шагом сменяют друг друга недетское собственничество и наивная обида, вселенская боль и самоотверженная любовь, а бездна внутренних демонов вырастает в душе человека, который всегда «шатался по городу и репетировал» и «никого никогда не видал».

Полтора часа Мечтатель занят мучительным выбором — в чем смысл его существования: в осязаемой суете и обычной «грешной» жизни или в одиночестве, наполненном фантомными воспоминаниями.

И сам герой будет долго повторять монолог Настеньки: «...что же ты сделал с своими годами? куда ты схоронил своё лучшее время? Ты жил или нет? Смотри, говоришь себе, смотри, как на свете становится холодно. <...> Побледнеет твой фантастический мир, замрут, увянут мечты твои и осыплются, как жёлтые листья с деревьев... ведь грустно будет оставаться одному, одному совершенно, и даже не иметь чего пожалеть — ничего, ровно ничего... потому что всё, что потерял-то, всё это, всё было ничто, глупый, круглый нуль, было одно лишь мечтанье!» [2].

В финале становится ясно: даже выбор является воспоминанием героя, не определившегося между фактурой и фантомом. Эта петербургская лихорадка вечного выбора — тоже размышление о театре.

Если говорить о МХТ им. А.П. Чехова, то стоит подчеркнуть важность Достоевского здесь. Благодаря этому автору проза не просто появилась на сцене театра — она полностью изменила классическое понимание спектакля. Но если раньше Немирович-Данченко и Станиславский экспериментировали для того, чтобы «донести» Достоевского до зрителя, то сейчас некоторые современные режиссеры скорее хотят самовыразиться.

Итак: можно осовременить произведение, сделав его понятнее для общества (хотя так процесс деградации будет еще стремительнее), можно добавить музыку и поиграть со светом — можно как угодно менять форму, но самое необходимое — сохранить смысл. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Достоевский, Ф. Письма. Т. III, 1872 — 1877 / Ф. Достоевский. М. ; Л., 1934.
2. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. Достоевский ; гл. ред. В.Г. Базанов. Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1972. Т. 2 : Повести и рассказы. 1848 — 1859.
3. Станиславский, К.С. Собр. соч. : в 8 т. Т. 7 / К.С. Станиславский. М. : Искусство, 1960. — 811 с.
4. Эфрос, Н. Московский Художественный театр. 1898—1923 / Н. Эфрос. М., 1924. С. 370.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

В Тамани теперь есть поклонное место, куда будут приходить родные, близкие и почитатели раздумчивого таланта писателя, таланта говорить проникновенно, необычно о литературе, о высоких переживаниях, иногда с мягкой укоризной и наставлениями к молодежи. За пять последних ежегодных встреч на конференциях его имени мы привыкли к негромким его беседам об убегающей жизни, которую он останавливал на минуту, всматривался в нее, а потом в чуткой тишине аудитории наговаривал, на

АЛЕКСАНДР ГАЛКИН

Родился в 1952 году. В 1974 году окончил Кубанский государственный университет, кандидат экономических наук. Руководит представительством Русского географического общества в Красной Поляне, возрождает традиции пешеходного горного туризма. Автор научно-популярных и краеведческих книг. Живёт в Краснодаре.

ВЕНОК НА МОГИЛУ ВИКТОРУ ЛИХОНОСОВУ

Метафизика пандемии очевидна — испытания посланы нам за грехи наши тяжкие: и за утрату Страха Божьего, и за научную гордыню безответственных алхимиков, и за бездумное мотание сотен миллионов людей из конца в конец такой, казалось, ставшей карманной, планеты. Да мало ли ещё за что конкретно, но почему Он забирает лучших из нас? Тех, кто бережно сшивал разорванные братоубийственной войной лоскуты жизненного полотна, кто заботливо восстанавливал память о героях минувших времен, о радателях общего дела, кто научил нас сердечно и внимательно заглядывать на самое доньшко собственной души. Возможно, потому, что до нас уже по-другому и не достучаться, возможно, для того, чтобы, наконец, перестали рассчитывать на кого-то другого, кто сделает это за нас.

Совсем недавно, в апреле, мы отмечали 85-летие Виктора Ивановича Лихоносова. Судьба подарила ему долгую и непростую жизнь, в которой был и вынужденный переезд, позволивший увидеть самого себя, и отчужденное непонимание, заставившее найти способ достучаться до других сердец, и долгие годы забвения, пока страна, наконец, не начала избавляться от морока. Это материал я готовил к юбилею писателя, однако и сегодня не добавить, не убавить... Удивительное чувство завершенности жизненного пути и светлая печаль, так чудно им воспетая...

У российских географов особые отношения с писателями. Достаточно вспомнить Михаила Михайловича Пришвина, получившего в 1907 году серебряную медаль Русского географического общества за одну из первых своих книг «В краю непуганых птиц: Очерки Выговского края», а к ней в придачу и всероссийскую известность. В то время описание земель ещё не сводилось к картографии,

а из путешествий привозили целостный взгляд на природу и человека, на ландшафты и промыслы, на единство социокультурного своеобразия.

В свою очередь писатели трепетно относятся к географии — кому как не им доподлинно известно доминирующее воздействие ландшафта на традиции, на хозяйство, на речь, одежду и всё-всё-всё. Давно подмечено: своё, родное видится и понимается отчётливей на контрасте с чужим, с другим, с непохожим, что, собственно, и порождает массовый феномен периодической «охоты к перемене мест» в поисках самого себя. Однако иногда сама судьба приводит тебя в дальний край, которому суждено стать твоей новой родиной, с которым, стало быть, надо породниться, который надо принять и полюбить. Так и произошло с двадцатилетним пареньком Виктором Лихоносовым, приехавшим в конце пятидесятых годов из далёкого Новосибирска на теплую и благодатную Кубань.

В 1957 году Виктор Иванович поступает на историко-филологический факультет Краснодарского педагогического института, что само по себе знаменательно, поскольку именно литературно-историческое образование приносит в России щедрые плоды. Дух прошедших времён для историков, корневые традиции общественной психологии для писателей — всё это благодатная почва, рождающая выдающихся мыслителей, истинных лидеров в гуманитарных дисциплинах.

К слову сказать, этот же факультет несколько позднее окончит Юрий Иванович Селезнёв, пожалуй, самый известный в России литературный деятель — выходец с Кубани. В 70 — 80-х годах прошлого века Юрий Иванович, публицист, литературный критик, главный редактор серии «ЖЗЛ» для многих в СССР был нравственным

камертоном, прокладываям дорожки в будущее. На Селезнёвские чтения и сегодня ежегодно собирается цвет патриотического крыла российских писателей. Для всех участников этих чтений очевидно: Селезнёв и Лихоносов — крупнейшие литературные деятели XX века в России, которых дала Кубань. Жаль, сегодняшние университеты глухими стенами разгородили литературу, историю, философию и психологию, иссушив почву, рождающую глубокие интуиции и гениальные прозрения в гуманитарной сфере.

Послевоенная Кубань в конце пятидесятых переживала переселенческий бум. Канули в Лету прежние социальные группы казаков и иногородних, напряженные отношения между которыми многие прошлые десятилетия давали местному сообществу жизненную энергию. Глубокие раны рассказывания и раскулачивания, голодомора и насильственной коллективизации ещё большей кровью как-то притупила война. В благодатный теплый край устремились бывшие солдаты, прошедшие здесь военными дорогами, потихоньку возвращались по разным поводам выжившие депортированные или приезжали просто наслушавшиеся историй про сытный край, где яблоки и груши, вишни и абрикосы растут прямо на улицах, ешь — не хочу.

Любим приезжим, особенно издалека, с Урала или Сибири, сразу бросались в глаза отличия прежде всего в человеческих отношениях. Людская открытость, готовность прийти на помощь, стремление к общению и коллективному действию привычны в суровых малолюдных краях. На Кубани всё так, да не совсем так. Дружили группами выдержавших проверку временем, к приезжим долго присматривались и уж точно не радовались с порога. Если к этому добавить ещё и курортно-базарную пестроту окрестностей Анапы, где стал преподавать в сельской школе молодой Виктор Лихоносов, то можно представить охватившие его душевное смятение и тоску. Собеседника приходилось искать где-то там, в будущем времени, в неизвестно каком краю — это ли не лучший повод взяться за перо.

Возможно именно здесь корни того радостно-печального и глубоко внутреннего звучания его прозы, когда только с «брянскими стариками» и можно поговорить или помолчать. Словно раненая птица, он погружается в мир собственных переживаний, где всё взаимосвязано, где важны тончайшие нюансы, где одушевлены и лес, и речка, и дом со старой дверной ручкой, ожидающей прикосновения. В этом мире не доминирует бытовая суета, здесь трижды думают перед тем как сказать, чтобы, не дай Бог, не уколоть, а потому подолгу молчат. О, как красноречивы эти паузы!

Удивительное дело, именно на волне такого настроения В.И. Лихоносов, можно сказать, ворвался в советскую литературу 60-х годов, избежав стандартной рутины публикации в периодических сборниках региональной писательской организации. Его первый рассказ «Брянские» был опубликован А. Твардовским, тогда главным редактором «Нового мира», в далёком 1963 году. Далее последовал целый ряд повестей, вышедших в издательствах Москвы, Новосибирска и Краснодара, избрание в члены Союза писателей СССР.

В рассказах и повестях первых лет творчества Лихоносов рисует хорошо знакомый ему мир современников — впечатления юности, переживания молодых лет, волнения от путешествий по памятным литературным местам. Читателя, впервые открывающего его произведение, сразу поражает своеобразие авторского стиля писателя. Прежде всего это отсутствие лихо закрученного сюжета, когда можно быстро читать через строчку, поскольку само развитие действия и представляет главный интерес. Здесь не так, здесь надо тормозить, начать вчитываться в каждое слово, с удивлением обнаруживая, как начинает прорисовываться визуальный образ, как начинает звучать закадровая музыка, создавая настроение. Здесь радость смешивается с сожалением, восторг сменяется печалью, а сам автор любовно сшивает страницы-картинки в один симфонический поток.

Петр Мамонов записал «Брянских» в соб-

ственном исполнении с тщательно подобранным музыкальным сопровождением. Сам Виктор Иванович часто называл свои книги аккордами, словно ассоциируя периоды собственной жизни с музыкальными произведениями. Его тексты удивительно звучат, особенно хорошо в авторском исполнении — медленно, протяжно, давая слушателям время представить картину в деталях и целиком.

Лихоносов не стремится формулировать правила жизни и не пытается учить наставлениями, он не ёрничает и не иронизирует, а просто внимательно рассматривает самоцветное жизненное полотно, радуясь доброму, живому, плодородному, досадуя на злое, беспамятное и кичливое. Душевный настрой автора передается читателю, заставляя остановиться, осмотреться, улечься мыслями в прошлое, вдруг увидеть настоящее, задуматься о будущем как-то по-новому, тепло и со смирением...

Виктора Ивановича справедливо считают мастером интимной прозы, причем в самом сокровенном, глубоко личном аспекте, когда внимание автора целиком направлено на внутренний поток сознания, на водовороты помыслов, на разрозненный рой мыслей. Его тексты порой напоминают произведения монахов-пустынников и отцов-исповедников, совершавших свои аскетические подвиги в единственной цели — спуститься на самое доньшко собственной души, осветить Божественным светом самые тёмные уголки, очиститься постами и молитвами. Такого рода самопознание всегда было сильной стороной русского ума, погруженного в сердце. Именно такие тексты навсегда остаются в сокровищнице человеческой культуры, тогда как все эмоционально-тревожные вымыслы просто пополняют исторический паноптикум.

На Кубани сама судьба вела писателя по историческим тропинкам, приоткрывая завесу мира ушедшего, засыпанного обломками революционных катастроф, с которым оборвалась естественная связь времён. Здание местной школы, где пришлось учительствовать Виктору Ивано-

вичу, в селе Новопокровском Крымского района оказалось бывшей усадьбой наказного атамана Кубанского войска, графа Феликса Николаевича Сумарокова-Эльстона, человека загадочного происхождения и интересной судьбы. Многие хутора в округе были основаны ещё в начале века казаками-старообрядцами, греками-переселенцами из Турции и Грузии. Частые поездки в соседнюю Тамань, где всё пропитано историей с античных времен, где соприкасается Европа с Азией, а само лукоморье Таманского залива символизирует вечность, уходя за горизонт. Всё это заставило Лихоносова засесть за «Историю Российскую» Василия Никитича Татищева, глубоко пропитанную личностным широким взглядом равнодушного гражданина.

Интерес к истории края, ставшего писателю второй родиной, проснется позднее, в начале семидесятых, когда постепенно возникло и возросло желание поклониться земле Кубанской. Земле, которая приняла и выучила, дала кров, поправила здоровье и которая только-только стала открывать свои сокровенные тайны и совсем не древнюю, но основательно присыпанную бурными событиями последнего века, славную историю казачества.

В конце семидесятых Виктор Иванович на пять лет замолчит, погрузившись в архивы и в газетные подшивки начала XX века, встречаясь с потомственными казаками, с еще бодрими старушками, окончившими Мариинскую гимназию и прекрасно помнившими старый Екатеринодар. Краеведы и писатели хорошо знают, какая это удача — встретить живого носителя прошедших времен, которого само провидение оставило жить. Жить иногда до ста лет, чтобы успеть рассказать, передать, растолковать, оживить давно ушедшие образы. Порой поражает это свойство человеческой памяти воспроизводить в тончайших деталях хронику своих молодых лет, помнить эмоциональную окраску бурных тектонических событий в жизни страны и надеяться, что всё это не просто так, что всё это понадобится, кому-то поможет, кого-то спасет.

Про такого человека, найденного писателем, рассказывал сам Виктор Иванович:

— Роман о Екатеринодаре я закончил в 47 лет. На меня повлияло всё живое, а уж потом я орошался в архиве. Попсуйшапка — вот виновник моего замысла! В жизни у него фамилия Чернецкий. Он умер на 102-м году в один день с Шолоховым. В простом народе есть свои великие фигуры. Василий Афанасьевич словно получил послушание: не только назубок помнить то, что все забыли или прокляли, но всей своей натурой, всем своим видом это показывать. В чистеньком полотняном костюмчике, в такой же фуражке а ля приказчик, интонацией речи, движением рук, даже тем, как берет чайную ложечку или мажет масло на хлеб, а самое главное — понятиями о доброте, чести и совести, соблюдением семейных традиций, сознанием роли государей в строительстве России, удивительным трудовым нравом и многими другими устаревшими тонкостями очаровал он мою интуицию и кое-какие знания об истории так, что душа моя воскликнула: вот такими были люди! вот такой была Россия! И с 1971 по 1983 год я ездил по станицам и расспрашивал последних «рэпанных» казаков и наслаждался встречами с Василием Афанасьевичем Чернецким-Попсуйшапкой. А писал всего пять лет.

Роман «Ненаписанные воспоминания: Наш маленький Париж» увидел свет в 1986 году и был встречен благожелательно критикой и читателями. В обществе уже полным ходом зрели перемены, пересматривалась история революций и гражданской войны, из идеализированных образов прошлого пытались сконструировать очертания грядущего. В этих условиях лирико-эпическое полотно Лихоносова сыграло свою очевидную роль. Нарисованная писателем разноцветная пестрота и бурная многослойность жизни старого Екатеринодара, его уверенный естественный рост, сменившийся ужасным водоворотом из миллионов покалеченных судеб, всё это создавало в душе читателя немой вопрос — зачем? Как такое могло случиться? За что? Тогда, тридцать пять лет назад, на фоне казавшейся унылой и безликой черно-бе-

лой картинке «развитого социализма» вопросы звучали особенно актуально.

Вскоре последовала перестройка, ясно обозначившая тупик, куда в 17-м году свернула страна, пойдя по братоубийственному безбожному пути. При этом выяснилось, что за времена железного занавеса и насильственного насаждения догматической идеологии марксизма у нас не родились ни духовные лидеры, ни моральные авторитеты, способные очертить привлекательные контуры грядущего. В результате последовал обратный передел собственности (строго по Марксу в качестве панацеи от всех бед). Вновь пришлось заплатить огромную цену, и кто знает, то ли за то, что тогда свернули в братоубийственный тупик, отказавшись от Христа. Более того, нет никакой уверенности, что вновь не свернули в новый тупик.

Похоже, человеческая мистерия вовсе не описывается красками материализма, даже если он и диалектический, и мы вслепую бродим по местности с негодной картой. Однако тупики схематических построений направлений общественно-го развития и нищета социологических теорий, к счастью, не способны остановить поступательный ход русской цивилизации. Жизнь берёт своё, с новыми поколениями рождаются новые надежды, а на расстоянии взору предстает ретушированная картина прошедшего.

Появляются приметы нового времени, страна в поисках пути всё чаще обращается к собственным корням, к проверенным временем традициям. Только через них живой организм может напитаться силою былинною, почувствовать крылья окрепшие и обрести отвагу богатырскую. Уходят в прошлое 90-е годы, когда из каждого приемника звучала чужая музыка, притягательная как всякий запретный плод, созревший за время глупой принудительной аскезы. Всё чаще можно услышать задорные голоса казачьих радиостанций, аудитория которых быстро растет в последнее время.

Несколько лет назад Музыкальный театр ТО «Премьера» им. Л.Г. Гатова поставил музыкально-драматический спектакль по мотивам романа «Наш маленький Париж», автор инсценировки

и режиссёр Н. Панин, дирижёр-постановщик В. Карклин, художник-постановщик Т. Баранова. Получилось яркое мозаичное полотно из фрагментов романа, позволившее погрузиться в пестроту старого Екатеринодара, восхититься харизматичными типажам казачьей столицы и вновь пережить трагедию гражданской войны. Несмотря на специфику жанра, авторам удалось главное — сохранить лихоносовский пафос, его восхищение многоцветьем жизни казачьей столицы и его немой вопрос о бессмысленности братоубийственной войны.

В 2009 году в Краснодаре состоялся конкурс на лучший эскиз «Жители города Екатеринодара» в жанре городской скульптуры. Победила композиция из пяти фигур жителей старого города, созданная по мотивам образов романа «Наш маленький Париж». В наши дни в мэрии города обсуждаются предложения по созданию тематического парка «Старый Екатеринодар». Есть несколько вариантов для лучшего выбора подходящей площадки, однако для многих очевидно — без героев Виктора Лихоносова тут не обойтись. Ничего более мощного в духовно-нравственной плане, более убедительного и талантливого по своему художественному решению пока не создано. Сегодня, пожалуй, только песенное творчество Кубанского казачьего хора и роман «Наш маленький Париж» ярчайшим образом достойно представляют традиционную историческую Кубань на российском культурном просторе.

Как же ему это удалось? Совсем молодым человеком приехать на Кубань из далёкой Сибири, четким душевным камертоном прислушаться к обрывкам фраз и далёким голосам из обломков прежней жизни, полюбить всё это и открыть для нас. Скорее всего удалось потому, что Виктор Иванович был среди тех душевно чутких, кто бережно сшивал разорванное полотно народной жизни, кто каялся за нас и связывал поколения, кто просил прощения, ибо чувствовал, что без покаяния ничего хорошего не будет. Все, живущие сердцем и чувствами, думают также, хочется верить, что их уже нельзя обмануть фальшивыми песнями о построении рая на чужой беде.

Все великие нации бережно относятся к своей истории. Они уже пережили тяжёлые моменты в судьбе, когда на помощь приходили давно забытые архетипы прошлого, вновь звучали страстные боевые кличи прежних времен, появлялись одежды, знакомых еще по детским книжкам цветов и форм. Во время последней мировой войны японцы, прячась от бомбёжек в метро, читали забытый на столетия кодекс самураев «Хагакурэ». Англосаксы не раз возвращались к императиву «сдохни, но сделай», рожденному еще во времена корсаров и подходящему для трудных времен. Такого рода образы не случайны, они прорастают из глубочайшего ядра нации, они концентрируют и направляют объединенную энергию на решение возникших проблем способом, характерным именно для этой нации. Фактически, это составляющие национально духовного капитала, роль и значение которого трудно переоценить.

Из географических названий земель российских всегда понятно — это край или область. Пограничный характер краёв всегда диктовал свою особую внутреннюю политику, основанную на постоянной мобилизационной готовности всех там живущих, будь то Сибирь, Урал, Дон или Кубань. В результате время сформировало этот привлекательный психологический образ — культурный концепт казака — воина-землепашца, живущего по окраинам державы. Он удивительно подходит к наступающим временам грядущих потрясений, когда каждый чувствует себя на краю и когда нигде нет спасительной глубинки. Да, опасно, да, страшно, да, можно погибнуть в бою, но мы не перестанем сеять и пахать, любить и растить детей, радоваться жизни, верить и надеяться, поскольку с нами Бог и Государь. Образы казаков, их удалые песни и танцы, вселяют уверенность, гонят прочь тоску и уныние, являются эталоном душевного здоровья на все времена.

* * *

Плавню, размеренно идёт утренняя служба в Скорбященском храме. Горящие свечи отражаются в золоте икон, не-от-мира-сего запах ладана

отсекает городскую суету, а бесстрастные голоса чтецов деликатно направляют твой бесконечный внутренний монолог. Здесь Виктор Иванович частенько сидел, погруженный в свои мысли, в узеньком боковом приделе алтаря, поджигая коленки от снующих мимо алтарников. Поднимал глаза, только когда подходил кто-либо из уважаемых прихожан, также допущенных сюда настоятелем, или врвался, сам отец Алексей Касатиков, порывистый, весь в блестящей развевающейся фелони. Троекратно прикладывался к белоснежной голове Виктора Ивановича, ласково кивал, взмахивал кадилом по углам и мчался дальше по храму.

Сюда, в старейший, видевший ещё императора Николая II храм во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», Лихоносов приходил каждое воскресение. Здесь как-то тепло, соразмерно, уютно, а вокруг старинные корпуса городской больницы, надёжно защищающие от шума центра города. Здесь он отдыхал душой, здесь выражения лиц прихожан, о которых мечтал, здесь реально восстановлена традиция прежних времён, о которых писал и о которых тосковал. Именно здесь нынешние горожане набираются духовных сил идти «узкими вратами»...

Правда, это и было почти всё хорошее, по мнению Виктора Ивановича, принесённое новыми временами. Его не обманывали яркие витрины, показушное изобилие или заморские имена гостиничных небоскрёбов. Как истинный представитель писателей-«почвенников» Лихоносов не анализировал, а органично погружался в окружающую жизнь, главным образом в её духовно-нравственный аспект. Для него было важно не сколько кто денег скопил, а на что потратил, кому помог. Возвёл небоскрёб, а не снес ли историческое здание? У новичков всегда выяснял: с каких краёв? каких кровей? где служил? Он мог прийти к важному чиновнику, попросить денег на издание очередной книги, а потом раскритиковать его в каком-либо интервью или за то, или за другое, но особенно за забвение памяти предков или за неуважение к радателям общего дела. К нему

привыкли, деньги давали неохотно, в рыночный прейскурант по созданию общественного мнения он не вписывался.

Совсем недалеко от храма, в двух кварталах, размещалась редакция литературно-исторического журнала «Родная Кубань». Здесь в маленькой комнате на первом этаже, куда чудом втиснули четыре письменных стола, Виктор Иванович служил главным редактором восемнадцать счастливых лет. Одно дело — копаться в пыльных архивах, а совсем другое — беседовать с живыми свидетелями ушедших времен, их детьми и внуками, хранителями бесценных воспоминаний, семейных реликвий, старинных фотографий.

Таких было великое множество, вернувшихся из заграницы, истомившихся в необходимости скрывать истории своих родов, радующихся возможности отдать долг памяти и слиться с собственными корнями. Шли поверившие лично ему, автору «Нашего маленького Парижа», где с такой любовью выписаны жители старого Екатеринодара, причем уже не с «классовых позиций», без деления на своих и чужих, с горьким сожалением о миллионах загубленных судеб и душ.

В редакцию частенько заходили друзья — коллеги по писательскому цеху, краеведы — Леонид Пасенюк, Виталий Бардадым, Айтёч Хагуров, Владимир Шкуро, казачий атаман М. Тищенко и многие-многие другие. Присаживались рядом, слушая очередного потомка казака то ли из Бриньковской станицы, то ли из Пластуновской, задавали вопросы, подсказывали фамилии и даты, ободряя рассказчика взглядами и репликами. Иногда стол главного редактора аккуратно застилали старыми газетами, раскладывали хлеб, сало, прочую принесённую снедь, заваривали крепкий чай, а порой и раскупоривали бутылочку чего-нибудь крепкого. На уже немолодых лицах проступал румянец, задорно блестели глаза, а услышать можно было такие истории, что поверить не возможно.

— Я никогда ничего не придумывал, — любил повторять Виктор Иванович.

Да и зачем придумывать, лучше сохранить

правду жизни, даже если и не можешь пока это все осмыслить.

В результате упорной, многолетней работы Виктора Ивановича Лихоносова на посту главного редактора литературно-исторического журнала «Родная Кубань», его коллег по редакции: Александра Федорченко, Павла Гаврилова и многих других — собран уникальный исторический материал. Это полторы тысячи страниц тщательно подобранных, отредактированных и сверстанных в «Заветную книгу» бесценных текстов, охватывающих все основные этапы истории Кубанского казачества XIX и XX веков.

Открывает книгу раздел «Кубани верные сыны», посвященный тесно связанным с казачьим краем выдающимся военачальникам, таким как наказной атаман и писатель Я.Г. Кухаренко, генерал от артиллерии В.Ф. Белый, и целому ряду других, чьи судьбы уникальны, ратные дела достойны, а личности — всероссийского масштаба.

Отдельные разделы книги включают в себя интереснейшие истории старинных казачьих родов, в том числе и хлебнувших горького хлеба чужбины, и переживших трагедию возвращения в родные края. Раздел «Народный архив» содержит множество интересных фактов и отдельных событий из хроник Кубанского края от приезда российских самодержцев до строительства крепостей, городов и мостов. Однако во всём заботливо собранном писателем материале нет и следа тематической казённой заданности, каждый раздел «Заветной книги» — это яркий, талантливый, ли-

тературно совершенный текст, освещающий совершенно конкретные обстоятельства и события.

В результате мы имеем огромное полотно истории Кубанского казачества, тщательно художественно выписанное многими авторами, воздействующее своими невыдуманными историями прежде всего на сердце и душу читателя. Хотя имеем — громко сказано, пока это компьютерный набор текстов, который мало кто видел. Почти десять лет Виктор Иванович обходил кабинеты начальников, нынешних и бывших, рассылал письма во всякого рода фонды в несбывшейся пока надежде получить средства на издание «Заветной книги».

За свою долгую творческую жизнь писатель удостоился многих наград, стал лауреатом многих премий, среди которых Государственная премия РСФСР имени Горького, премия Союза писателей СССР, премия «Ясная Поляна», Большая литературная премия России, Бунинская премия, Патриаршая литературная премия и многие другие. Однако в последние годы Виктор Иванович более всего мечтал поддержать в руках новенький, еще пахнувший типографской краской экземпляр «Заветной книги». Он верил, что эта книга тугим узлом свяжет разорванные революцией и гражданской войной нити исторической судьбы Екатеринодара. Без этой связи со своими корнями, без осмысленного покаяния за миллионы загубленных душ трудно ожидать духовно здорового роста и развития нашей родной Кубани. ■

ЛЮДМИЛА ХОРЕВА

Родилась в 1953 году в станице Придорожной Краснодарского края. В 1975 году окончила филологический факультет Кубанского госуниверситета, кандидат наук, доцент кафедры публицистики и журналистского мастерства. Публиковалась в «Родной Кубани» и других СМИ. Живёт в Краснодаре.

ПРОСТОДУШНАЯ ИГРА. ПАМЯТИ ВИКТОРА ЛИХОНОСОВА

*...Без возврата
Сгорим и мы, свершая в свой черед
Обычный путь, но долго не умрет
Жизнь, что горела в нас когда-то...
И. Бунин. Огни небес*

В преддверии осени закончился в Тамани земной путь Виктора Ивановича Лихоносова. Видимо, как и его герой Степка, «Тамань он берег для одиночества» [1], но оно оказалось особого, горестного для нас всех свойства...

В Тамани теперь есть поклонное место, куда будут приходить родные, близкие и почитатели раздумчивого таланта писателя, таланта говорить проникновенно, необычно о литературе, о высоких переживаниях, иногда с мягкой укоризной и наставлениями к молодежи. За пять последних ежегодных встреч на конференциях его имени мы привыкли к негромким его беседам об убегающей жизни, которую он останавливал на минуту, всматривался в нее, а потом в чуткой тишине аудитории наговаривал, нашептывал уже срывающимся голосом пожилого человека о ее глубине, перипетиях и тонкостях, — редко кто из нас видел ее так, как виделось ему.

Эта манера всматриваться в проходящее мгновение сложилась у Виктора Ивановича еще в молодости, в начале писательского пути: «Всюду нас провожали, от сердца говорили прощальные слова, и я на всех глядел, всех слушал с растроганным чувством: оглянись! запомни! через минуту не будет!»; «Только что жившее стало былым, прошлым, и от сознания "было, не вернется" обострялись мысли» [1]. Писателю всегда приходится задним числом сообщать нам о том, что он узнал, испытал, почувствовал, о чем думал и грезил. «Я сижу сейчас дома сентябрьским вечером и передаю слова друга в своей обработке и, отрываясь, не покидая мысленно осень того года в Тамани, той ночи, с испугом и

сожалением думаю: где та ночь? Мы ли там были?» [1].

Историк и филолог, в этих ипостасях Лихоносов оставался в своих произведениях всегда. Так глубоко и тонко чувствовать дыхание времен и времени дано было ему не только образованием, но и Провидением. «Оба мы начитались древних книг и уже не могли представить своих неведомых дней без нового соединения с прошлым» [1]. Он видел в дали веков отголоски настоящего, ему было нетрудно с любым человеком говорить о личностях, делавших, как он считал, историю, кем бы они ни были...

В мою первую (по совершенно прагматичному поводу) встречу с Виктором Ивановичем в 2003 году у него в редакции «Родной Кубани» он, узнав, что я родом из станицы Каневской, легко сменил тему и стал выпытывать у меня, о ком из каневских, чепигинских, новоминских казаков я знаю, называл имена, фамилии, прозвища и не удивился, что я их впервые слышу. Удивилась я — для него они были живые, непридуманные, настоящие; он рассказывал, чем они знамениты, почему их скромные имена стоит помнить... Мне пришлось и устыдиться: так далеки были эти факты о малой родине от моих не только бытовых, но и профессиональных занятий... В тот раз он надарил мне журналов за двухтысячный год со своими автографами, и я ушла знакомиться, читать, о чем же пишут в «Родной Кубани». Нашла несколько известных имен авторов, а в третьем номере прочла о Кирилле Россинском — с удовлетворением, поскольку преподавала в то время в вузе его имени и, будучи сотрудником редакционно-издательского отдела, готовила о нем материалы для печати. Но еще больше в журналах встречались совершенно незнакомые мне и далекие имена, открывались необычные рубрики, неожиданные ракурсы литературной истории нашего края. Материалы были разноплановыми, интересными, дополняли ту общую историческую картину, которая в моем представлении

была сформирована романом «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж»... «Увы, скучны нам летописи про какие-то походы каких-то князей на языке уже премудром. Но кто нам внушил, что они скучны, не важны мыслями и не отмечены тонкостью духовной? Поди разыщи теперь. И вот я, тоже небрежный, раскрыл впервые и не мог оторваться: щемяще-родным, горестным и прекрасным повеяло с полей моей отчизны!» [1].

В последней речи на июньской конференции этого года Виктор Иванович поднял тему игры в литературе. «...Эта игра в литературе мне вообще нравится! Она может быть очень серьезной, даже философской. Всё натужное, вымученное, взятое с потолка... я не принимаю в литературе. Я люблю всё живое! И мне, как Олегу Михайлову, нравится Алексей Толстой. Ведь он писал действительно играючи. И он написал роман «Петр Первый»!!! Он как-то живо это всё варил... и не потел, как многие... Вот это вот самое дорогое в творчестве... и результаты творчества... Потому что в литературе много вымученного, сейчас политически много вымученного. Эти нахмуренные лбы... высказывания, вечная серьезность, которую невозможно читать... А литература, искусство... как у Пушкина: всё серьезно, а как легко, как всё легко... Поэтому, если студентам захочется проверить меня, насколько я прав, прочтите сначала «Тамань» Лермонтова, чтобы знали, что ж там было в Тамани (это гениальное произведение, мы и в подметки никогда не будем годиться), а потом «Слепой мальчик». На этом же пятячке спустя полтора века какой-то выпивший старый писатель играет, притом серьезно играет, с двумя женщинами... Как эта в конце концов вещь выглядит? А может, она никуда не годится, не знаю...» (текст с видеозаписи публикуется впервые. — Л.Х.).

А в 1968 году 32-летний Лихоносков писал: «Напомнилось, что молодость моя прошла, и где же мудрость, причащение к тайне? В Тамани, в полях, на дорогах родимой стороны я так и останусь с сердцем ребенка. Ничего уже не свершу восхитительного, прекрасного, и это горько как раз в Тамани, когда отворяются в тебе уголки для счастливых грез!» [1]. Однако это «восхитительное, прекрасное» свершилось. Через полвека, 20 января 2018 года Виктор Иванович писал мне именно об этом:

«Весь январь растворяюсь в Тамани, пишу главу "Слепой мальчик", душа притомилась, просится отдохнуть, я распечатал черновичок и отвлекусь на другое, а потом внезапно вернусь на кручу или в хату Царицыхи и договорю последнее». И через несколько дней: «...Главу я не дописал, оставил наполняться чистой песчаной водой... Десять дней ничего не делаю, все перебираю записи и папки...» (1 февраля 2018 г.).

А ведь уже в той же «Осени в Тамани» настроением игры пронизаны многие строчки. Юмор, шуточки, насмешки, веселые взаимные подначки — у Лихоноскова это и называется игрой. Да, как в настоящей игре, всё по правилам, и нельзя нарушить, переступить черту, выйти за пределы негласно принятого, сказать что-то уж очень обидное, не дозволенное неписаными условиями.

«...Казак шел не спеша, как идут на оклик соседа, который часто просит займы.

— Ох и здоров казак спать! — кричал Степка, преображаясь. — В одних трусах ходишь, девок бы постыдил-ся.

— Та нехай подывлияться на мое сложение, — шлепнул казак ладонью по животу, заметил в ямке пупка арбузное семечко, прицелился и выщелкнул пальцем. — Тело мое еще справное, я год как занимаюсь по системе хачка-йогов и дуже похудел. Здравствуй, Степушка, казачок, я тебя, признаться, и не угадал.

— Где же тебе угадать, с утра лежишь взболтанный.

— Не, — отвёл казак подозрение. — С мая месяца не выпивал, а виноград еще не давил. Для гостей у меня, правда, есть. Проходите.

— Чего у тебя Антон Головатый стоит и не меняешь? Устал Антон: ветер, дождь, а он флаг держит, рука затекла. Сменил бы, за него постоял, а ему бы виноградного налил.

— Та он тогда с памятника соскочит и спляшет.

— А тебя, Юхимушка, наверное, рядом поставим или повыше, чтоб от Сенной видать?

— Насчет меня еще решения не вынесли. Я не скоро помру.

Малый и старый *игрались*... (курсив мой. — Л.Х.)» [1].

Так беседуют близкие по духу, понимающие друг друга люди, связанные большой любовью к истории родной земли, — Юхим Коростыль и Степка. Да и сам

автор в ремарках поддерживает дух игры — ведь он в той же связке.

Игрой пропитана и вся наша с Виктором Ивановичем нечаянная переписка, он и сам в этом признавался, что играет; возможно, таким образом он хотел предупредить мое не дай бог слишком серьезное восприятие его отношения ко мне, а скорее всего, в его привычке это воображаемое, милое, актерское всегда было и неизбежно проявилось в период написания «Слепого мальчика» и одновременно нашего знакомства.

«Неразгаданные дни. 4 августа 2018, 11.59. В разгар летний отпуск, но ни обыватели, ни разведчики всех стран и народов не заметили, что Людмила Николаевна Хорева где-то открыто появилась и удивила русский народ своей статьёй. Не вышла она на тайное чаепитие, на танцы в городском саду, на протестную акцию в связи с повышением табеля о пенсионном возрасте, не видели ее ни в трамвае, ни в троллейбусе, ни в злачном ресторане, ни в читальном зале Пушкинской библиотеки, куда захаживает потомок воронежских хохлов, — нигде не поколебала чужую душу ее святая тень.

Придется писать на нее жалобу. — В.Л. 4 авг. 2018, Стамбул — Карс — Ереван — Кизляр — Армавир — Краснодар».

На мой вопрос «Неужели вы за это время действительно проследовали по названному вами маршруту?» пришел ответ: «...Нет... Я *играюсь* (выделено мной. — Л.Х.). На два дня выбрался в Пересыпь и Тамань, проскочил туда-назад по великому Крымскому мосту и — домой. Все лето специально не выезжаю из города, караулю Вас на всех трамвайных и троллейбусных остановках, иногда по моей просьбе начальство останавливает движение, делает обыск в вагонах, но замечательной особы не находит, арест не осуществляется. — В.Л.».

Тональность менять было нельзя, мне и самой нравилась эта словесная игра в диалогах с необыкновенным человеком: «...У меня же проездной. Я невидимкой езжу, куда захочу... А арест — только добровольный... Назад я через пять дней (я была в Крыму. — Л.Х.) и снова Крымский мост буду проезжать ночью... Просто цепочка огней...» — «...У вас и вместо светлой любви... только цепочка туманных огней. НОЧЬЮ (выделено Лихоносковым. — Л.Х.) мост тоже хорош. И море, и просторы будут видны через год из железнодорожного вагона.

Потерпим. Всюду надо терпеть. Не только в любви... — В.Л.». — «Да. Всё вместо, вместо, вместо... Слышите, как стучат колеса вагона?»

В «Осени в Тамани» есть «мостик» в будущее, есть высказанная автором греза, которой было суждено сбыться через полвека в «Слепом мальчике»: «...По крошечке собираем. Никто не удосужился оставить нам хату казачки на память. Ужасно хочется провести ночь в этой хате, где бы только лавка да стены — ладно. Провести одну ночь в жизни» [1].

Ну кто же всерьез будет думать о том, что он ночует в той самой хате, где довелось быть Лермонтову полтора века назад?! А только тот, в ком живет предчувствие, ожидание тайны, в ком воображение может нарисовать любую реальную картину из событий стародавней жизни и перенести в нее, кто думает не только о том, кто в истории «кого завоевал, пленил, убил, в каком году покорили чью-то землю», но и о том, «как стоял кто-то на круче, глядел на Керчь и ждал родную душу... И в Тамани... Кто плыл к князю? Какая гречанка томила душу воину?» [2]. Вот он всматривается в холмистый горизонт, от которого ползет детской игрушкой катер, — «было ощущение, что катер подкрадывается к таманским кручам с какой-то тайной, которая заколдовалась в Керчи. В прежние, самые первые годы ожидал я чудного обмана, пришествия с палубы какой-то желанной незнакомой души» [2]. И в письме от 4 ноября 2017 г. Виктор Иванович тоже признавался мне: «Я Вас вспоминаю и думаю: "Чайку бы попить..." У меня нет никакой тактики, я готов с Вами по аллее в Ясной Поляне пройтись и в Вологде у Миши Карачёва посидеть... Все время ищешь родственную душу. Вот и вся тайна».

Рассказ «Слепой мальчик, ундина и черкешенка Аише» начинается с размышлений о юношеском выборе писателя, который определил всю его жизнь: «Славное время тёмной наивности! Оно выстроило мою судьбу и удостоило счастья побыть рядом с матерью до её глубокой старости <...> Всё-таки хорошо писателю укореняться там, где дремлет много преданий и загадок. Я и ездил сюда вздыхать по тёмной далёкой утраченной жизни» [2]. И вот опять через много лет писатель снова «тихий гость» Тамани... Скучая, ища ночлег, задавая себе вопрос: «Зачем я опять здесь?», он встречает разных давних знакомых и уже в первых разговорах с ними

настраивается на особый, шуточный, игривый лад.

Во дворе за калиточкой стоит и словно ждет писателя некая Надежда Семёновна.

«— Неужели меня караулите? Здравствуйте.

— А какой толк вас ждать. Где книга?

— В Пересыпи.

— А у меня в погребке вино вкусное, но не налью. Раз вы такой. Чего опять к нам? Каким ветром?

— Поволочиться за красотками, уговаривать их.

— Да они нынче сами уговорят.

— Не всякая. Моим красоткам изящно лгу я, приглашаю их на катере в Керчь, угощаю мороженым, плывём назад, и на берегу я понимаю, что дитя вежливо оставляет меня.

— Хочется вам приключений.

— Особенно бы в Тамани» [2].

Но настоящее приключение случается следующим вечером, ночью, когда две знакомые писателю девушки, похожие на черкешенок, две сестры, соглашаются, нарушив запреты музейного начальства, провести ночь в «хате Царицыхи» — в «той самой», в которой довелось ночевать когда-то Лермонтову. Лихоносов первым заговаривает «с милой таманской особой»:

«— А что это вы, черноокая и тонкая в талии, так вольно плаваете по синему морю? Чему она, казачка, радуется, что́ (акут мой. — *Л.Х.*) она, соблазнительная и, наверно, коварная, празднует в своей драгоценной жизни?

Она стояла вся радостная, довольная моей лёгкой игрой.

<...>

—...Побывать ночью в хате Царицыхи всё равно что закрыться в том старом времени. Кто-нибудь придумывал такое?

— Вы первый.

— И последний. А потому ключик от висячего замка припасите. В полночь я взберусь от берега к воротцам и буду с замиранием ждать, как от белой стены оторвутся две женские фигурки. Я, подобно слепому мальчику, буду с узелком.

Мы посмеялись... <...>

—...Протяните вашу белую ручку и поздоровайтесь со мной щёчкой. Кланяюсь. Не верится, что это вы. Такая небесная. Такое ощущение,

что вы мне изменяли целых пять лет.

— Даже больше, — весело поддержала она мою игру, тотчас допуская меня к себе. — Я не изменяла. Незачем. Вы приезжаете редко и ненадолго, мимо нас только пробегаете, и я не успеваю вас полюбить» [2].

Так, перемежая свое восхищение сестрами-красавицами с тайнами прежних времен и перипетий лермонтовского рассказа, автор, играя словами, событиями, именами, описывает в «Слепому мальчику...», как прошли эти несколько часов в тесной комнатке со свечой. «Я подносил к губам и опускал на колено бокал, подносил и опускал и глядел в темное окошечко. Кажется, я опять жалел всех, кого нету давно» [2].

Его героини тоже включаются в действие, с радостью подыгрывают, «невинно резвясь любовью друг к другу». Было ли это на самом деле или только придумано автором, дабы облачить его серьезные мысли в кокон воображаемых игривых диалогов, но читатель верит и невольно заражается их духом и принимает условия... В этой целомудренной игре столько чистоты, радости, любования, нежности, в ней столько новых и неожиданных красок — и всегда есть, как в любой игре, грань, за которую совершенно невозможно заступить. Да и рефрен из уст играющего писателя «Ничего, ничего душа моя не просит, кроме взгляда твоего...» подчеркивает бесхитростность игры, затеянной ради необыкновенных впечатлений и удовольствия.

«— Давайте эту ночь запомним. Я уеду, а вы останетесь тут с греками, хазарами, византийцами, турками. Ночей в Тамани было много-много, и одна из них досталась нам. Такая» [2]. Писатель предлагает спуститься к морю, поглядеть через пролив на цепочку огней Керчи, подняться по Сенявиной балке: «Я проведу вас тропками слепого мальчика, уж позвольте и мне поиграться. А ещё погуляем бережком от бывшей Турецкой крепости в сторону Фанагорийской, но до неё далеко, мы в Петренковой балке задержимся...» [2].

К слову приходится и история, найденная когда-то автором в архиве, — о тринадцатилетней черкешенке Аише, которую он, как признается, всегда вспоминает, проезжая мимо пустыря, где была Фанагорийская крепость: «Каждый раз (запомните и поревнуйте) тайной мелодией протянется мгновение (видите, как говорю), и я пожалею черкешенку Аише. Таманскую пленни-

цу, как написано на листе, "из черкес и наречённой Прасковиею"» [2]. История Аише волнует автора и его спутниц, они сокрушаются, что жизнь ее прошла для всех незамеченной, и «никто о ней не написал и уже не напишет». И опять это лихоносовское «растроганное чувство», всматривание в каждого, кто хоть как-то связан с местной историей и лермонтовским сюжетом из «Героя нашего времени», в чью жизнь вошло всё то, к чему и сам автор прикоснулся сердцем, дорогое и незабываемое: «Чудо: пленная черкешенка в Тамани! Повзрослела, вышла, может, за казака, жила, может, в Тамани до старости, а то и в Керчь перебралась, где-то упокоилась. Вот тут же по Сенявиной балке ходила, у хаты Царицыхи бывала. Она меня умиляет, я жалею её, слепой мальчик тоже слышал о ней, в станице-то той дворов чуть-чуть было... <...>

Но вы ещё не знаете самой главной загадки... <...> был в церкви слепой звонарь, старик, говорили, что тот самый, из повести мальчик с узелком. Всегда буду жалеть, что не жил тогда рядом... Или хоть бы до войны...

<...> Слепой мальчик с узелком, какие-то контрабандисты, зачем-то дитя Аише на судёнышке, что, как, почему — тайна навеки. Вот чего не знали Лермонтов с Печориным...» [2].

С замиранием сердца читаешь эти строки, в которых столько грусти, оттого что от той лермонтовской истории остались лишь призрачные следы. Интерес к реальным людям и событиям время от времени вспыхивает и у автора, и у его спутниц. И вновь игра, метафора просачивается в беседу писателя и сестер, похожих на черкешенок, в их размышления о его непрерывной связанности со слепым мальчиком:

«— Да думаю: сколько тут народу прошло... через Тамань-то. А вы один водите за собой слепого мальчика,

звонаря (курсив мой. — *Л.Х.*)... Вы один...» [2].

И надо отдать должное никогда не ослабевавшему горению Виктора Ивановича Лихоносова в постижении тайны «хаты Царицыхи», «слепого мальчика», «ундины». Он не раз писал [3] о новых находках, хоть и мало они открывали завесу неизвестности над героями и прототипами лермонтовской «Тамани»...

Стремление раскрыть тайну — это тоже игра, это осмысленное действие, она бывает томительна, но увлекательна, интригует и держит своей недосказанностью. И мотив игры, как считают теоретики игры, лежит не в результате, а в самом процессе: игра способствует поддержанию в человеке хорошего самочувствия, доставляет радость сама по себе [4]. Я объясняю стремление Виктора Ивановича Лихоносова к игровой манере в повествовании и реальном общении еще и тем особым состоянием, качеством, которое он так ценил в человеке и которым обладал сам: «Самые приятные отношения — простодушные...» (20 января 2018 г.); он предупреждал: «...Излишняя осторожность... не позволяет жить просто так...» (12 апреля) и советовал: «Даже в осторожности нельзя терять простодушия» (13 июня). Простодушие проявляется в искренности, сердечности, чистоте помыслов, доброте и бесхитростности и вместе с доверием «игроков» друг к другу и взаимной симпатией позволяет сохранять высокие отношения...

Остается с благодарностью, грустью и трепетным сожалением об утраченном перечитывать и обдумывать написанные рукой великого лирика нашей эпохи шуточные и серьезные, полные искренних признаний и мудрых советов строки. ■

Август, 2021

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Лихоносов, В.И. Осень в Тамани : повесть. — URL: <https://rospisatel.ru/osen%20v%20tamani.htm> (дата обращения: 22.08.2021).
2. Лихоносов, В.И. Слепой мальчик, Ундина и черкешенка Аише // Литературная Россия. 2021. 29 апр. (№ 16).
3. Лихоносов, В.И. Тайна хаты Царицыхи // Лихоносов, В.И. Волшебные дни : статьи, очерки, интервью. — biography.wikireading.ru/281778 (дата обращения: 22.08.2021).
4. Национальная философская энциклопедия. — URL: <https://terme.ru/termin/igra.html> (дата обращения: 22.08.2021).

ЮРИЙ КОЗЛОВ

Родился в 1953 году в Великих Луках. Работал в журналах «Юность», «Огонёк», газете «Россия». Главный редактор «Роман-газеты». Автор романов «Колодец пророков», «Почтовая рыба», «Враждебный портной», «Новый вор», повестей «Геополитический романс», «Коридор», «Белая буква» и др. Живёт в Москве.

РУССКАЯ ИДЕЯ В ПОНИМАНИИ ЮРИЯ СЕЛЕЗНЁВА

Жизнь, творчество, гражданскую позицию Юрия Селезнёва определяли три важнейшие для него вещи: литература, политика, русская идея.

Он сформировался как личность, как литературовед, историк, философ во второй половине шестидесятых — начале семидесятых годов. Казалось бы, это было спокойное время, но Селезнёв обострёнными чувствами ощущал подземный гул, пророчески угадывал грядущие грозные события. В этом его уникальность. Критики-единомышленники: Ланщиков, Кузьмин, Лобанов, Кожин, Чалмаев, Семанов — тоже работали над осмыслением русской идеи, синтезировали её с политикой и литературой. Но, в отличие от них, Селезнёв предчувствовал не только беду СССР, но и грядущую трагедию основанной на христианских ценностях мировой человеческой цивилизации, частью которой, несмотря на коммунистическую идеологию, являлся СССР. Поэтому он ещё в семидесятых годах утверждал, что вселенская битва между добром и злом (он называл её Третьей мировой войной) уже идёт.

Селезнёв жил в сложное и интересное время, заложившее на десятилетия вперёд направления развития философии, архитектуры, режиссуры, монументального искусства и многих форм дизайна. Время расцвета неожиданных научных теорий и музыки «Beatles», молодёжных бунтов и поисков социальной гармонии. Время формирования буржуазного «среднего класса» и относительного материального благосостояния, смягчения классовых (по Марксу) противоречий. В конце шестидесятых годов американские астронавты высадились на Луну. Человеческая цивилизация, казалось, готова совершить качественный рывок в своём развитии, выйти в космос.

Собственно, и в СССР в это время в обществе происходили важные сдвиги. Победа в Великой Отечественной войне вошла составной частью в «русскую идею», сроднилась с ней. Мыслящая, патриотически настроенная часть общества по умолчанию соглашалась с тем, что победой в войне власть искупила многие грехи, доказала свою, пусть жестокую и командную, но народность. Коллеги Селезнёва — критики-патриоты — искренне верили в возможность русификации коммунистической идеи. Им казалось, что во власти идёт борьба между марксистами-либералами (они же интернационалисты) и марксистами-русофилами. Соратники Селезнёва считали, что у социализма должно быть «русское лицо» и работали в этом направлении, преодолевая сопротивление власти.

Спустя годы и Василий Белов, и Валентин Распутин с болью говорили, что никогда русский народ не жил так спокойно и материально обеспеченно, как во времена позднего СССР.

Селезнёв, живший и работавший в это «золотое время», смотрел дальше. Он видел, что «крат истории», как называл исторический процесс Гегель, начал рыть в другом направлении. Поэтому далеко не случаен был его интерес во время работы в издательстве «Молодая гвардия» к фантастике. В то время фантастика была уважаемым литературным жанром. В год в «Молодой гвардии» по редакции фантастики выходило до сотни книг. Была сформирована целая школа советской фантастики, во главе которой стояли Александр Казанцев и Иван Ефремов. Они тоже, как и критики-патриоты, верили, что социализм и коммунизм можно привить на древо русской идеи, на идеи русских философов-космистов — Николая

Фёдорова, Константина Циолковского, Даниила Андреева.

Ефремов умер ещё при советской власти, а Казанцев дожил до двадцать первого века и дал исчерпывающую оценку нового социального строя: «Всякая власть, сосредоточенная на деньгах, есть смерть». Сегодня научную, как раньше писали, фантастику заменило «фэнтези», зовущее читателя не в светлое будущее, а в тёмное сословно-феодално-монархическое прошлое. В последнее время к нему ещё добавился сильнейший цифровой уклон.

Существует конспирологическая теория, что откат от коммунистического проекта в СССР начался (в том числе) с постепенной замены на литературном олимпе таких авторов, как Александр Казанцев и Иван Ефремов на братьев Стругацких. Действительно, в квартире советского патриота Ивана Ефремова сотрудники КГБ устраивали обыски, в то время как произведения братьев Стругацких выходили миллионными тиражами. Эти авторы пристрастно исследовали несовершенство человека и общества, рассматривали фантастику как опрокинутое в будущее «либидо» цивилизации. Юрий Селезнёв, кстати, сразу разглядел это в их произведениях. Как и скрытый, но набирающий силу национализм в труде Олжаса Сулейменова «Аз и Я».

То есть, анализируя литературный процесс, Селезнёв как литературовед, историк и философ видел опасные для советского общества тенденции: космополитизм, отказ от национальных русских традиций; национализм окраин как угрозу существованию страны; исторический тупик социализма и коммунизма как общечеловеческой идеи. Здесь он отталкивался от Достоевского, у которого русская идея опиралась на так называемую всечелочечность народа. Пролетарский интернационализм был в своём роде негативом этой всечелочечности. Селезнёв понимал, что как только исчезнет обобщённый, сдерживаемый идеологией, интернациональный «советский человек», на просторах СССР начнутся распри и войны, что, собственно, и произошло. Каким

образом русская «всечелочечность» может воплотиться в объединяющую народ и власть идею, и вообще, насколько это возможно в современном ему советском обществе? На этот вопрос и пытался найти ответ Селезнёв.

«Русская идея» и Юрий Селезнёв — это очень интересная тема. В её поиске он продвинулся гораздо дальше многих исследователей, потому что опирался на труды двух самых гениальных пророков в нашей литературе — Достоевского и Лермонтова. Достоевский в «Бесах», в диалоге Иисуса Христа и Великого инквизитора, как будто заглянул в наше время и объяснил, через какие стадии разрушения пройдёт человеческое сознание, как и кем оно будет регулироваться и управляться. Как через тезис «всё разрешено» (Достоевский имел в виду то, что в его время понималось как грех, отклонение от нормы, нравственная и моральная катастрофа) невидимыми скульпторами (в главе про Великого инквизитора он называл их «мы») будет вылепливаться, создаваться тот самый новый — вненациональный, вненравственный, внеморальный, внесемейный и внекультурный, хочется добавить «цифровой» человек.

Ну, а Лермонтов видел в итоге этих превращений уже другого человека, в руке которого будет «булатный нож», и который, вероятно, уже будет постчеловеком, преодолевшим любые нравственные и физиологические запреты. То есть он тоже видел конечность цивилизации. Селезнёв хотел, но не успел написать книгу о Лермонтове. Он мучительно размышлял, какой в этом предсказанном двумя великими писателями будущем может быть русская идея, способна ли она, как мечтал Достоевский, спасти мир?

* * *

Достоевский велик своими прозрениями, но не столь велик в положительной программе. Его положительная программа — Иисус Христос, которого он почитал выше истины. Селезнёв осторожно, с поправкой на время, в котором жил, шёл в этом направлении — искал православные корни

в русских сказках, поддерживал ведущих русских писателей, хотя и не вполне разделял их мировоззренческую позицию. Он видел это противоречие. Своими произведениями Белов, Распутин, Астафьев, Шукшин, в общем-то, расшатывали, советскую власть, показывали её недостатки и не давали положительного идеала. Как, кстати, Достоевский в своё время власть царскую. Положительным идеалом у него был князь Мышкин в романе с говорящим названием «Идиот».

Власть же, как будто не замечала этой критики, давала Белову, Распутину, Астафьеву премии, объявляла классиками. Она прощала им критику социального строя за то, что сам русский человек в их произведениях выглядел далеко не героем: смиренным перед любой несправедливостью Иваном Африкановичем у Белова, дезертиром Гуськовым у Распутина, странными «чудиками» у Шукшина, ворами и пьяницами у Астафьева.

В то время как самого Селезнёва, который на примере Достоевского, выходил на куда более широкие обобщения, смотрел в будущее не только под прицелом, но и поверх «русской идеи», видел опасности иного — всечеловеческого — масштаба, она, власть, выражаясь сегодняшним языком, гнобила. Потому что чувствовала, что этот литературовед не считает её национальной, видит сквозь марксистский грим её двойное — космополитическое, либеральное — дно. Его сняли с работы за публикацию повести Владимира Крупина

«Сороковой день» и статей В. Кожина, А. Ланщикова, С. Семенова...

Селезнёв, как мало кто, понимал логику известного эпизода, когда Достоевский задал вопрос собеседнику, пошёл бы тот в полицию, если бы точно знал, что против какого-нибудь чиновника готовится террористический акт. Тот ответил, что не пошёл бы. И Достоевский признался, что тоже не пошёл бы.

Селезнёв, как и Достоевский, понимал, что люди добра изначально слабее людей зла. Вторые точно знают, чего хотят, и не боятся действовать и рисковать. Первые — сомневаются, думают, переживают, рефлексиируют. В этом плане и СССР, в сущности, первоначально был творением людей зла, а не добра. Потом он вроде бы стал перерождаться, и Селезнёв оказался внутри этой парадигмы: как повенчать «розу белую с чёрной жабой», то есть СССР с русской идеей и с православным пониманием добра. И, проявив самоубийственную честность, он пришёл к выводу, что сделать это практически невозможно. Он не верил в коммунистический суррогат русской идеи, как, вероятно, и сегодня не поверил бы в её полукapиталистический, полусоветский, полувизантийский суррогат.

То есть он вышел на осмысление проблем, над которыми спустя сорок лет после его смерти бьются мыслящие люди. В этом историческое значение Юрия Селезнёва как русского критика, философа и мыслителя. ■

ИРИНА УШАКОВА

Родилась в Оленино Тверской области. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», корреспондент интернет-сайта «Столетие» и газеты «Слово». Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор книг «Пробуждение», «По велению ранней весны», «Народная школа Рачинского» и др. Живёт в Москве.

МИХАИЛ ЛОБАНОВ И ЕГО УЧЕБНИК «ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ РУССКОЕ СЛОВО...»

Сегодня все, знакомые с преподаванием словесности, и даже сами старшеклассники признают, что система ЕГЭ и реформирование образования последней четверти века, в том числе сокращение часов литературы и истории в школах и вузах, разрушили систему филологической школы.

Поэтому главная задача для современной России — восстановить целостное представление о русском языке, об отечественной истории и литературе, из которого вырастает национальное самосознание, а также о зарубежной литературе, должным образом формирующей кругозор человека. Только при этом условии мы сможем снова воспитать поколения учёных, врачей, военных, космонавтов, сможем уверенно говорить: «наша медицина», «наша школа», «наше сельское хозяйство», «наша наука» и так далее.

Работая в начале нынешнего года по просьбе Союза писателей России над списком книг для школьников (<http://pisateli-rossii.ru/spisok-rekomendovannoj-literatury-dlya-shkolnogo-obrazovaniya/>), я не могла не обратиться к огромному литературоведческому багажу, накопленному и осмысленному Михаилом Петровичем Лобановым, которого по праву признают патриархом отечественной патриотической мысли 60 — 80-х гг. XX века.

Михаил Лобанов — русский человек из поколения 1920-х годов, которое вынесло на своих плечах, добыло Победу в самой страшной войне в истории человечества. В начале января 1943 года из десятого класса средней школы на

Рязанщине он был призван в армию, семнадцатилетним участвовал стрелком в боях на Курской дуге, был тяжело ранен осколком мины, награжден боевыми орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

В послевоенное время именно они, фронтовики, люди чести, стали учителями и врачами, рабочими заводов. И всё, что вызывает у нас ностальгию по советскому прошлому, связано с этой Победой, с этим временем победителей.

Биография М. Лобанова (не стану её здесь пересказывать) органично связывает его творчество с творчеством великих наших классиков от Пушкина и Лермонтова до Сергея Есенина и Николая Рубцова: горькое переживание народной судьбы, предельное ощущение причастности к истории своей страны, масштабность исследовательской мысли.

Во многих своих статьях, воспоминаниях, письмах Михаил Петрович говорит о матери. Мать Михаила Петровича воспитала своих шестерых детей и пятерых детей покойной подруги. Все они достойно вошли в жизнь, получили образование. В самые голодные годы его матери предложили из барачной комнаты в общежитии переехать в большой дом раскулаченной семьи. И она отказалась — на чужой беде счастью не быть. Это к слову о характере человека. Любовь к правде, обострённую совесть Михаил Петрович вынес из семьи.

М.П. Лобанов из крестьян Рязанской губернии, из довоенной и послевоенной нищеты. Он поступает в МГУ, оканчивает в 1949 г. филоло-

гический факультет, защищает в 1959-м кандидатскую (по своей книге «Роман Л. Леонова "Русский лес"»), более полувека преподаёт в Литературном институте им. А.М. Горького.

С 1960-х гг. М.П. Лобанов становится одним из ведущих литературных критиков. Особо ценен был его самостоятельный взгляд. Известные статьи М. Лобанова в журнале «Молодая гвардия», когда под предлогом интернационализма снова поднялась волна борьбы с русской национальной культурой и православными традициями народа, вызывали негодование партийных прихлебателей и либеральной прессы за свою приверженность русскому духу, русской почве, русской традиции (напр., получившая широкий общественный резонанс не только в нашей стране, но и за рубежом, статья «Просвещённое мещанство», 1968).

Широко известные книги М.П. Лобанова «А.Н. Островский» (1979, 1989) и «С.Т. Аксаков» (1987, 2008), выходявшие в серии «ЖЗЛ», раскрыли духовный смысл творчества этих писателей и вызвали острую реакцию, идеологические обвинения (с ортодоксально-марксистских позиций) в идеализации прошлого России, «славянофильстве», «антипартийности». Либеральным критикам было чуждо заложенное в этих книгах реальное отражение действительности царской России, а также православное сознание самого автора, его глубокая связь с отечественным прошлым. Но даже они вынуждены были отдать дань его таланту, его «завидному слогу».

Ценно в педагогической практике М.П. Лобанова то, что литературу он преподавал в тесной связи с историей. Это было присуще русской методике преподавания. К примеру, А. Майкова и в дореволюционной, и в советской школе читали не только «Весна, выставляется первая рама», но и «Емшан».

И на примерах древнерусской литературы, и на примере «Войны и мира» М. Лобанов старается показать суть русского характера: жертвенность, желание послужить Богу и Отечеству, кротость, смирение, терпение. Идёт ли по этому

пути современная литература?! Говоря в начале учебного курса о «Слове о полку Игореве», Лобанов представляет это произведение как изначально обозначившее судьбу русского государства, которое «куёт беды», как отметил духовный подвижник уже нашего времени.

Нынешние школьные учебники литературы вовсе не располагают учащегося к познанию своего Отечества через художественное слово. А как хотелось бы, чтобы моему сыну учитель рассказывал о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина и о «Фрегате Паллада» И.А. Гончарова так, как это делал М.П. Лобанов, подмечая, как в прошлые века, например, относились за морем к русским людям.

В данной статье нет возможности сказать о каждом параграфе учебника. Обозначу лишь некоторые важные мысли. Со школьной скамьи мы привыкли воспринимать Д.И. Фонвизина в рамках вульгарно-классового анализа его комедии «Недоросль». М. Лобанов знакомит нас ближе с писателем XVIII века, говоря, что из своего путешествия во Францию Фонвизин вынес мысль о самобытности русского исторического пути, что роднит его со славянофилами. «В лице Фонвизина русская мысль перестаёт быть ученицей Запада», — заключает автор учебника. А говоря о А.Н. Радищеве, к примеру, Лобанов доказательно подходит к мысли, что «революционизм его был революционизмом религиозного человека».

Также и Н.М. Карамзина Лобанов возвращает в круг сегодняшних наших соратников, говоря о том, что «русская литература XVIII в., начавшаяся с подражания западному рационалистическому просвещению, завершилась отвержением его, возвращением в лице Фонвизина и Карамзина к древнерусским духовным истокам». Пример тому — разрыв Карамзина с масонством, написанная им «Записка о древней и новой России» и величайший его труд, столь высоко оцененный Пушкиным, «История государства Российского».

В своём учебном пособии М. Лобанов говорит, казалось бы, об очевидном, что А.С. Пуш-

кин «открыл в явлениях жизни, в самой её прозе, в людях, их мыслях и чувствах такие залежи красоты, что кажется это непостижимым в условиях действительности». Но тут же мысль педагога идёт дальше, он желает помочь юным своим соотечественникам увидеть высший смысл этой красоты, т.е., заложенный в ней божественный смысл.

Размышляя о том, что Пушкин вывел образы из иных культур — древнегреческой, итальянской, немецкой, французской, английской, южнославянской, Михаил Петрович задаётся вопросом: почему для нашего великого национального поэта было важно увидеть то, что составляет славу другой нации. Дело в том, что уже в своё время Пушкин сталкивался с явлениями развенчания святынь (например, в отношении к личности Жанны Дарк во Франции) и видел в этом «симптом общественного упадка». Сегодня, в наш век потребления, где не остаётся ничего святого, эти предупреждения Пушкина сверхактуальны (особенно для Европы). Потому что свято место пусто не бывает. Оно заполняется антикультурой, вносящей распад во всё человеческое. Это мы наблюдаем уже четверть века в своей стране. Псевдохудожественные и русофобские инсталляции проникают сегодня даже в Третьяковскую галерею.

И защитников у нас становится всё меньше. «Иных уж нет, а те далече»... В 2020 году ушли Анатолий Парпара, Юрий Сергеев, историк Игорь Фроянов, публицист Александр Казинцев... Да и при жизни разве были слышны их голоса? Вот и о Михаиле Петровиче Лобанове, об этом замечательном русском мыслителе, с телеэкрана не услышишь ни слова. Сегодня ещё живы поэт Валентин Сорокин, прозаики Владислав Бахревский, Михаил Чванов, Юрий Лошиц, выдающийся специалист в филологии В.Ю. Троицкий... Видим ли мы их, слышим ли по телевизору?..

Между тем вклад М. Лобанова в духовную, культурно-историческую жизнь Отечества поистине значителен и весом. Уместно привести

здесь хотя бы некоторые высказывания русских деятелей культуры о Лобанове. Священник, он же писатель, Димитрий Дудко вспоминал ещё в начале 1980-х гг.: «Я Лобанова давно уже заметил по его произведениям, они мне очень нравились, были удивительно духовны. Как он всё хорошо понимал в безбожный период в нашей стране и безбоязненно обо всём говорил. Его статья "Освобождение" наделала большой переполох. Лобанова наказали. Вот они герои, а всё выставляют кого-то, кто им и в подмётки не годится. Мучаются другие, а лавры пожинает кто-то, но забывают враги, что есть Промысел Божий, есть Грозный Судия, по выражению Лермонтова: "Тогда напрасно вы прибегнете к злословью, оно вам не поможет вновь". Я почувствовал в Лобанове по духу сродное мне». Очень точно сказал поэт Анатолий Парпара: «К сожалению, критиков такого уровня, как Михаил Лобанов, сегодня практически нет... Он один из тех, кого с чистой совестью можно назвать Удерживающий...». А прозаик Владимир Личутин добавил: «Но он не критик, а философ. Мощная фигура в русской культурной жизни».

А лобановский феномен поиска русского таланта, воспитания в слове многих поколений молодых литераторов — студентов из всех республик Советского Союза, нынешней России, выпускников из зарубежных стран?... 50-летию преподавательской деятельности выдающегося русского писателя, руководителя творческого семинара прозы, профессора Литературного института им. А. М. Горького посвящён уникальный сборник «В шесть часов вечера каждый вторник. Семинар Михаила Лобанова в Литературном институте» (М., 2013). Он наглядно свидетельствует об обилии молодых талантов в России, о том, что творческая молодёжь противостоит злу и насилию, всему разрушительному, что не обрывается её связь с традициями русской литературы, тысячелетнего русского слова.

Но вернемся к учебному пособию писателя, критика, литературоведа, профессора Литинститута. Ценны для осмысления литературы XIX

века размышления М. Лобанова над лермонтовским «Демоном». Ценны и актуальны, потому что мотивы этого произведения находят отражение в сегодняшней культуре, в том числе религиозной, и трактуются зачастую неверно. Мне доводилось писать об одном документальном фильме, снятом к 200-летию Лермонтова. В нём по замыслу его создателей был выведен абсолютно демонический образ поэта. И здесь М. Лобанов встаёт на защиту русского поэта. В своём учебном пособии он приводит строки самого Лермонтова из написанной им «Сказки для детей»: «...и этот дикий бред преследовал мой разум много лет. Но я, расставшись с прочими мечтами, И от него отделался стихами!». Но главное подтверждение того, что Лермонтов не был носителем демонического начала, М. Лобанов видит в том, что в момент роковой дуэли поэт не стал убийцей. Какое удивительное созвучие — эту же мысль и в то же самое время высказал в своих стихах протоиерей Вячеслав Шапошников:

*...Не бывает у убийц осечки.
В страшный миг не дрогнет их рука.
Побывал я и на Чёрной речке,
был и у подножья Машука.*

*В скорби русской видел ваши лица
над сияньем горьких двух могил.
Ни один из вас не стал убийцей.
Знаю, верю: Бог не попустил.*

Всё больше удивляюсь сегодня тому, как наши школьные учителя литературы, воспитанники советской школы, могли передать нам молитвенное чувство, с которым были написаны Лермонтовым его стихотворения «О, Мать Божия, ныне с молитвою...» и «В минуту жизни трудную...». И Лобанов говорит об открывающейся поэту божественной вселенской гармонии, о «мистической тайне любви к России», заложенной в стихотворении «Родина»... И мы — несколько поколений людей — перекликаемся этими мыслями, что бы ни происходило со страной, где бы мы ни оказались... Хочется верить, что ещё не поздно вернуть багаж отечественной

филологической школы в современную систему образования.

Мы много спорим последние годы о причинах революции 1917 года. Все ответы даны у Достоевского («Братья Карамазовы»), у Лескова («Некуда»), у Чехова («Степь»). М.П. Лобанов отмечает в своём учебнике по литературе, что в «Бесах» Достоевского показано, «как либерализм, западный космополитизм возвращал радикалов — “бесов”, разрушителей России — типа маниакального революционера, убийцы Петра Верховенского, талмудического кощунника, запускающего мышь в киот иконы — Лямшина, этого предшественника емельянов ярославских».

Вспомним, как первый вице-премьер правительства РФ Чубайс заявил, говоря о Достоевском: «Я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку... Его представления о русских как о богоизбранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает у меня желание разорвать его на части». Лобанов поясняет, что этот «ложный выбор» (с точки зрения «реформаторов») связан со Христом, с православием, ставшим «сердцевиной духовной и исторической жизни русского народа, залогом его силы».

Как о наступающей эпохе дельцов пишет М. Лобанов о конце XIX века, отсылая читателя к роману Лескова «Некуда», который не намеренно ли сегодня выведен из поля зрения старшекласников. Разве не эти дельцы подвели на край гибели Россию — как в начале прошлого века, так и в конце его?

Ценность учебника М. Лобанова «Тысячелетнее русское слово духовное и светское» в том, что автор смог предельно глубоко и простым языком объяснить сложные явления русской литературы. Такое, например, как Лев Толстой. Лобанов ценит Толстого как гениального художника, но, чтобы нам разобраться в его опасных духовных исканиях, он приводит, к примеру, слова А.Н. Островского, который просил Толстого оставить «философию» и сомнительные писания вроде своего «евангелия»: «Ты романами и пове-

стями велик, оставался бы романистом, а если утомился — отдохнул бы, но что взялся умы мутить, это к хорошему не поведёт».

О драматурге Александре Николаевиче Островском М. Лобановым, как уже говорилось, написана книга, вышедшая в ЖЗЛовской серии в 1979 году. Этим трудом автор изменил представление (по старой социологической схеме) об Островском как обличителе «тёмного царства», «самодуров». В произведениях выдающегося драматурга с его «кровным родством с православной верой народа» Лобанов видит отражение натиска всё того же дикого капитализма, засилье делячества и бешеных денег, новой «буржуазной морали». Сегодня, в XXI веке, многие критики отмечают цельность христианского мировоззрения А.Н. Островского и И.А. Гончарова, о чём Михаил Петрович писал в 1970-е годы, ещё во время, когда иные славили братскую ГЭС и Ленинский комсомол.

Учебник Лобанова — клад для учителя, преподавателя. Глоток живой воды, выход из рутинной работы. К примеру, меня с некоторых пор занимает вопрос о природе тоски чеховских героев — «в Москву, в Москву!». И здесь я нахожу для себя подсказку у М.П. Лобанова, который доброжелательно вглядывается в фигуру Антона Павловича, завершающего XIX век русской литературы. «В чеховской объективности таится поистине христианское сочувствие к человеку, в суетности своего существования теряющему связь с высшим смыслом бытия. С мудрой грустью смотрит он на своих героев. Это несчастные люди — не в бытовом смысле, а как у апостола Павла — „тварь стелющаяся“. По словам Игнатия Брянчанинова, “в познании и сознании немощи зиждется всё здание спасения”. Путь к осознанию этого становится определяющей проблемой для “тоскующих” чеховских героев».

Завершается учебник «Тысячелетнее русское слово» размышлениями о литературе рубежа XIX — XX вв., когда произошёл отход от традиционного реализма к модернизму и декадансу, духовному «релятивизму», которые не могли не повлиять на состояние части тогдашнего общества, словно охваченного массовым психозом.

Осмыслению литературы XX века посвящены многие книги Михаила Петровича, к примеру «В сражении и любви» (2003), без которых невозможно понять, что происходило со страной в недавнем прошлом. Итоговой для писателя стала книга «Твердыня духа» (2010), изданная в Институте русской цивилизации в «Серии самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения в истории тысячелетней России» (как сказано во вступительном слове к книгам этой серии).

«Прошлое России, нашего народа так безгранично богато содержанием, что можно говорить только о крайне малой соотнесённости этому в литературе. И здесь для познания России дороги свидетельства писателей, книги которых расширяют, обогащают наше представление о великой стране, о народной жизни», — писал М. Лобанов.

К таким книгам по праву можно причислить и книги самого автора этих слов — писателя и общественного деятеля, Заслуженного работника Высшей школы России, почётного работника культуры г. Москвы. Учебник «Тысячелетнее русское слово духовное и светское» М.П. Лобанова я рекомендовала бы не только в гуманитарные вузы, но и в школы, поскольку только с помощью такого учебного материала и возможно сегодня формировать личность, мировоззренческий багаж, с которым юное поколение сможет полноценно овладевать профессией, творить, созидать и защищать интересы своего Отечества. ■

СОФЬЯ ГИНЕЕВА

Родилась 30 сентября 1996 года в Краснодаре. Студентка 4-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в «Новой газете Кубани», «Родной Кубани». Живёт в Краснодаре.

ТОТ ЯД, ЧТО ОТРАВЛЯЕТ ДУШУ

Говорят, мы то, что мы едим. Мне кажется, смысл этой фразы отнюдь не связан с едой. Человека определяет его наполнение, а наполняет нас то, что мы сами в себя вкладываем или что нам старательно подсовывают извне. И именно второе таит в себе особую опасность. Буквально отовсюду: из телевизора, радио, соцсетей — мы черпаем информацию, усваиваем её, и она откладывается в нашей голове, прорастает в мозгу, пускает корни. Мы начинаем мыслить в соответствии с новыми взглядами, а уровень нормы — это как раз о взглядах на мир. Он тихонько и незаметно смещается, и вот мы уже допускаем в сознании что-то, что раньше казалось бредом, традиционные ценности больше не кажутся правильными, появляется куча новых вариантов, как можно. Можно не заводить семью, а гулять направо и налево до седины, можно не уважать окружающих, а плевать на них с высокой колокольни, можно уничтожить историческую память. Почему бы и нет?

«Ещё в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 2016 года было заявлено о том, что государство обязано противодействовать в информационной сфере деятельности, “направленной на размывание традиционных ценностей”» [1], — справедливо подметил публицист Игорь Шишкин в своей статье «Остановить глумление!». Прописано-то оно прописано, но соблюдается ли на практике?.. В этой же статье автор говорит о том, что либералами нам навязано мнение: никакой цензуры в нашем современном и прогрессивном государстве быть не должно, а не согласные

с «художником» — идите в суд. Вот этим-то и пользуются многочисленные адепты «свободного искусства». Как в кино и театре, так и в музыке.

Музыка души, музыка сердца, музыка разума сейчас складываются в одну единственную — музыку морального разложения. Иначе не назвать то, что «орёт» из окон проезжающих по улицам автомобилей и приоткрытых дверей ночных клубов.

Недавно был скандал. Очередной. Кумир молодёжи Егор Крид выпустил новую песню о своих бывших подругах — «Pussy Boy», и по всему виду, со своими девушками звезда расстанется не на доброй ноте... «Она сразу даёт, ну спасибо. Хочет отношений, упаси Бог. Но, когда я в ней — я Pussy Boy» (прошу прощения за такую цитату). Далее много мата и прочих искромётных фраз — вот так Крид отзывается о своих дамах. Что ж, уважением к женщинам и не пахнет, уважением к слушателям — тоже (не удивляюсь — он многие годы себя позиционирует именно таким человеком). Но любопытно другое: хоть трек и раскритиковали ютуб-блогеры, его никто не забанил, не прикрыл, не запретил и не бойкотировал — как распространяли, так и распространяют.

От внутреннего протеста я даже перестала танцевать, когда услышала этот «шедевр» на недавнем мероприятии. А окружающие — не перестали. Передёргивает от мысли, что это «добро» скачивают, прослушивают, запоминают. К тому же люди невольно заучивают ТАКИЕ слова, и не только школьники и школьницы (а основная

аудитория Крида — именно они), но и взрослые, которые, казалось бы, имеют свою голову на плечах и сформировавшееся мировоззрение. А может, продвигаемые нашей эстрадой ценности совпадают с ценностями современных россиян? Хочется верить, что это неправда, но такая вера трудно даётся. Ведь не смущает же песня окружающих, поют и даже танцуют под новомодный хит. Что в итоге мы имеем? Кумир своим примером девушкам и парням показывает: к человеку можно относиться как к куску мяса. Разлюбил ли после этого его музыку женская половина аудитории? Сомнительно. А мужская? Хорошо бы, но, скорее всего, частично воспримет в качестве примера того, как можно поступать.

Другое «чудо природы», которое изрыгнул наш шоу-бизнес, — Моргенштерн. Согласитесь, музыканты имеют в обществе огромное влияние. То, что они говорят, что поют, — публика всё за ними повторяет и впитывает в себя, как губка. Вот скажет такой условный (хотя на самом деле вполне конкретный) Моргенштерн, что он не понимает смысла празднования Дня Победы (на него тратится куча денег, а празднуется то, что прошло 70 с лишним лет назад) и продолжит жить припеваючи и тратить свои миллионы, заработанные на аморальном поведении. И вы не поверите, но его поддержали в этом мнении аж 22 процента россиян! Об этом написали в РБК: «Празднование Дня Победы в Великой Отечественной войне периодически вызывает жаркие споры относительно стиля и масштаба мероприятий. ВЦИОМ замерил, сколько сторонников нашлось у очередного противника этой традиции. С мнением популярного музыканта Алишера Моргенштерна о том, что на празднование Дня Победы тратится слишком много денег, согласились 22 процента участников опроса ВЦИОМа. Результаты опубликованы на сайте центра <...> Рэпер предположил, что России больше нечем гордиться» [2]. Вот так спокойно можно пройти по исторической памяти — по национальному дню, который для русских (и не только) важен и свят. И его

в этом поддерживают 22 процента опрошенных ВЦИОМом. А он, используя свои медийные возможности, вместо того чтобы помогать людям бескорыстно, дал на лечение ребенка крупную сумму из-за того, что мать мальчика работала в следственном комитете. Вместо того, чтобы вкладывать в умы что-то важное и верное, он порочит память о павших воинах и равнодушен к тому, насколько эта память важна для народа.

О текстах «песен» данного персонажа умолчу — думаю, об этом все наслышаны, потому как скандалов вокруг творчества Моргенштерна, в основном матерного, и его деятельности в целом — пруд пруди.

А что же думает по данному поводу наше любимое либеральное СМИ, рупор свободы «Новая газета», главный редактор которой недавно получил Нобелевскую премию мира за «усилия по сохранению свободы мысли как неперемennого условия для демократии» [3]? А вот что:

«Похоже, наша страна обретает, наконец, национальную идею "Запретить все". Цензура добралась и до онлайн-платформ. Роспотребнадзор предложил запретить ненормативную лексику и на стриминговых сервисах. И это только начало» [4], — пишет «Новая». И действительно, мы же демократическое государство, так дадим же бой цензуре. Мат в искусстве и коммуникативном пространстве — норма, а запрещать его — зло. В цитате, конечно, говорится не о музыке, но и её эта газета не обходит стороной: «Еврейские ноты: Пять томов биографий евреев, изменивших современную музыку» [5] — заголовок одной из статей. Про русскую народную музыку я, к слову, такого материала не нашла.

А вот цитата из статьи Яна Шенкмана о новом альбоме группы «ДДТ» с говорящим названием «Юрий Юлианыч и пустота»: «Мы, говорит Шевчук (основатель группы «ДДТ». — С.Г.), провалились не в Средние века, а гораздо глубже, в первобытный хаос, в темноту, где клубятся мерзкие твари, которым и дела нет до справедливости, свободы, любви. Там работают другие

инстинкты» [6]. Не добро и справедливость, не любовь и нравственная чистота, не высокие чувства, а хаос и пустота — вот о чём стоит писать и вот что стоит слушать русскому человеку.

«Есть такое ужасное выражение, которым злоупотребляют в сетях, — “сраная Рашка”. Мой друг поэт Лесин не стал мелочиться и обобщил это до “сраной Вселешки”. Вот о Вселешке Юрий Юлианович и поет. “В мировом масштабе”, как сказал бы Василий Иванович», — пишет в своей статье Шенкман. Как думаете, нормально ли употребление таких выражений в средствах массовой информации? Адекватно ли? Где же закон? Где правила, согласно которым работают СМИ? Или такая у нас свобода слова — писать можно всё, что только придёт в голову? И ведь, понимаете, они там, в редакции, возможно, верят, что пишут правильно, что борются своими материалами за свободу и справедливость (ну, идеалистически хочется так думать). Хотя, скорее, просто ухмыляются со своего холма, посмеиваются, как, написав любую чушь, можно зарабатывать деньги, как можно туманить разум читателя, какой он глупый (ведь эти тексты кто-то читает и платит свои кровно заработанные на творчество авторов газеты). А может, читатель не глупый, может, мысли у него самого такие же грязные, и ценности — схожие с редакцией «Новой газеты», что не утешительнее.

Кстати, пока была на сайте издания, мне дважды предложили внести свой вклад в развитие «независимой журналистики» нажатием кнопки «стать соучастником». Вот уж, действительно, иронично звучит — «соучастник», ведь ассоциируется это слово с преступлением, коему такие статьи и вообще деятельность издания достаточно близки.

Две с половиной тысячи лет назад древнегреческий философ Платон писал: «Нельзя изменить форму музыки, не внося расстройство в нравственность» [7]. Музыка влияет на нравственную составляющую как ничто другое сильно. Конфуций, в свою очередь, высказался так: «Покажите мне, как поёт народ, и я скажу,

как народ управляется и какова его нравственность» [7]. Судя по тому, что поёт наш народ, а особенно молодая его часть, — уровень нашей нравственности резко упал и стремится к нулю. Само ли собой это происходит или же всё это — намеренно? Думаю, ответ очевиден. В шоу-бизнесе вертятся огромные капиталы, зарабатывая которые, пользуясь низменными страстями, слушателей намеренно отупляют, возвращают в умах семя зла, продвигают либеральные взгляды, убивают всё традиционное, русское национальное. Так из потенциально порядочных людей выращивают хамов, матерщинников и прочих представителей «нового общества». Даёт ли кто-то ответ на такие действия? Смельчаков немного, и, как правило, такого финансирования и возможностей бороться на том же по масштабу информационном уровне у них нет, как и покровителей. А чтобы противостоять этому произволу, необходимы решительные меры.

Ученый Константин Циолковский писал: «Музыка — есть сильное возбуждение, могучее орудие, подобное медикаментам. Она может и отравлять, и исцелять. Как медикаменты должны быть во власти специалистов, так и музыка» [8]. То, что я слышу в последнее время, на мой взгляд, именно отравляет наше общество, отравляет сознание, душу и разум. Это больно осознавать, но, к сожалению, это факт.

Всё чаще замечаю, как дети, совсем юные создания, идя по улице, выкрикивают матерные тексты песен рэперов. Все это постепенно ведет к тому, что они впитывают содержание песни и через какое-то время становятся озлобленными, не уважают окружающих их людей, уходят от традиционного, во всём подражают своим звёздным кумирам и ведут себя также развязно и безобразно. Их речь портится, наполняется похабными словами и всяческими мерзостями, как молитву они повторяют популярные трэки и запоминают слова, которые изрекает их божок-кумир.

К чему это приведёт? Очевидно, в скором времени вырасти нормальным человеком, по-

нимающим, что такое хорошо и что такое плохо, будет практически невозможно: хочешь не хочешь, а будешь слушать это псевдоискусство — оно ведь льётся из всех щелей и их не заткнуть. Даже под строгим надзором сознательных родителей, так или иначе, ребенок отовсюду узнает, что «модно»: из Интернета, из общения со сверстниками или через СМИ, которые не только не противодействуют злу, но и активно его пропагандируют. А правительство, в свою очередь, продолжает отмалчиваться и

бездействовать, аргументируя это свободой слова в России. У нас ведь в стране демократия. И цензура запрещена. Что ж, демократия — демократией, а национальная идея, традиционные ценности и нравственность должны сохраняться, как это сказано в Доктрине информационной безопасности России. И если для этого требуется подвергнуть массовое искусство цензурированию, стоит это сделать. Борьба за будущее — это достойная причина для таких радикальных мер. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Шишкин, И. С. Остановить глумление! [Электронный ресурс]. — URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_13623.html (дата обращения: 03.11.2021).
2. Гордеев, В. Тезис Моргенштерна о расходах на День Победы поддержали 22% россиян [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/society/02/11/2021/618131ed9a7947da49d5468d> (дата обращения: 03.11.2021).
3. Б/а. Главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов и филиппинская журналистка Мария Реса стали лауреатами Нобелевской премии мира [Электронный ресурс]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/08/glavnyi-redaktor-novoi-gazety-dmitrii-muratov-i-filippinskaia-zhurnalistka-mariia-resa-stali-laureatami-nobelevskoi-premii-mira-news> (дата обращения: 03.11.2021).
4. Малюкова, Л.Л. Запретить! Ампутировать! И наказать пингвинов! [Электронный ресурс]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/29/zapretit-amputirovat-i-nakazat-pingvinov> (дата обращения: 03.11.2021).
5. Тарарак, Е. Еврейские ноты [Электронный ресурс]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/31/evreiskie-noty> (дата обращения: 03.11.2021).
6. Шенкман, Я. Юрий Юлианович и пустота [Электронный ресурс]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/02/iurii-iulianovich-i-pustota> (дата обращения: 03.11.2021).
7. Белов, В. И. Когда воскреснет Россия? [Электронный ресурс]. — URL: <https://books.google.ru/books?id=QL8MEAAQBAJ&pg=PT47&lpg=PT47&dq=> (дата обращения: 03.11.2021).
8. Марченко, Е.В. Влияние музыки на общее развитие детей и ее целебные свойства [Электронный ресурс]. — URL: https://sch2120tn.mskobr.ru/users_files/l.rummo/files/vlianie_muzyki_na_obwee_razvitie_detei_i_ee_celebnye_svoi_stva_1_copy.pdf (дата обращения: 03.11.2021).